

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

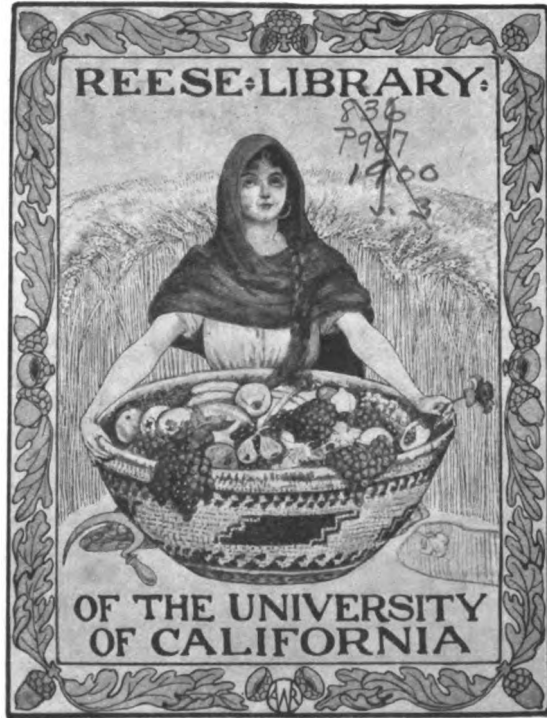
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 2 863 456

СОЧИНЕНІЯ
ПУШКИНА

ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПЕРЕПИСКА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ

В. И. Саитова

ТОМЪ ПЕРВЫЙ
(1815—1826)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лия. № 12

1906

PRESENTATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

AUG 30 1995

REFSE

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук.
Октябрь 1906 года. Непрерывный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

РГ 3247
А 1
1900
V, 3
МАИ

Основой для академического издания переписки Пушкина, находящегося в прямой связи с академическим же изданием его сочинений, редактируемым Вячеславом Евгениевичем Якушкиным, послужило довольно большое собрание копий с подлинных, большею частью известных уже в печати, писем Александра Сергеевича к разным лицам, переданное в мое личное пользование Александрой Алексеевной Майковой. Копии эти были собственноручно сняты покойным Леонидом Николаевичем Майковым, который, готовя к печати стихотворения Пушкина, предусмотрительно собирал и прозаические его автографы, находившиеся в частных руках.

Преследуя правильность Пушкинского текста и согласуясь с постановлением Пушкинской Комиссии относительно точного воспроизведения орфографии Пушкина¹⁾, я проверил письма его, бывшие уже в печати, по подлинникам или по фотографическим копиям с них, если только представлялась какая-либо возможность получить то или другое. Так же поступил я и с собранием Леонида Николаевича, который признавал необходимым сохранение только характерных особенностей пушкинского правописания и пунктуации. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ автографовъ, находившихся въ рукахъ Л. Н. Майкова, оказались уже утраченными; другіе остались недоступными мнѣ по другимъ причинамъ.

Издаваемая переписка Пушкина расположена в строго хронологическомъ порядкѣ. Она отличается отъ предшествовавшихъ изданій, кромѣ введенія Пушкинской орфографіи, своею сравнительною полнотой, которая выражается въ обнародованіи новыхъ писемъ Пушкина, въ дополненіи старыхъ, а также въ

1) Протоколы засѣданій 12-го марта и 6-го декабря 1901 г. (Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ I. С.-Пб. 1903, стрр. IX, XI).

приведенія полностью черновыхъ редакцій на ряду съ бѣловыми. Кромѣ того, въ настоящее изданіе включены письма корреспондентовъ Пушкина, печатаемые для наглядности болѣе мелкимъ шрифтомъ и также свѣренныя, по возможности, съ подлинниками.

Текстъ переписки, продолжающій непрерывно печататься, будетъ обставленъ историческими, литературными, бытовыми и библиографическими примѣчаніями, которыя въ виду сложности работы появятся въ свѣтъ позднѣе. Особенностію текста переписки, требующею объясненія, являются троякаго рода скобки: круглыя (), употреблявшіяся самими корреспондентами; прямыя [], въ которыя помѣщены зачеркнутыя въ рукописяхъ слова, и ломанныя < >, съ извѣстнымъ числомъ точекъ, соотвѣтствующихъ числу буквъ въ словахъ, исключенныхъ по цензурнымъ соображеніямъ.

Въ библиографическихъ примѣчаніяхъ къ перепискѣ Пушкина будутъ поименованы учрежденія и лица, доставившія въ Пушкинскую Коммиссію автографы для настоящаго изданія. Мнѣ же лично оказали просвѣщенное содѣйствіе слѣдующія лица, которымъ и приношу свою глубокую благодарность: Петръ Ивановичъ Бартечевъ, Константинъ Яковлевичъ Гротъ, Анатолій Федоровичъ Кони, Николай Осиповичъ Лернеръ, Степанъ Григорьевичъ Рункевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ, Павелъ Елисѣевичъ Щеголевъ, Геннадій Васильевичъ Юдинъ, Василій Ивановичъ Яковлевъ.

Особую признательность считаю долгомъ выразить Александрѣ Алексѣевнѣ Майковой, которая съ рѣдкою готовностью и радушіемъ дозволила мнѣ воспользоваться всѣми принадлежавшими ей цѣнными матеріалами.

Постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ моимъ въ дѣлѣ приготовленія текста переписки былъ Борисъ Львовичъ Модзалевскій.

В. Саитовъ.

5-го октября
1906.
Павловскъ.

1815.

1.

И. И. Мартынову.

28-го ноября 1815 г. Царское Село.

**Милостивый Государь
Иванъ Ивановичъ!**

Вашему Превосходительству угодно было чтобы я написалъ піэсу на приѣздъ Государя Императора; исполняю ваше повелѣнье. — Ежели чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь щастливъ буду я ежели его Сіятельство Графъ Алексѣй Кириловичъ благоволитъ поднести Его Величеству ¹⁾ слабое произведенье неопытнаго Стихотворца.

Надѣясь на крайнее ²⁾ Ваше снисхожденье, честь имѣю пребыть Милостивый Государь, Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

1815 года
28 ноября
Царское Село.

1) Надъ зачеркнутыми словами: «Его Величеству» надписано другою рукою: «Гос. Им.».

2) Было написано: «крайнее», но самимъ Пушкинымъ исправлено.

1816.

2.

Князю П. А. Вяземскому.

27 марта 1816. [Царское Село].

Князь Петръ Андрѣвичъ,

Признаюсь что одна только надежда получить изъ Москвы рускіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣньность. Такъ и быть; ужъ не пѣняйте если письмо мое заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты; зачѣмъ дразнить было несчастнаго Царскосельскаго пустычника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеной Демонъ бумагомаранія. Съ моей стороны прямо объявляю вамъ что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣстъ храмой Софійской почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ — Подумайте хорошенько объ этомъ, дѣлайте что вамъ угодно — но я ужъ рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда Лицей (или Ликей, только ради Бога, не лицея) не казался мнѣ такъ несноснымъ какъ въ нынешнее время. Увѣрю васъ что уединенье въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются будто бы жилали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину:

Блаженъ кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеніи,
Кто видитъ только въ отдаленіи
Пустыню, садикъ, сельской домъ
Холмы съ безмолвными лѣсами
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ,

И надъ Славенскими глупцами
 Смѣется рускими стихами,
 Блаженъ, кто шумную Москву
 Для хижинки не покидаетъ---
 И не во снѣ а на яву
 Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда время нашего выпуска приближается. Остался годъ еще. Но цѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. цѣлой годъ еще дремать передъ каедрой... это ужасно. Право съ радостью согласился бы я двенадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ преславутой Россіады, даже съ присовокупленьемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только чтобы Гр. Разумовской сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодова челоуѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова. Но дѣлать нѣчего,

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ
 И жребій съ жребіемъ не схожъ —

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные) часто читаю стихотворенія которыя ихъ не лучше, недавно говѣлъ и исповѣдывался — все это во все незабавно — Любезный Арзамасецъ! утѣшите насъ своими посланіями — и обещаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайнѣй мѣрѣ искреннюю благодарность всего Лицея —

Простите, Князь гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ [на] III. — Обнимите Батюшкова за того больнаго у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову Королевича — Не знаю успѣю ли написать Василью Львовичу, на всякой случай обнимите и его за вѣтреннаго плѣмянника. Valeas. Александръ Пушкинъ.

Ломоносовъ вамъ кланяется.

Притиска С. Г. Ломоносова.

Je remets à la poste prochaine le plaisir de vous entretenir,
mon cher Prince. Votre devoué S. Lomonossov.

3.

В. Л. Пушкинъ — Пушкину.

Москва. 1816. Апрѣля 17.

Благодарю тебя, мой милой, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило, и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дожджика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала очень лѣнива, и ее тормошить надобно чтобъ вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любить и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ въ началѣ Маія отправляется въ Сарское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужать къ твоему добру, и можетъ быть къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многого ожидаемъ. — Скажи Ломоносову, что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи однако, что хотя я и пѣняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно. Прости, другъ сердечной. Будь здоровъ, благополученъ, люби и не забывай меня.

Василій Пушкинъ.

П. П. Вотъ Эпиграмма, которую я сдѣлалъ въ Яжелбицахъ.

Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ ¹⁾.

Шихматовъ, почтальонъ! Какъ не скорбѣть о васъ?
Привнаться надобно, что участь ваша злая:

У одного нога хромая,
А у другого хромъ Пегасъ.

1817.

4.

В. Л. Пушкину.

[Первая половина января 1817 г. Царское Село].

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный Поэтъ,
Опасный для гѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ; но я не осмѣ-
лился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ приемъ Бакхическихъ шатаюсь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братья:
Вы дядя мой и на Парнасѣ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-Поэтовъ здѣшняго
міра — можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную
беременность пера лѣнивѣйшаго изъ Поэтовъ-племянниковъ?

1) Въ Яжелбицахъ мы нашли почталіона хромого, и Вяземскій мнѣ эту за-
далъ эпиграмму.

Да, каюсь я конечно передъ вами:
 Совсѣмъ не правъ пустынный-риемоплетъ;
 Онъ въ лѣности сравнится лишь съ Богами;
 Онъ виновать и прозой и стихами:
 Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ: обѣщательныя и извинительныя: первыя, въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
 Простыми пѣснями свирѣли
 Красавицъ нашихъ воспѣвать,
 И съ гнѣвной Музой Ювенала
 Глухаго варварства начала
 Сатирой грозной осмѣять,
 И мучить бѣднаго Ослова
 Священнымъ Феба языкомъ,
 И лобъ угрюмый Шутовскова
 Клеймить единственнымъ стихомъ!
 О вы, которые умѣли
 Любить, обѣдать и писать —
 Скажите искренно — уже ли
 Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но..... надобно ли еще обѣщать? Простите, вы всѣ, которыхъ любить мое сердце, и которые любите еще меня....

Шольё Андреевичъ конечно
 Меня забылъ давнымъ давно,
 Но я его люблю сердечно,
 За то, что любить онъ безпечно
 И пить, и пѣть свое вино,
 И надъ всемірными глушцами
 Своими рѣзвыми стихами
 Смѣется, право, пресмѣшно.

А. Пушкинъ.

5.

В. А. Жуковскому.

[Лѣто 1817 г. Царское Село].

Штабсъ-капитану, Гёте, Грею,
Томсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

6.

Князю П. А. Вяземскому.

1-го сентября 1817. [Петербургъ].

Любезный Князь,

Если увидите вы Ломоносова то напомните ему письмо которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ Псковскомъ моемъ уединеннѣи. Я очень недавно приѣхалъ въ Петербургъ, и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго; не знаю сбудется-ли мое желаніе; покамѣсть съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ, и прошу у тебя твоего благословенія.

Пушкинъ.

1 Sept.
1817.

Адресъ: Ихъ Высокопреосвященствамъ Василью Львовичу Вотъ и Петру Андрѣевичу Асמודѣю. Въ Москвѣ.

1818.

7.

А. Е. Измайловъ — Пушкину.

26-го іюля 1818 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь мой, Александръ Сергѣевичъ!

С.-Петербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ въ засѣданіи своемъ вчерашняго числа, избравъ единогласно васъ въ свои члены, возложило на меня пріятную обязанность увѣдомить васъ, милостивый государь, объ ономъ. Исполняя съ особеннымъ удовольствіемъ такое порученіе общества, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ всегда вашимъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшимъ слугою Александръ Измайловъ, предсѣдатель Общества. — № 14, 26 іюля 1818.

1819.

8.

В. А. Жуковскому.

[Іюль 1819 г. Царское Село]

Раевскій, молоденецъ прежній,
 А тамъ уже отважный сынъ
 И Пушкинъ, школьникъ неприлежный
 Парнасскихъ дѣвственницъ богинь,
 Къ тебѣ, Жуковскій заѣжали,
 Но, къ неописанной печали,
 [Тебѣ] Поэта дома не нашли —
 И увѣнчавшись кипарисомъ,
 Съ французкой повѣстью Борисомъ
 Домой уныло побрели —

Какой святой, какая сводня
 Сведеть Жуковского со мной
 Скажи — не будешь-ли сегодня
 Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной? —
 На всякой случай — ожидаю;
 [Скачимъ] Тронися прозьбою моею
 Тебя зоветь на чашку чая
 Раевскій — слава нашихъ дней.

9.

А. И. Тургеневу.

9-го іюля 1819 г. [Петербургъ].

Очень мнѣ жаль что я не простился ни съ вами, ни съ обоими
 Мирабо. Вотъ вамъ на память посланіе Орлову; примите его въ
 вашъ отеческой карманъ, напечатайте въ собственной типографіи
 и подарите одинъ экземпляръ пламенному питомцу Беллоны, у
 трона вѣрному Гражданину. Къ статѣ о Беллонѣ: когда вы
 увидите бѣлоглазаго Кавелина, поговорите ему, хоть ради вашего
 Христа, за Соболевскаго, восп. Унив. Панс. Кавелинъ притѣс-
 няетъ его за какія-то Теологическія мнѣнія и достойнаго во
 всѣхъ отношеніяхъ молодова человѣка вытѣсняетъ изъ Пансіона,
 оставляя его въ нижнихъ классахъ, не смотря на успѣхи и великія
 способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго, вспомните
 объ немъ и, какъ Кардиналь-племянникъ, зажмите ротъ Доктору
 Теологіи Кавелину, который добивается въ Инквизиторы. Пре-
 поручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу Камергера Don-Basile
 забыть меня по крайнѣй мѣрѣ на три мѣсяца.

Пушкинъ.

1819.
 9 Іюля.

10.

Н. И. Кривцову.

(Черновое).

[Вторая половина июля— начало августа 1819 г. Михайловское].

Помнишь-ли ты, житель свободной Англии, что есть на свѣтѣ Псковская Губернія [что изъ этого то пишетъ тебѣ] твой [вѣрный] [откуда наконецъ] и лѣнивѣцъ котораго ты вѣрно [не забываешь] помнишь [и любишь] который о тебѣ каждый день груститъ на котораго ты [долженъ бы сердиться но не знаю сердисься ли] сердисься и [ты] [я виноватъ потому что уже и голосъ и языкъ не] я не люблю писать писемъ— [и языкъ] языкъ и голосъ едвали достаточны для [выраженія] нашихъ мыслей [и особл. для чувствъ]— а перо [еще глупѣе] такъ глупо [бѣдно], такъ медленно; письмо неможетъ замѣнить разговора [такъ] какъ бы то ни было я виноватъ— [буде об. зая. но зная зна. зная] зная что мое письмо [на нѣсколько минутъ мо] можетъ [принести тебѣ нѣск. мин. удовольствія] на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи [и о Грабѣ объ вечерахъ Турген.] о вечерахъ у Т. и Кар. [и не исполнивъ дружескаго долга].

11.

П. Б. Мансурову.

27-го октября 1819 г. [Петербургъ].

Насилу упрости я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-Черкесь! здоровъ-ли ты, моя радость; весель-ли ты моя прелесть— помнишь-ли насъ, друзей твоихъ (мужескаго полу)—

Мы не забыли тебя, и въ 7 часовъ съ $\frac{1}{2}$ каждый день поминаемъ [тебя] въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами — и говоримъ: свѣтъ то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? завидуетъ намъ — и плачетъ о Кур..... (разумѣется нижнимъ проходомъ) — Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты, по прежнему поднимаются на нее телескопы и <...> — но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя — Оставимъ Элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ — все идетъ по прежнему; Шампанское, слава богу здорово — Актрисы также — то пьется, а тѣ <.....> — аминь, аминь, такъ и должно — У Юрьева <...>, слава богу, здаровъ — у меня открывается маленькой; и то хорошо — Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и Кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ — а я въ нихъ не влюбленъ — однакоже его вызывалъ за его дурную комедію, а ее за посредственную игру — Tolstoy болень — не скажу чемъ — у меня и такъ ужъ много <.....> въ моемъ письмѣ — Зеленая Лампа нагорѣла — кажется гаснетъ — а жаль — масло есть (т. е. Шампанское нашего друга) пишешь-ли ты мой собратъ — напишешь ли мнѣ, мой холосенькой — поговори мнѣ о себѣ — о военныхъ поселеньяхъ — это все мнѣ нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизмъ — прощай, лапочка. А. Пушкинъ.

27 oct. 1819.

На оборотѣ: Павлу Борисовичу Мансурову.

1820.

12.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину и А. И. Тургеневу.

[19 и 20-го февраля 1820 г. Варшава].

Два слова, а можетъ быть и болѣе; Сверчку-Пушкину.

Поздравь, мой милый Сверчекъ, пріятеля своего N.N. съ счастливымъ испражненіемъ барельефовъ пировъ Гомера, которые такъ долго лежали у него на желудкѣ. Признаюсь, я вложилъ Эскилу выраженіе ему чуждое. Проклятый, хотя и святой отецъ Брюмоа, ввелъ меня въ соблазнъ: онъ сказалъ: „c'est une justice, que lui rendoit Eschyle lui même, qui avoit coutume de dire, que ses pièces n'étoient, que des reliefs des festins étalés dans l'Iliade et l'Odissée.“ Увлеченный поэтическимъ смысломъ уподобленія¹⁾ (а на повѣрку выходитъ: вымысла моего) я позабылъ справиться, или лучше сказать не позаботился справиться съ другимъ источникомъ, или по крайней мѣрѣ съ французскимъ словаремъ, который сказавши мнѣ, что relief на языкѣ старинномъ значить: restes de viandes, меня избавилъ бы отъ преступленія противъ Эскила, а желудокъ Г-на NN. отъ барельефовъ, которые, легко сознаюсь съ нимъ, не такъ скоро переваришь, какъ мясные объѣдки. За то уже Аристофановскую индигестію (которую кажется не мнѣ подobaетъ брать на совѣсть) не скоро выгонешь изъ него. Хотя я и не великой Грекъ, но смѣю поручиться, что безъ всякаго оскорбленія Греческой чести, можно всегда назвать Аристофаномъ каждаго Комика, котораго безстыдная дерзость выводитъ на сцену гражданина честнаго съ намѣреніемъ предать его осмѣянію общественному. Тутъ идетъ дѣло не о дарованіи писателя, а о гнусномъ умыслѣ человѣка. Убийцею Сократа въ буквальномъ смыслѣ нельзя назвать Аристофана: но Аристофанъ пер-

1) Ибо признайся самъ: въ ошибкѣ моей есть погрѣшность противъ истины, но не противъ здраваго смысла: барельефы такъ сказать дополненіе сюжета, подробности, расказъ ему соответствующій и, не трогая чести Г-на Эскила въ моемъ сравненіи богѣ поэзіи и благородства.

вый и всенародно донесъ на Сократа, какъ на безбожника и вотъ почему Плутархъ (опять чертъ дергаетъ меня) сказалъ о немъ: „шутки его самыя низкія и отвратительныя; онъ даже и для черни не забавенъ, а людямъ здравомыслящимъ и честнымъ не стерпимъ; нельзя снести его надмѣнности и добрые люди не видятъ его злость.“ Послѣ этаго, кажется, намъ грѣшнымъ можно иногда и въ сѹе даже употреблять имя Аристофана. Далѣе: въ одной Комедіи своей (названіе спроси у Преображенскаго моста, я запомнилъ) онъ именно осмѣиваетъ Греческихъ трагиковъ въ шуткахъ самыхъ плоскихъ и низкихъ и вотъ почему Вольтеръ говоритъ о немъ: „ce poete comique, qui n'est ni comique ni poete, n'aurait pas été admis parmi nous à donner ses farces a le faire de St. Laurent.“ Скажи по совѣсти, не могъ-ли бы Вольтеръ сказать того же о Героѣ Г-на NN. и слѣдственно намъ грѣшнымъ не простительно-ли иногда смѣшивать понятіе о Аристофанѣ съ судомъ надъ Героемъ Г-на NN. Это все могло-бы раскормить немного Сына Отечества, но я не хочу, чтобы не только Москва, но и Варшава разгорѣлась отъ сальной свѣчки и потому погасивъ свой огарокъ желаю тебѣ доброй ночи, объявши напередъ отъ всего сердца и поблагодаривъ за Лидиньку. Присылай еще что есть. —

Пятница, 20. Сей-часъ получилъ твою грамоточку, Богъ вѣсть, котораго числа. Что скажешь ты, что скажите Вы о французскихъ дѣлахъ? Бери, чертъ его бери; но плохо то, что все обрывается на свободу. Уже подали три проекта законовъ изъ коихъ два подкапываются подъ самое зданіе общественныхъ вольностей угрожая свободѣ личной и свободѣ мысли. Заварится каша. Опять заведутся Конгрессы, эти кузницы оковъ народныхъ: цари станутъ на сторожѣ, народы потерпятъ, да и выдутъ изъ терпѣнія: а намъ все не легче будетъ. Власть любитъ гегегализировать и тамъ, гдѣ идетъ дѣло о мѣрѣ частной принимать мѣры общія. Вотъ и мое Прадтовское пророчество. Я о Франціи плачу какъ о родной. Ей, всѣ друзья свободы, ввѣрили надежды свои въ ростъ: Боже сохрани, отъ втораго банкротства. Если и тутъ опытность не была въ прокъ, то гдѣ-же искать Государственной мудрости на землѣ? Куда дѣвать упованія свои на преобразование Россіи? Теперь у насъ ни калачемъ не выманишь Конституціи въ Россіи: развѣ придется отыскивать ее собаками? Какіе получаете Вы французскіе листы? Въ l'Independant, который посылается Вельяшеву-la chaussée,

все это дѣло и послѣдствія расказаны хорошо. Что говорить объ этомъ Капо и, какъ принято было извѣстiе дворомъ? — Мой нѣмецъ не Якоби, а Якобъ, въ Петербургѣ не бѣжъ и выписанъ сюда изъ Германiи въ профессора Греческаго языка. Съ нимъ читать прiятно, онъ человѣкъ молодой. Отыскалъ-ли ты мое тряпье во 2-мъ Благонамѣренномъ? Этотъ народъ не умѣетъ никакъ продавать товаръ лицомъ. Какъ можно разомъ бухнуть все въ одну книжку? и на мою долю всегда падаютъ опечатки. Что сдѣлалъ ты съ моими тремя послѣдними баснями? Ты, кажется, хотѣлъ ихъ отдать Измайлову. Неужели и на нихъ наложилъ Яценко лапу? *Пуще всею Библию и переводъ Евангелiя!!!* А затѣмъ прости прощай. Если встрѣтишь Меньщикова скажи ему, что отвѣтъ его ожидается съ нетерпѣнiемъ. Что дѣлаетъ Жуковский? Что ты заупрямился и не отвѣчаешь мнѣ на вопросъ: ѣдутъ-ли они въ Берлинъ и будетъ-ли онъ проводникомъ?

Братьямъ мой сердечный поклонъ.

Поручи дружбѣ любезнаго Почтъ-Директора два мои письма въ Москву и поблагодари за строки, при доставленiи письма отъ брата. Книги пришло. Если на Сына не подписался, то не нужно. Библию и Евангелiе русское пуще всего.

Вотъ Сыну.

Пусть остряковъ союзныхъ тупость
 Готовить на меня свой ножъ:
 Противъ меня глупцы! такъ чтожъ?
 Да за меня ихъ глупость.

13.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина марта 1820 г. Петербургъ].

Я читалъ моему преображенскому прiятелю — нѣсколько строкъ тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу — и поздравилъ его съ щастливымъ испражненiемъ пировъ Гомеровъ

выжъ — Онъ отвѣчалъ что <.....> твое а не его — Желательно чтобъ дѣло на этомъ остановилось — онъ кажется боится твоей сатирической палицы; твои первые четыре стиха на щеть его въ посланіи къ Дмитріеву — прекрасны; остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны — и, дружба въ сторону, Катенинъ стоять чего нибудь по лучше и по злѣе. Онъ опоздалъ родиться — и своимъ характеромъ и образомъ мыслей, весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та-же Авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи — Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь; что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ — жалѣть кажется нечего — а все таки жаль — кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе — скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо — и то хорошо — Покажѣсть присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны — Первый снѣгъ прелесть; Уныніе — прелестнѣе. Читалъ-ли ты послѣднія произведенія Жуковского въ бозѣ почивающаго? слышалъ ты его Голосъ съ того свѣта — и что — ты объ немъ думаешь? Петербургъ душень для поэта; я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу — Поэму свою я кончилъ, и только послѣдній т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе — Ты прочтешь отрывки [ея] въ журналахъ — а получишь ее уже напечатанную — она такъ мнѣ надоѣла — что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя — Письмо мое скучно — потому что съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался Историческимъ лицомъ для сплетницъ С-тъ Пет. я глушью и старью не недѣлями а часами — Прости — отвѣчай мнѣ — пожалуйста — я очень радъ что придрался къ перепискѣ. Пушкинъ.

Черновое.

Радуюсь, милый Вяземской, что преображенской мой приятель подалъ мнѣ случай придраться къ перепискѣ. Ты сдѣлалъ остроумную ошибку, NN — темное, тупое и справедливое замѣчанье. Желаю чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Я поздравилъ Катенина отъ твоего имени съ щастливымъ испражненіемъ барельефовъ пировъ Гомеровыхъ. Онъ отвѣчалъ, что «...» твое, а не его; но кажется съ безпокойствомъ ожидаетъ твоей сатирической палицы. Первые твои 4 стиха на Катенина въ посланіи къ Дмитріеву прекрасны; слѣдующіе, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и — дружба въ сторону, Катенинъ заслуживаетъ что нибудь позгѣе и получше. Онъ опоздалъ родиться — не идеями (которыхъ у него нѣтъ) — но характеромъ, принадлежитъ онъ къ 18 столѣтію: та же авторская мѣлкость и гордость, тѣ же литературныя интриги и сплетни. Мы всё по большей части привыкли смотрѣть на поэзію, какъ на записную прелестницу къ которой заходимъ иногда повратъ и поповѣсничать, безъ всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасныхъ ея прелестей. Катенинъ напротивъ того приѣзжаетъ къ ней въ башмакахъ и напудренный и просиживаетъ у нее цѣлую жизнь съ платонической любовью, благоговеньемъ и важностью. Что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэзіи, умы не къ ней устремлены; и нынче удвоенныя рѣшмы Вольтера не могли бы произвести прежняго своего дѣйствія — сожалѣть, кажется, не о чемъ, а все таки жаль. Всего приятнѣе — стихами пестрить скучную прозу жизни, и для того, ради Бога присылай намъ себя почаще. Ты оживляешь однообразіе нашихъ вечеровъ. Первый снѣгъ — прелесть, но Уныніе, полное чувства....

14.

Н. И. Гнѣдичу.

[Конецъ апрѣля—начало мая 1820 г. Петербургъ].

Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непременно — и просилъ Отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По щастію — тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство. Пушкинъ.

На оборотъ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

15.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

30-го Маія [1820 г. Варшава].

Я очень радъ, что тебѣ вздумалось написать ко мнѣ: у меня есть до тебя дѣло. Сдѣлай одолженіе высылай тотъ часъ по напечатаніи твою поѣму и скажи мнѣ въ какихъ мѣстахъ подражалъ ты и кому. Я хочу придратъся къ тебѣ и сказать кое что о поэзіи, о нашей словесности, о писателяхъ, читателяхъ и прочее. Не забудь моей прозъбы. Впрочемъ я очень жалѣю, что ты въ письмѣ своемъ мало говоришь о себѣ, а много о Катенинѣ. Его отвѣтъ не удобопонятенъ: какъ быть моему <.....> его испражненіемъ? развѣ я ему въ штаны <.....>? Ты знаешь-ли закладъ Фокса. Онъ пріятелю велѣлъ на себя <.....> и приходитъ въ бесѣду: всѣ отъ вонючаго убѣгаютъ и говорятъ, что онъ <.....>: заводятъ споры; бьются объ закладъ, Фокса раздѣваютъ и противники хватаются за выложенныя гвинеи. Извините, возражаетъ Фоксъ, вотъ, кто мнѣ <.....> указывая на пріятеля и есть свидѣтели. — Но я, о Катенинѣ ни съ кѣмъ не спорилъ и <.....> свое держу про себя. Вотъ начало письма весьма <.....>; но

Благочестивыхъ словъ въ душѣ признавши цѣну
Я каждому его смиренно отдаю.

Далѣе слѣдую за твоимъ письмомъ и то не о золотѣ приходится говорить: о стихахъ моихъ. Если ты непремѣнно хочешь, чтобы стихи мои въ посланіи къ Дмитріеву мѣтили на Катенина, то буде воля твоя; но признайся, что я не слыхалъ, чтобы онъ, когда нибудь унижалъ достоинства Державина, или хотѣлъ пускаться писать басни: слѣдственно на его долю выпадаетъ одинъ стихъ о Людмилѣ; жалѣю, что онъ не достойнымъ образомъ разить — извини мнѣ выраженіе — нахальство входить въ рукопашный бой съ Жуковскимъ на поприщѣ оменованномъ блистательными его успѣхами. Тутъ уже идетъ не о личности, а о нравственномъ безобразіи такого поступка; ибо не признавать превосходство Жуковского въ урожаѣ нынѣшнихъ поэтовъ значить быть ослѣпленнымъ завистью: здѣсь слѣпота глупости подозрѣваться не можетъ. Еще окончательное слово: стихотворческаго дарованія, не говорю уже о поэтическомъ, въ Катенинѣ не признаю никакого; съ Шаховскимъ можно еще быть зубъ за зубъ: бой ровнѣе: онъ родъ Удѣльнаго Князя, который также при случаѣ можетъ напасть въ распlochъ и отразить его приносить нѣкоторую честь. Каковъ онъ ни есть, а все въ наше время единственный Комикъ. Богъ душу мою видитъ; спроси у него и онъ скажетъ, что ни за какія лица, а еще менѣе того за мою харю вступаться не буду; но, какъ есть честь, истинна, есть такъ-же и Иязщность, которой должно служить вѣрою и правдою и потому, гдѣ и какъ можно изобличать тѣхъ, которые оскорбляютъ представителей ея. — Ну полно-ли? Уговоръ лучше денегъ: если отвѣтъ твой на мой отвѣтъ будетъ отвѣтомъ на мой отвѣтъ, то не имѣтъ тебѣ отъ меня ни отвѣта, ни привѣта. Я, такъ отсталъ отъ русской Словесности, то есть отъ ея житья-бытья, что дурные стихи меня уже не бѣсятъ; сохранилъ одно чувство сладострастія при чтеніи хорошихъ. Самъ пишу стихи полусонный и махиально: читать ихъ здѣсь не кому, а ты самъ ремесленникъ и знаешь, что слѣдственно первѣйшаго и главнѣйшаго удовольствія я не имѣю; а стоять на ряду съ К. Цертелевымъ въ Сынѣ Отечества подъ клеймомъ: Варшава, чести и прибыли большой нѣтъ.

Пиши, ко мнѣ о себѣ; о радостяхъ и неудовольствіяхъ своихъ, надеждахъ и предположеніяхъ. Пока у насъ не будетъ

журнала съ нравственною и политическою цѣлю, писать весело нельзя. Мы всё переливаемъ изъ пустаго въ порожнее и играемъ въ слова, какъ въ бирюлки. Прости, мой искусный Бирюлкинъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца. —

16.

Л. С. Пушкину.

Кишиневъ 24 сентября 1820.

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разказами. Начинаю съ ящъ Леды. Приѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенью. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказкимъ водамъ; лѣкарь, который съ нимъ ѣхалъ, общалъ меня въ дорогѣ неуморить; Инзовъ благословилъ меня на щастливой путь — Я легъ въ каляску больной; черезъ недѣлю вылѣчился. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ купался въ теплыхъ кисло-сѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлѣбныя ключи находятся не въ дальномъ разстояннн другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказкій край,

знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ [своихъ] отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіанами безопасною торговлею, nebudeť намъ преградою въ будущихъ войнахъ, — и можетъ быть, сбудетъ для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками. Вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ъхалъ въ виду неприязненныхъ полей свободныхъ, горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны; но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа — они готовы напасть на извѣстнаго Рускаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ Высокопревосходительный легко можетъ пасть на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравиться мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія [объ] на Черноморскихъ и Донскихъ казаковъ — теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ приѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я — на ближней горѣ посреди кладбища увидѣлъ я груды камней, утесовъ грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее-ли основаніе башни — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнившійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ

присланъ изъ Петербурга для разысканій — но ему недостаетъ ни денегъ, ни сведеній, какъ у насъ обыкновенно водятся. Изъ Керча приѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, чело-вѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подѣ судомъ — и подобно старику Виргиліа, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаля составляютъ его доходъ. Онъ не умный чело-вѣкъ, но имѣетъ большія сведенія о Крымѣ, сторонѣ важной и запрещенной. Отъ сюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на караблѣ написалъ я элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи. Карабль плыль передъ горами, покрытыми тополами, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, щастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Рускаго войска, я въ немъ любилъ чело-вѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, чело-вѣкъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякого, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я щастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался — щастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда [есть] — увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь-ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайнѣй мѣрѣ пиши ко мнѣ. Благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзію доброй,

умной старушкою — къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но [не] влюбиться въ нее — безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... Рускимъ безвѣстную!.. я также. Прости, мой другъ! Обнимаю тебя! Увѣдомь меня объ нашихъ: все-ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельб. и Дельв. Видишь-ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братья.

Пушкинъ.

17.

Н. И. Гнѣдичу.

4-го декабря 1820 г. Село Каменка.

Вотъ уже восемь мѣсяцовъ, какъ я веду странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевского. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно — разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. — Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенно, мало заботился я о толкахъ Петербургскихъ. Поэму мою, напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствѣ, я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые №-ра Сына доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи, котораго читали вы мнѣ въ вашемъ Эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ, и проч.;

Онѣ оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашель я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В., который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй, несчастной! (что между прочимъ очень неучтиво), говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этаго нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо и смѣлою кистью Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовые тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпитраммиста—критика его для меня ужасно какъ тяжка. Допрощикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденья скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою,—кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣсть у меня еще поэма готова или почти готова. Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. Пушкинъ.

Каменка. 4 декабря 1820.

Гдѣ Жуковской, уѣхалъ-ли онъ съ Ея В.? Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа — журнала его не видалъ; писемъ также!

Мой адресъ: въ Кішпеневи — Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

1821.

18.

А. Н. Раевскому.

(Черновое).

[Мартъ 1821 г. Кишиневъ].

Увѣдомляю тебя о происшедствіяхъ [нашего края. Онѣ] которыя будутъ имѣть [важныя] послѣдствія, важныя не только для нашего края, но и для всей Европы [—особенно для Россіи].—

Греція [взбунтавалась] возстала и провозгласила свою свободу. [Нѣкто] Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскѣ покойнаго Князя Ипсиланти, въ началѣ февраля ныняшняго года вышелъ изъ Бухареста съ [съ толпой, съ нѣсколькими] малымъ числомъ вооруженныхъ Арнаутовъ и объявилъ [въ] что [угнѣтаемые] Греки [рѣшились] не въ силахъ болѣе выносить [несправедливости] [угнѣ.] притѣсненій и грабительствъ Турецкихъ [Правительства] начальниковъ, что они рѣшились освободиться отъ [несноснаго ига ихъ] ига незаконнаго, что намѣрены платить [исполнять] только подати, наложенныя правительствомъ—Сія прокламація встрѣжила всю Молдавію. [К. Суцо] К. Суцо [въ знакъ] и...¹⁾ консуль... хотѣли удержать р(аспростран)еніе бунта. Пандуры и Арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февр. Генералъ Князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ Кня. Георг. Канта. прибылъ въ Яссы изъ Кишенева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ [принять] встрѣченъ 3 стами Арнаутовъ, Кн. Су. и Р. К., и тотчасъ [объявилъ себя] принялъ начальство Города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи [С...ы къ нему явились] которыя быстро разлилися повсюду [онъ]—въ нихъ сказано, что [часъ воз.]

1) Прожжено, какъ и далѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлено многоточіе.

фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталь *и проч.*, и что Великая Держава одобряетъ [сіи] подвигъ великодушный [что Россійское] [Восторгъ. Три знамя] Греки стали стекаться толпами подъ его трое знамень [на] изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развѣвается крѣстъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: *симъ знаменемъ побѣдиши*; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ.— Я [читалъ] видѣлъ письмо одного инсургента. Съ [восторгомъ] жаромъ описываетъ онъ обрядъ освѣщенія знамень и меча князя Ипсиланти — восторгъ Духовенства и Народа [и] — прекрасныя минуты Надежды и Свободы.

Въ Яссахъ все спокойно—Семеро Турковъ были приведены къ Ипсиланти—и тотчасъ казнены [странное дѣйствіе] странная новость со стороны Европейскаго Генерала [съ которымъ за нѣсколько дней, что] Турки, въ числѣ 100 человекъ, были перерѣзаны, тридцать Грековъ тоже убиты. Извѣстіе о [семъ] возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уж. . . но еще ихъ нѣтъ — Трое бѣжавшихъ Грековъ находятся [теперь] со вчерашняго дни въ здѣшнемъ карантинѣ — Они уничтожили многіе ложныя слухи — Старецъ Али принялъ Христіанскую Вѣру и окрещенъ имѣнемъ Константина — Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ Суліотами—уничтоженъ Турецкимъ войскомъ.

Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; [Грековъ] всѣ мысли устремлены къ одному [цѣли] предмету — на независимость древняго Отечества — Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ — вездѣ собирались толпы Грековъ; всѣ [покупали] продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объThemistocle, всѣ шли въ войско счастливаго Ипсиланти [Всѣ] Жизнь, имѣнія Грековъ въ его [въ рукахъ] разпоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона — Одинъ Паули далъ 600 т. піас., съ тѣмъ чтобъ ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи. 10000 Грековъ записалось въ войско

[Мой другъ, все это прекрасно] Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ [принялъ] называется Главвнокомандующимъ сѣверныхъ Греч. войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. [Для точнаго понятія сего тому] Должно знать, что уже тридцать лѣтъ составилось и разпространилось тайное общество коего цѣлью было освобожденіе Греціи. . . . раздѣлены на три . . . ени. Низшую степень [были военные] составляла военная . . . вторую — . . . дане: члены . . . ей степени [могли] имѣли право каждый прійскать себѣ товарищей но не воиновъ, которыхъ избирала только 3 высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная Вѣра, отдѣльный Языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество — все покровительствовало вольнолюбивымъ патриотамъ. [Всѣ Греки, всѣ] [Не было одного Монаха] Всѣ купцы, все духовенство до послѣдняго монаха, считались въ [семь] обществѣ, которое нынѣ [оно] торжествуетъ и коего. . . . Вотъ [въ какомъ положеніи находятся] тебѣ подробный [короткій] отчетъ послѣднихъ [нашихъ] происшествій нашего края; кинемъ пророческой взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу [возобновленной] Греціи.

Странная картина! Два [сосѣднихъ великихъ] великихъ народа давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ изъ праха [отъ долгаго усыпленія] и возобновленные являются на политическомъ поприщѣ [Европы] міра. Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ щастливо началъ — 28 лѣтъ [заслуженное] оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ и мертвый иль побѣдитель онъ принадлежитъ исторіи — Завидная участь! — Кинжалъ измѣнника опаснѣе для него сабли турокъ; Константинъ-Паша не совѣстнѣе будетъ Клодовика иміра и вліяніе молодаго мстителя Греціи его [подозрительно] — [Покамѣсть, межъ нами] встревожить. Признаюсь, я бы посовѣтывалъ К. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ [будутъ

достаточнымъ оправданіемъ сего] оправдаютъ политическое убійство [ударъ].

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія; займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай [защитниками] союзниками Грековъ и врагами ихъ враговъ? [Во всякомъ случаѣ буду очевидный свидѣтель первыхъ] Во всякомъ случаѣ [на всякое важное] буду увѣдомлять.

19.

Барону А. А. Дельвигу.

23-го марта 1821. Кишиневъ.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
 Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
 Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
 Стихамъ я больше былъ бы радъ...
 Ты знаешь: я въ минувши годы,
 У береговъ кастальскихъ водъ,
 Любилъ марать поэмы, оды;
 Ревнивый зрѣлъ меня народъ
 На кукольномъ театрѣ моды;
 Поклонникъ правды и свободы,
 Бывало, что ни напишу,
 Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
 О чемъ цензуру ни прошу,
 Ото всего Тимковскій ахнетъ.
 Теперь я, право, чуть дышу,
 Отъ воздержанья муза чахнетъ,
 И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
 Къ молвѣ болтливой я хладѣю
 И изъ учтивости одной
 Донинѣ волочусь за нею,
 Какъ мужъ лѣнивый за женой.
 Наскуча музъ безплодной службой,

Другой богиней, тихой дружбой
 Я славы замѣнилъ кумиръ.
 Но все люблю, мои поэты,
 Фантазіи волшебный міръ,
 И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
 Внимаю звуки вашихъ лиръ...
 Такъ точно, позабывъ сегодня,
 Проказы, игры прежнихъ дней,
 Глядитъ съ лежанки вапа сводня
 На шапни молодыхъ <.....>.

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно — то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ, вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ. — О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желая ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія; объ духѣ любви не беспокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ; о празднословіи молчу — далекій другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоёмъ отсутствіи — сердце напоминало о тебѣ, объ твоей музѣ — журналы. Ты все тотъ же, талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить — долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки. — Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года — напиши своего Монаха — Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая — твой истинный удѣлъ; Умертви въ себѣ вѣтхаго человѣка, — не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму — Кавказскій Плѣнникъ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ; и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы — но что теперь ничего не пишу — я перевариваю воспоминанія; и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, — какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишеневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе. — Праздный

миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ: — Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, чтò дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человекъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. — Другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями — и братьями не только по африканской нашей крови. Прощай. А. Пушкинъ.

1821 г. марта 23. Кишеневъ.

20.

Н. И. Гнѣдичу.

24-го марта 1821. Кишиневъ.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольной гласъ моей цѣвницы
Тревожить сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ же я — какъ былъ и преждѣ,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,

Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
 Молебновъ лести не пою.
 И Дружбѣ легкія посланья
 Пишу безъ строгаго старанья —
 Ты, коему судьба дала
 И смѣлый умъ и духъ высокой
 И важнымъ пѣснямъ обрекла,
 Отрадѣ живни одинокой;
 О ты который воскресилъ
 Ахилла призракъ величавый,
 Гомера музу намъ явилъ
 И смѣлую пѣвицу славы
 Отъ звонкихъ узъ освободилъ —
 Твой гласъ достигъ уединенья
 Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
 Ханжи и гордаго глушца,
 И вновь онъ оживилъ пѣвца,
 Какъ сладкій голосъ вдохновенья —
 Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
 Твои хвалы мнѣ драгоценны;
 Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
 Его враги ему презрѣнны —
 Онъ Музу битвой площадной
 Не унижаетъ предъ народомъ
 И поучительной лозой
 Зоила хлещетъ — мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этаго письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша, во всемъ, что касается до меня. Платье, сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу, прекрасно; и вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, Виньета, и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О.; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности. — Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою

разлукой! молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; та, которую недавно кончилъ, окрѣщена Кавказскимъ плѣнникомъ. Вы ожидали многого, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленіи ледяныя главы Казбека и Эльбруса. Сцена моей поэмы должна бы находится на берегахъ шумнаго Терека, на Границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего Героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ [я] два мѣсяца — гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга 4 горы, отрасль послѣдняя Кавказа; — Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее — дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно. —

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли — обнимаю друзей — съ нетерпѣньемъ ожидаю 9 тома Руской Исторіи. Что дѣлаетъ Н. М.? Здоровы-ли Онъ, Жена и дѣти? это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу. — Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ — Vale. Пушкинъ.

1821 марта 24

Кишиневъ.

21.

Дегильи.

6-го іюня 1821. [Кишиневъ].

Avis à m-r Deguilly, ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un jean-f...e, il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un f... duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament; on ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin

d'empêcher une égratignure; on ne compromet pas deux fois son sécond, ni un général qui daigne recevoir un plat-pied dans sa maison ¹⁾.

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prévu, je suis fâché de n'avoir pas parié. Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous.

Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez. Pouchkine. 6 juin 21.

Notez encore que maintenant je saurai, en cas de besoin, faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

22.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

27-го іюня 1821 г. [Кишиневъ].

Брату.

Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь: я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покажѣсть я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по-русски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду рускую Азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость — не поэтъ); пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое Сотвореніе міра Милонова? Что дѣлаеть Катенинъ? Онъ-ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. прошлаго года? Кто на ны? Черная шаль тебѣ нравится — ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ

1) Слова «ni un général... sa maison» написаны въ выноскѣ подъ строкой.

славная душа, и что я люблю его какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой счетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями—экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, Лампу его—и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравія калмыку и напиши мнѣ обо всемъ.

Пришли мнѣ Тавриду Боброва. Vale.

Твой братъ А.

27 іюня.

Сестрѣ.

Etes-vous de retour de votre voyage? Avez-vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? Cela vous a-t-il amusé? Aimez-vous toujours vos promenades solitaires? Quels sont vos chiens favoris? Avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? Qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez-vous? Avez-vous revu la voisine Annette Voulf? Montez-vous à cheval? Quand revenez-vous à Pétersbourg? Que font les Korf? Etes-vous mariée? Etes-vous prête à l'être? Doutez-vous de mon amitié? Bonjour, ma bonne amie.

23.

А. И. Тургеневу.

(Черновое).

[Вторая половина іюля 1821 г. Кишиневъ].

Въ лѣто 5 отъ Липецкаго потопа [превосходительный Рейнъ и превосходительный] жалобный сверчокъ [сидя] на лужицѣ [лужѣ] города Кишинева [ской] именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали вспоминая тебя [о] Арзамасъ [Іерусалимъ ума и вкуса]; благо-

родные гуси величественно барахтались предъ ихъ глазами въ мутныхъ [помояхъ] водахъ [Быка] [вышесказанной рѣчки и съ братской] упомянутой [рѣчки]. Живо представились [намъ] имъ ваши отсутствующія превосходительства и [отъ избытка] въ (полнотѣ) сердца [нашего] своего [составили мы засѣданія, состоящія] положили увѣдомить о себѣ [братію] членовъ православнаго братства [освящающихъ] украшающихъ берега Мойки и Фонтанки [и потому]...

24.

С. И. Тургеневу.

21-го августа [1821 г. Кишиневъ].

Поздравляю васъ, почтенный Сергей Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію приѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами, и подышать чистымъ Европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженнаго какой то либеральною чумою. — Скоро-ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? обнимите тамъ за меня милаго нашего Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана брата его; Его Преосвященству писалъ я письмо на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло объ моемъ изгнаніи — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виновать, полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю — но до сихъ поръ неотвѣчалъ — надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ — а Долгорукой меня забылъ. Пушкинъ.

21 авг.

На оборотѣ: Сергею Ивановичу Тургеневу.

25.

Н. И. Гречу.

21-го сентября 1821 г. Кишиневъ.

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами. Сдѣлайте одолженіе, доставьте письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С. О. мое посланіе къ Ч—у, ужь эта мнѣ цензура! жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится, оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано глупца философа; зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на счетъ моего же письма — видно не лѣзетъ сквозь цензуру?

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать, да они и въ усъ не дуютъ. Что бы это значило: если просто забвеніе, то я имъ не пѣняю, забвеніе естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго — я бы и самъ ихъ забылъ, еслибъ жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера. Но если они на меня сердятся или разочли, что письма ихъ мнѣ не нужны, такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Пѣнника, да лѣнь переписывать, — хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною — 4 стопы — разрѣзано на 2 пѣсни; дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale. Пушкинъ.

21-го сентября 1821.

Кишиневъ.

26.

В. Ө. Раевскому.

[1821 г. Кишиневъ].

Пришли мнѣ, Раевской, *Histoire de Crimée*, книга не моя, и у меня ее требуютъ. *Vale et mihi faveas.*

Пушкинъ.

Г-ну маіору
Раевскому.

27.

В. П. Горчакову.

[1821—1822 г. Кишиневъ].

Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. За чѣмъ не утопился мой Пгѣнникъ вслѣдъ за Черкешенкой? Какъ человекъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Пгѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гоужь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать Черкешенкой — я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычай и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ несвязано и есть истинный *hors d'oeuvre*. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана — хоть стихи въ ней зрѣлѣе. Прощай, моя радость.

1822.

28.

Князю П. А. Вяземскому.

2-го января 1822. [Кишиневъ].

Попандуполо привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди беретъ доставить тебѣ мою прозу—ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый приятель и (вѣрная порука за честь и умъ) не любимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его — Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдко сближали насъ другъ съ другомъ — Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенья — они прелестны — благодарю за всѣ вообще — бранюсь съ тобою за одно посланіе къ Каченовскому; какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцемъ — ты сбилъ его съ ногъ но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой — — Какъ съ нимъ связываться — довольно было съ него легкаго хлыста а не сатирической твоей палицы — Ежели я его задѣлъ въ посланіи къ Ч. — то это не изъ ненависти къ нему но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Американца Толстова, котораго презирать мудренѣе. Жуковскій меня бѣситъ — что ему понравилось въ этомъ Мурѣ? чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла-рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди; пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы — но каковъ Баратынскій? признайся что онъ превзойдетъ и Парни и Батюшкова — если впередъ запагаетъ какъ шагалъ до сихъ поръ — вѣдь 23 года — щастливцу! оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону а то спасенія нѣтъ — Кавказкій мой плѣнникъ конченъ — хочу напѣчатать да лѣни много а денегъ мало — и меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ. — Желаю щастія Дядѣ —

я не пишу къ нему; потому что опасуюсь журнальныхъ почестей—скороли выйдутъ его творенья? всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ — крайнѣ опасуюсь чтобы двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ — а долго-ли до грѣха — Пиши мнѣ съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь — стихами или прозой — ей Богу, буду отвѣчать. Пушкинъ.

2 январь
1822.

Пишу тебѣ у Рейна — все тотъ же онъ не измѣнился, хоть и женился — Началь онъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ — но заблагоразсудилъ изорвать его — Онъ тебѣ кланяется и занять ужасно сургучомъ.

Прибавленіе.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать что онъ дѣлаетъ палки сургучныя а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

29.

Л. С. Пушкину.

24-го января 1822 г. [Кишиневъ].

Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина. Вовторыхъ, письма твои слишкомъ коротки — ты или не хочешь, или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ — жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходить ни одинъ дружній голосъ, что друзья мои какъ нарочно рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя — это меня бѣситъ — я давалъ тебѣ нѣсколько пре-

порученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней — тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердить, онъ правъ — я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать — и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему Пгѣнника. — Къ тому же ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. — Спроси у Дельвига: здоровъ-ли онъ, все-ли слава Богу, пьетъ и кушаетъ; каково напелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи; напечатай ихъ въ Сынѣ (безъ подписи и безъ опібокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не разпускай, въ ней каждый стихъ — правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
 За свой мундиръ и черный усъ
 Другой — за деньги; понимаю.
 Другой — за то, что былъ французъ,
 Клеонъ — умомъ ее страшая;
 Дамисъ — за то, что нѣжно гѣлъ:
 Скажи теперь, моя Аглая,
 За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
 Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
 А дневнаго пропитанья
 Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя.

Твой другъ Демьянъ.

24 Генв. 1822.

30.

Н. И. Гнѣдичу.

29 апрѣля 1822 г. Кишеневъ.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
 Neui mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказкаго плѣнника; въ награду за присылку прелестной вашей Идиліи (о которой мы поговоримъ на досугѣ) завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ; отдаю вамъ его въ полное распоряженіе. Vale. Пушкинъ.

На оборотъ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

Черновое.

Parve, nec invideo sine me, liber, ibis in urbem
 Neui mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю
 Vade sed incultus, qualem decet exulis esse.

[Въ самомъ дѣлѣ] недостатки этой повѣсти поэмы или чего вамъ угодно [столь] такъ явны что я долго [я] не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана [болѣе] близко подходитъ къ бѣдности изобретенія; описаніе нравовъ черкесскихъ [самое сносное мѣсто во всей поэмѣ,] не связано ни съ какимъ произшедствіемъ и [есть] ничто иное какъ географическая [отчетъ] статья или отчетъ путешественника — характеръ главнаго лица ([лучше ска-

затѣ единственнаго лица)) (а [дѣйств. лицъ] всего то [ихъ] ихъ двое) приличенъ болѣе роману нѣжели поэмѣ— да и что за характеръ? [мог] [кто будетъ] кого займетъ [тронуть] [заи] изображеніе молодаго человѣка, [изтощившаго] потерявшаго [всю] чувствительность [своего] сердца [въ первые лѣта своей молодости] въ какихъ несчастіяхъ неизвѣстныхъ читателю; его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости Горцевъ и къ [юнымъ] престелямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны — [но что тутъ занимательнаго —] но что тутъ [но] трогательнаго [тутъ мало] — легко было бы [за чѣмъ не] оживить [было] разказа происшествіями кот. сам. соб. истекали [естественно] изъ [самыхъ] предмѣтовъ. Черкесъ плѣнившій моего Рускаго, могъ быть любовникомъ [моей той] моей [Черкешенки] — избавительницы [de là вотъ вамъ и сцены ревность и отчаянье прерванныя свиданій] [опасности для свиданій и проч. нашего плѣнника и проч.] мать, отецъ [и проч.] и братъ ея могли бы имѣть каждый свою [черты] роль свой характеръ — [все] всѣмъ этимъ я пренебрегъ вопервыхъ отъ [одной] лѣни вовторыхъ что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда какъ обѣ части м. пл. были уже [написаны] кончены — а съизнова [писать] начать не имѣлъ и духа —

Тѣ которые [порицали] пожурили меня зато что никакъ не называлъ моего финна [не найдутъ] не нашедъ здѣсь ниоднаго *им. собств.*, конечно почтутъ это за непростительную дерзость — правда что большей части моихъ читателей никакой нужды нѣтъ до имени и что я небоюсь никакой запутанности въ [своемъ] разказѣ —

Мѣстные краски вѣрны но понравятся-ли читателямъ избалованнымъ поэтическими понарамами Байр. и Вал. Ск. — я боюсь и напомнить объ нихъ [волшебныхъ картинахъ] своими блѣдными тощими рисунками — сравненіе мнѣ будетъ [мнѣ] убійственно. Къ щастію наши Арист. не въ состояніи [критиковать] уничтожить меня основательнымъ образомъ; [бранн] тяжкія критики ихъ мало меня беспокоятъ; онѣ столь-же безвредны какъ и тупы —

а ш. плох. и площ. ничуть не смѣшны и не забавны какъ [замѣчаетъ] пишеть Каченовскій свойственнымъ ему слогомъ —

Вы видите что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня нащеть К. П. но признаюсь люблю его самъ незная за что въ немъ есть стихи моего сердца — Черкешенка моя мнѣ мила, любовь ее [меня трогаетъ] трогаетъ душу — Прелестная быль о Пигмалионѣ обнимающемъ холодный мраморъ [плѣнила нѣкогда] нравилась пламенному воображенію Руссо [и Шиллера] — Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю м. Кавк. Плѣ. — примите его подъ свое покровительство; въ награду за присылку прелестной вашей Ид. [достойной чистой Музы древности] (о которой мы поговоримъ надосугѣ) [поручаю] завѣщаю вамъ [скуку изданія] скучныя заботы новаго [его] изданія [моихъ новыхъ ... бред.] — [но] дружба ваша меня избаловала [меня] [могу-ли надѣяться что] нѣсколько строкъ пера вашего вмѣсто предисловія [и вы обнадежите меня] [для меня] и — успѣхъ м. повѣс. [будеть уже] будетъ уже надежнѣе. Бросьте въ ручей одну [изъ] вѣточку изъ вашихъ лавровъ, муравей не утонетъ — впрочемъ назовите м. п. сказкой, повѣстію, поэмой, или [ник.] вовсе не назовите, издайте ее въ двухъ книгахъ, ч. или пѣсн. или т. въ одной — отдаю [м. Плѣ.] его въ полное ваше распоряженіе.

Есть у меня еще отрывокъ ст. 200 — прислать мнѣ вамъ его для Ценз.

31.

П. А. Катенину.

(Черновое).

[Конецъ апрѣля — май 1822 г. Кишиневъ].

.....можетъ..... въ стихахъ..... помня..... помѣривъ..... извѣстны.....товилъ въ замѣчаніи.....
.....[и скрылъ] необязанъ свое имя..... азъ видѣлъ поэта. Я

не чести быть поэтомъ по эта [замѣчаніе] похвала показалась бы мнѣ не [весьма] очень гѣстною.

* Ты даешь мнѣ знать [о своемъ существо] о себѣ только черезъ журналы — я прочелъ к. твое письмо къ Гр. [въ его журналѣ] съ большимъ удовольствіемъ, и во первыхъ по тому что [въ] ты* [во 2) что].

32.

Н. И. Гнѣдичу.

13-го мая [1822 г.] Кашеневъ.

Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы Бессарабскаго Пустынника. Онъ молчить, боясь надѣдать гѣмъ, которыхъ любить, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Пльнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1) Увѣрены-ли вы, что Цензура, по неволѣ пропустившая въ первый разъ Руслана, нынче неопомнится и незаградить пути второму его пришедствію? Замѣнять же прежнее новымъ въ ея угоду я не въ силахъ и не намѣренъ. 2) Согласенъ съ вами что предисловіе есть пустословіе довольно скучное; но мнѣ никакъ не лзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда есть у меня готовая поэмка, да NB Цензура. Tout bien vu, не кончить ли дѣла предисловіемъ? Дайте попробовать авось не наскучу. Я что то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но быть можетъ полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей поплечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго; Услыша стихъ:

И должно честь отдать, что нѣмцы — акуратны,

я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. А что тутъ острога, смѣшнаго? очень желалъ бы знать сбылось ли мое предсказаніе.

Вы, коего Геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырехстопными стихами что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это къ стати о Кавк. Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвицѣ о Баратынскомъ также — но я люблю ихъ и лѣнливыхъ. Vale, sed delenda est censura. Пушкинъ.

13 мая. Кипеневъ.

Своего портрета у меня нѣтъ — да на кой чортъ имѣть его?

Знаете ли вы трогательный обычай рускаго мужика въ Свѣтлое Воскресеніе выпускать на волю птичку? вотъ вамъ стихи на это:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины;
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За чѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатають-ли безъ имени въ С. О.?

33.

А. А. Бестужеву.

21-го іюня 1822 г. Кишиневъ.

Милостивый Государь,
Александръ Александровичъ,

Давно собирался я напомнить В. о своемъ существованіи. Почитая прелестныя ваши дарованія, и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія но также изъ любви къ истиннѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило что невозможно съ вами скромничать. Знаю что ему не совѣмъ бы должно вѣрить но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ какъ представителя Вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности.

Посылаю вамъ мои Бессарабскія бредни и желаю чтобъ они вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня Цензурѣ, старинной моей приятельницѣ; кажется голубушка еще поумнѣла. Не понимаю что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ — однако должно намъ настоять изъ одного честолюбія — отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе — предвижу препятствія въ напечатаніи стиховъ къ Овидію — но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по видимому ее настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно, (напримѣръ услужливаго Плетнева или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ — чтобъ имя мое до нее недошло и все будетъ слажено.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Θ. Рыгѣва, онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи. Обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи. Пушкинъ.

21 іюня 1822. Кишиневъ.

34.

Н. И. Гнѣдичу.

27-го іюня [1822 г. Кишиневъ].

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за Ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказкаго Пѣвника. Ваши замѣчанія на щетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу межъ Гетовъ и Сарматовъ; никто не понимаетъ меня, со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. — Но какова наша Цензура? признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нее такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: Небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгіи поцелуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hazardé); его томительную нѣгу, вкуса тутъ она вполне — дурно, очень дурно — и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ Киргиць-Кайсацкій стишокъ слѣдующими: какой угодно

поцелуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.

Рука съ рукой, унынья полны
Сошли ко берегу въ тишинѣ
И Руской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнить волны
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе Цензуры — между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени — конечно

иные скажутъ что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать Кесарево Кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу но мало ли что говорить.

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Не лзя-ли опять сравить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностію. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усь не дуетъ. Не лзя-ли его разшевелить? Не лзя-ли потревожить и Сленина, если онъ купилъ остальные экземпляры Руслана. Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго Узника; это не чета Пери и достойно такова переводчика каковъ пѣвецъ Громобоя и Старушки. Впрочемъ мнѣ досадно что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками — иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсни Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ Родрикъ Саувея; попросите его отъ меня чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на Рускую. Думаю что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи робкой и жеманной. Тогда и нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ — съ своими чувствами и мыслями взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ то пророчу я не въ своей землѣ — а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно, ахъ боже мой что-то съ нимъ дѣлается — судьба его меня беспокоитъ до крайности — напишите мнѣ объ немъ если будете отвѣчать. Пушкинъ.

27 іюня.

35.

П. А. Катенину.

19-го іюля [1822 г. Кишиневъ].

Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый: воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты конечно въ этомъ числѣ, но дружба — не Италіанской гла-

голь рiомбаге, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (покрайней-мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстiемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедiи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельской. Можетъ быть да, вѣроятнѣе—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ-ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенiя слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ-ли стихъ столь слабый и неясный, выбралъ-ли предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедiи, которую почиталъ я непереводаемою? Какъ дѣло не верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. И такъ, оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сиды; поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедiею. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ, на жеманной сценѣ 19-го столѣтiя? Я слышалъ, что она неприлична, смѣшна, *ridicule*. *Ridicule!* Пощечина, данная рукою Гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! *Ridicule!* Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедiю зимой, покрайней-мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесенiе, знаю, что долгъ платежемъ красенъ, но *non erat his locus*... Прощай Эсхилъ, обнимаю тебя, какъ поэта и друга...

19 Июля.

36.

Л. С. Пушкину.

21-го іюля [1822 г. Кишиневъ].

Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ; ни слова тебѣ не скажу — мнѣ безъ тебя скучно. Что ты дѣлаешь? Въ службѣ-ли ты? Пора, ей Богу, пора! Ты меня въ примѣръ не бери — если упустишь время, послѣ будешь тужить. Въ русской службѣ должно непременно быть 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь; слѣдственно, разочти; тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи, ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой-же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе — вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ: выросъ-ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ друзей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чедаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Я получилъ отъ него полу-кислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. — Пиши мнѣ новости литературныя; что мой Русланъ? Не продается? Не запретила-ли его Цензура? Дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Какого идетъ изданіе Бестужева? Читалъ-ли ты мои стихи, ему посланные? Что Пгѣнникъ? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ П. Б. дѣла есть. Не знаю, буду-ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали,

что Батюшковъ помѣшался; быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковский, и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь-ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь — и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? Есть-ли объ немъ извѣстiя? Прощай. Отцу пишу въ деревню.

21 июля.

Прписка О. С. Пушкиной. Ma bonne et chère amie, je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur vôtre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous. Je vous embrasse et je vous aime — amusez vous et mariez vous.

37.

Л. С. Пушкину.

4-го сентября [1822 г. Кишиневъ].

На прошедшей почтѣ — (виновать: съ Долгорукимъ) — я писалъ къ Отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Впервыхъ, о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную — вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣнiе. Въ Гвардію тебѣ не за чѣмъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому-же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевского — скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ Гвардію — Раевской или Киселевъ — оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка: дѣло идетъ о жизни. — Теперь, моя радость, поговорю о себѣ. Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому и скажи ему, чтобъ онъ ради Христа погодилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года. Если же

они проданы, явись съ той же прозьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы — само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи Къ Ов. перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ дивись, Навонъ, дивись судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней преврѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ и проч.

Кстати объ стихахъ: то, что я читалъ изъ Ш. Узн., прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц<...>. Но актеры, актеры! Пятистопные стихи безъ риемъ требуютъ совершенно новой декламации. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухо-рева. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Ромлы. Что сдѣлаеть великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена: Господь, защити и помилуй! Но боюсь! Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковского билетъ для 1-го представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ миеологіей и героизмомъ, славянорусскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія. Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ? Но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ермолову лучше, но стихъ:

Такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ

слишкомъ уже Греческій. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ утраченный, толпами стремиться въ храмъ священный. Зри, Боже! Число, великій, улыльхъ, тебя просящихъ сохранить имъ цѣль трудъ, многимъ людямъ — принадлежащій», и проч. Справься объ этихъ стихахъ у б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. Б. изъ

Рима не имѣеть человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ очень мила. Вообще, мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нѣжели стихи—онъ не имѣеть никакого чувства, никакой живости—слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (то-есть Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ — нашъ Гете.

А. П.

Mon père a eu une idée lumineuse, c'est celle de m'envoyer des habits; rappelez-la lui de ma part.

Еще слово. Скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ сукина Сына Отечества, 2-ю половину года. Можетъ выгнать, что стоять, изъ своего долга.

Милый мой, у васъ пишутъ, что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ — вотъ что меня огорчало. Что дѣлаетъ Дельвигъ? Чего онъ смотритъ?

38.

Я. Н. Толстому.

[26-го сентября 1822 г. Кишиневъ].

Милый Яковъ Николаевичъ! Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе Князя Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ изъясненій — я хотѣлъ сперва печатать мѣлкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже около 30 билетовъ — обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому, а самому отступить отъ изданія — разумѣется что за розданные билеты долженъ я заплатить, и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ,

и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись; третье: въ послѣднія три года я написалъ много новаго; благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ Князю Александру, но Цензура, Цензура!.. итакъ, милый другъ, подождемъ еще два, три мѣсяца — какъ знать, — можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покажѣсть мои сердѣчныя благодаренья; ты одинъ изо всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной младости — вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не къ стати, два года и шесть мѣсяцовъ не имѣю отъ нихъ ни какого извѣстія, никто ни строчки, ни слова...

Горишь-ли ты, лампада наша,
 Подруга бдѣній и пировъ?
 Кипишь-ли ты, золотая чаша,
 Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
 Все тѣ же-ль вы, друзья веселья,
 Друзья Киприды и стиховъ?
 Часы любви, часы похмѣлья
 По прежнему ль лѣтять на зовъ
 Свободы, лѣни и бездѣлья?
 Въ изгнаньи скучномъ, каждый часъ
 Гора завистливымъ желаньемъ,
 Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
 Воображаю, вижу васъ:
 Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
 Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
 Гдѣ съ ними клятвою взаимной
 Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
 Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
 Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
 Садилось милое равенство;
 Гдѣ своенравный произволь
 Мѣнялъ бутылки, разговоры,
 Разказы, пѣсни шалуна,
 И разгорались наши споры
 Отъ искръ и шутокъ, и вина, —
 Я слышу, вѣрные поэты,
 Вашъ очарованный языкъ...

Налейте мнѣ вина кометы,
Желай мнѣ здравія, Колмыгъ!

Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ Безсарабской глуши, не получая ни журналовъ ни новыхъ книгъ — не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости милой, до свиданія — и до посланія! Обними нашихъ. — Что Всеволожскія? что Мансуровъ? что Барковъ? что Сосницкія? что Хмѣльницкій? что Катенинъ? что Шаховской? что Ежова? что гр. Пушкинъ? что Семеновы? что Завадовской? что весь Театръ?

39.

Н. И. Гнѣдичу.

27-го сентября [1822 г.]. Кишиневъ.

Приѣхали Пгѣнники — и сердечно васъ благодарю милый Николай Ивановичъ. Перемѣны, требуемыя Цензурою послужили въ пользу моего; признаюсь что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился напримѣръ, если бѣ она перемѣнила стихъ

Простите, вольныя станицы

то мнѣ было бы жаль. Но, слава Богу! Горькой поцелуй прелесть; ей дней ей ей не благозвучнѣе ночей; уповательныхъ мечтаній: упоительныхъ; на дома дождь и градъ: на доли — вотъ единственныя ошибки замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ — но не знаю, похожъ-ли; примѣчаніе издателей очень лестно — не знаю, справедливо-ли. Переводъ Жуковскаго *est un tour de force*. Злодѣй,

Въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайной!

Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истинной первые признаки сумасшествія а Жуковскимъ, чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется что слогъ Жуковского въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ Элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ чтобъ онъ началъ создавать!

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мѣлочи въ Парижѣ. Спасите ради Христа; удержите его по крайнѣй мѣрѣ до моего приѣзда — а я вынырну и явлюсь къ вамъ. Катенинъ ко мнѣ писалъ, незнаю получилъ-ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души. А. Пушкинъ.

27 сент. Кишиневъ.

Я писалъ къ брату чтобъ онъ Сленина упросилъ не печатать моего портрета — если на то нужно мое согласіе — то я несогласенъ.

Адресъ: Его высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Николаевичу (sic) Гнѣдичу. Въ С.-Петербургъ. Въ Императорской Библиотекѣ.

40.

Л. С. Пушкину.

[Сентябрь — октябрь 1822 г. Кишиневъ].

Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me paraît préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtems de votre reputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre cœur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux-mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart des tous est une perfidie. — Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajoux du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon cœur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offence volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plutôt la misère: croyez, qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude ou l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie.

41.

Л. С. Пушкину.

18-го октября [1822 г.]. Кишиневъ.

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнѣмъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности к. Шаховскаго. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піеса, которая выпалась отъ полноты чувства; она блестятъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ-ли мой Пгѣнникъ? A-t-il produit du scandal, пишетъ мнѣ Orlof, — voilà l'essentiel. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера Пгѣнника; онъ для нихъ созданъ, душа моя; я журналъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки — не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей. Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ. Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; Министру я писалъ — онъ и въ усъ не дуетъ.

О други, Августу мольбы мои несите!

Но Августъ смотритъ сентябремъ... Къ стати: получено-ли мое посланіе Къ Овидію? Будеть-ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его. Я бы тебѣ послалъ и новые стихи, да гѣнь. Прощай, милый. Окт. 18.

А. П.

Кишиневъ.

Другъ мой, попроси И. В. Слѣнина, чтобъ онъ за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 2 экз. Людмилы, 2 экз. Пгѣнника, одинъ Шильонскаго узника, книгу Греча—и Цертелева древнія стихотворенія. Поклонись ему отъ меня.

42.

П. А. Плетневу.

(Черновое).

[Октябрь — ноябрь 1822 г. Кишиневъ].

Я долго неотвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; [хотѣлъ] собирался отвѣчать [тебѣ] стихами, достойными твоихъ но отложилъ попеченія, положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно и ты слишкомъ хорошо умѣючи имъ воспользовался. Если первый стихъ твоего посланія написанъ также отъ души какъ и всѣ прочія, то я не раскаиваюсь въ минутной моей несправедливости — она доставила [прекрасный подарокъ] неожиданное украшеніе словесности. — Если [нѣтъ] же ты на меня сердить, то стихи твои какъ они ни [прекрасны] прелестны, никогда не утѣшутъ меня. — Ты конечно бѣ извинилъ мои легкомысленныя строки еслибъ зналъ какъ часто бываю подверженъ такъ-называемой хандрѣ [о которой мудрено]. Въ эти минуты я золь на цѣлый свѣтъ и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не

подумай однако что [бы. въ. я не умѣлъ не] не умѣю, цѣнить [твоего] неоспоримаго твоего дарованія [я дорожу твоимъ мнѣніемъ и не хочу... я не совѣмъ лишень...]. Чувство изящнаго не [совершенно] совѣмъ во мнѣ притупилось [я не хочу прости... и дорожу], и когда я въ совершенной памяти, твоя [чистая] гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій стройность чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ [любимыхъ моихъ поэтовъ] любимцевъ.

По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобою друженъ: завидую ему и тебѣ [и отъ на... и надѣюсь современемъ...]. Sine ira милый гѣвецъ по рукамъ и до свиданія!

[Извини мое чистосердечіе, я] не вполне подтверждаю то, что [сказалъ] писалъ о твоей Прозѣ, но признаюсь—это стихот. не достойно ни тебя, ни Бат. [Иные] многіе приняли его за сочиненіе послѣдн. Однако [что это такая ошибка — тебѣ похвала и...] что съ [обыкновеннымъ] посредственнымъ писателемъ этого не случится; но Бат. [вѣроятно сердится] не будучи доволенъ [ямъ] тв. элег. [вѣроятно] разсердился на тебя за ошибку другихъ — а я разсердился послѣ Бат.

Извини мое чистосердечіе но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія. [Прости]. Sine ira и проч. по п. Брата.

43.

Неизвѣстной.

Черновое.

[1822 г. Кишиневъ].

[Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris [puisque] j'ai [la bêtise] et la faiblesse [et la ridicule] de vous avouer [ma] une passion ridicule et je veux m'en expliquer franchement — 1)]. Ne

1) Эти три строки перечеркнуты двумя поперечными чертами.

feignez rien [c'est] ce seroit indigne de vous [et de plus c'est parfaitement inutile] — la coquetterie [qui vous . . . tant] seroit une [cruelle] cruauté [très] [froidement votre] colère frivole et surtout bien inutile —, je n'y croirai pas plus — en quoi puis je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse si peu de frivol — [si votre orgueil est blessé] votre orgueil même ne peut en être blessé [vous avez . . . m'aviez deviné . . . content. que saviez ma haute. vous].

Si j'avois des espérances cela ne seroit pas la veille de votre depart que j'aurai [decidé] pour [vous] me déclarer. Attribuez mon aveu [à mon émotion qui —] qu'à une exaltation [à un trouble] dont je n'étois plus le maître qui alloit jusqu'à la défaillance [et l'imbécillité. je ne veux rien] je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux — cependant je vous. . .

44.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ декабря 1822 г. — начало января 1823. Кишиневъ].

Благодарю тебя за письмо а не за стихи: мнѣ въ нихъ не было нужды — Первый снѣгъ я читалъ еще въ 20 году и знаю наизусть. Не написалъ ли ты чего новаго? пришли, ради Бога а то Плетневъ и Рылѣевъ отучать меня отъ поэзіи. Сдѣлай милость напиши мнѣ обстоятельнѣе о тяжбѣ своей съ Цензурою. Это касается всей православной кучки. — Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ и жаловаться на Бируковыхъ можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ, таковой поступокъ приемлется за бунтъ — Не знаю подвержены-ли писатели военному суду но общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасныя подозрѣнія и причинить большія безпокой-

ства — — — Соединиться тайно — но явно дѣйствовать въ одиночку, кажется, вѣрнѣе. Въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не впервой совралъ, когда утверждаетъ que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ но не мнѣ — на конченную свою поэму, я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сопогъ: продаю съ барышомъ. Цѣховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ; я въ накладѣ; иду жаловаться частному приставу; все это въ порядкѣ вещей. Думаю скоро связаться съ Бируковымъ и стану доѣзжать его въ этомъ смыслѣ — но за 2000 верстъ мудрено щелкать его по носу. Я барахтаюсь въ грязи молдавской, чортъ знаетъ когда выкарабкаюсь. Ты барахтайся въ грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка намъ и пріятна.

Св.

Вотъ тебѣ нѣсколько пакостей:

Христосъ воскресъ.

Христосъ воскресъ, моя Реввека!
 Сегодня слѣдуя душой
 Закону Бога-человѣка,
 Съ тобой цалуюсь, Ангелъ мой.
 А завтра къ вѣрѣ Моисея
 За поцалуи я не робѣя
 Готовъ Еврейка приступить —
 И даже тебѣ вручить,
 Чемъ можно вѣрнаго Еврея
 Отъ православныхъ отличить.

Эпиграмма.

Клеветникъ безъ дарованья
 Палокъ ищетъ онъ чутьемъ

А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячномъ враньемъ.

Лѣчись — иль быть тебѣ Панглосомъ
Ты жертва вредной красоты —
И то то, братецъ, будешь съ носомъ
Когда безъ носа будешь ты —

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то что былъ французъ
Клеонъ — умомъ ее страшая
Дамисъ — за то что нѣжно пѣлъ —
Скажи теперь, мой другъ Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Оставя честь судьбѣ на произволь,
***, живая жертва фуриѣ,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ.
И вдругъ бѣда! казнить ее меркурій,
Разкаится приходитъ ей пора,
Она лежитъ, глазъ пухнетъ по немногу,
Вдругъ лопнулъ онъ; что-жь курва? — „Слава Богу!“
„Все къ лучшему: вотъ новая дыра!“

Этихъ двухъ не показывай никому — ни Денису Давыдову.

1823.

45.

Л. С. Пушкину.

[Начало января 1823 г. Кашиневъ].

Душа моя, какъ перевести по Руски *revues*? Должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Revues*; мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Рылѣва, его-же Гербъ російской на вратахъ Византійскихъ (во время Олега герба рускаго не было, а двуглавый орелъ есть гербъ византійской и значить раздѣленіе имперіи на Зап. и Вост. — у насъ же онъ ничего не значить). Повѣришь-ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *revues*? Поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж., чтобъ онъ продиктовалъ Якову строчки три на мое имя. — Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутить. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь-ли ты Тургенева и Карамзина?

Чѣмъ тебя поподчивать?

Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ отраживъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Преврѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадою
Вѣнки пировъ и блескъ Аеинъ;
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила

Гоненя грошня мнѣ вновь,
 Пускай мнѣ дружба измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь, —
 Въ моемъ изгнаньи позабуду
 Несправедливость ихъ обидѣ;
 Онѣ ничтожны — если буду
 Тобой оправданъ, Аристидъ!

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ, обними его за меня и скажи ему, что онъ — все-таки почтеннѣйшій человекъ здѣшняго міра.

Адресъ: Брату.

46.

Графу Н. В. Нессельроде.

13-го января 1823 г. Кишиневъ.

Monsieur le Comte,

Attaché par ordre de Sa Majesté auprès de Monsieur le Général-gouverneur de la Bessarabie, je ne puis sans une permission éxpressive venir à Pétersbourg, où m'appellent les affaires d'une famille que je n'ai pas vue depuis trois ans. Je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence pour la supplier de m'accorder un semestre de deux ou trois mois.

J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la considération la plus haute, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur Alexandre Pouchkine.

13 janvier 1823. Kichenef.

47.

Л. С. Пушкину.

30-го января [1823 г. Кишиневъ].

Благодарный Левинька!

Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами, —

И все то — благо, все — добро.

Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенкѣ-Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому Плѣннику. — Бестужевъ прислалъ мнѣ Звѣзду — эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поспешился — я надѣялся на него. Каковы стихи Къ Овидію? Душа моя, и Русланъ, и Плѣнникъ, и Ноѣ, и все — дрянъ въ сравненіи съ ними. Ради Бога, люби двѣ звѣздочки: онѣ обыцаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рыгѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта война привела въ задумчивость война, что служить въ иностранной Коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской Канцеляріи. — Эта Мечта напечатана съ ошибочнаго списка: призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ — слово, употребляемое знаменитымъ Рыгѣевымъ, но которое по-русски ничего не значить;

Воспоминаніе и брата, и друзей —

стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ просто плоскій. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи — это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ приятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку:

Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный

и проч. — непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнасѣ. — Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ, и прозой, и стихами; благославляю и поздравляю тебя: добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало. *En avant, marche!*

Приѣхалъ-ли Царь? Впрочемъ, это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву; тамъ увидишь ты моихъ друзей, — напomini имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая впрочемъ мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ *Опаль*: Можетъ быть, они правы, да и я не виновать...

Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то западую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ. А гдѣ Кюхельбекеръ? Ты мнѣ пишешь объ NN: *en voilà assez. Assez*, такъ *assez*; а я все при своемъ мнѣпiи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду — въ августѣ мѣсяцѣ. Такъ и быть, — а вѣдь неприятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай, еще разъ.

30 янв.

48.

Князю П. А. Вяземскому.

6-го февраля 1823 г. [Кшиневъ].

Какъ тебѣ не стыдно не прислать своего адреса; я бы давно тебѣ написалъ. Благодарю тебя, милый Вяземскій! пусть утѣшить тебя Богъ за то что ты меня утѣшилъ. Ты не можешь себѣ представить какъ приятно читать о себѣ сужденіе умнаго чело-вѣка — До сихъ поръ читая рецензіи Воейкова, Каченовскаго и проч. — мнѣ казалось что подслушиваю у калитки литературные толки приятельницъ Варюшки и Буянова. Все что ты говоришь

о Романтической поэзіи прелестно, ты хорошо сдѣлалъ что первый возвысилъ за нее голосъ — Французская болѣзнь умертвила бѣ нашу отроческую словесность. У насъ нѣтъ театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическимъ слогаомъ — и то не точнымъ и жаржавымъ; впрочемъ гдѣ онъ не слѣдовалъ жеманнымъ правиламъ фр. театра? знаю за что полагаешь его поэтомъ романтическимъ: за мечтательный монологъ Фингала — нѣтъ! пѣснямъ никогда надгробнымъ я не внемлю; но вся трагедія написана по всѣмъ правиламъ парнаскаго православія; а романтическій трагикъ принимаетъ за правило одно вдохновеніе — признайся: все это одно упрямство. Благодарю за щелчокъ цензурѣ, но она и не этаго стоитъ, стыдно что благороднѣйшій классъ народа, классъ мыслящій какъ бы то ни было, подверженъ самовольной разправѣ трусливаго дурака — мы смѣемся, а кажется лучше бы дѣльно приняться за Бируковыхъ; пора дать всѣмъ своему мнѣнію и заставить правительство уважать нашимъ [мнѣніемъ] голосомъ — презрѣніе къ Рускимъ писателямъ нестерпимо; подумай объ этомъ на досугѣ, да соединимся — дайте намъ цензуру строгую, согласенъ, но не бессмысленную — Читалъ-ли ты мое посланіе Бирукову? если нѣтъ, вытребуй его отъ брата или отъ Гнѣдича; читалъ я твои стихи въ П. Звѣздѣ; всѣ прелесть — да ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзинъ одни владѣють ею — Глинка владѣеть языкомъ чувствъ... это что такое! Бестужева статья объ нашей братии ужасно молода — но у насъ все елико печатано имѣеть дѣйствіе на святую Русь: за то не должно бы ничемъ пренебрегать, и должно печатать благонамѣренныя замѣчанія на всякую статью — политическую, литературную — гдѣ только есть немножко смысла — кому какъ не тебѣ взять на себя скучную но полезную должность надзирателя нашихъ писателей — Стихи мои ищутъ тебя по всей Россіи — я ждалъ тебя осѣнью въ Одессу, и къ тебѣ бы прѣѣхалъ, — да мнѣ все идетъ на переборъ. Не знаю нынѣшній годъ увижусь-ли съ тобою. Пиши мнѣ покаместъ, если по почтѣ такъ осторожниѣ, а по оказіи что хочешь — да нельзя ли твоихъ стиховъ? мочи нѣтъ

хочется; Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія — я было хотѣлъ написать объ нихъ, кое что, болѣе для того чтобъ ущипнуть Дмитріева, нѣжели чтобъ порадовать нашего старосту, да не возможно; онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его и не сравнивая съ эксъ-министромъ Доратомъ. Видишь ли ты иногда Чедаева? онъ вымылъ мнѣ голову за плѣнника онъ находитъ что онъ недовольно blasé; Чедаевъ по несчастію знатокъ по этой части; оживи его прекрасную душу, поэтъ! ты вѣрно его любишь — я не могу представить себѣ его инымъ что преждѣ — Еще слово объ Кавк. Плѣ. ты говоришь, душа моя, что онъ сукинъ сынъ за то что не горюетъ о Черкешенки — но что говорить ему — все понялъ онъ выражаетъ все; мысль объ ней должна была овладѣть его душою и соединиться со всѣми его мыслями — это разумѣется, иначе быть не лзя; не надобно все высказывать — это есть тайна занимательности. Другимъ досадно, что Плѣн. не кинулся въ рѣку вытаскивать мою Черкешенку — да, сунься-ка; я плавалъ въ кавказкихъ рѣкахъ, — тутъ утонешь самъ, а ни чорта не същещь; мой плѣнникъ умный человѣкъ, разсудительный, онъ не влюбленъ въ Черкешенку — онъ правъ, что не утопился — прощай, моя радость —

Пушкинъ.

6 февр.
1823.

У насъ послѣ завтра балъ — приѣзжай потанцовать — Полторацкіе зовутъ.

Щастіе супружеское.

Дома сидя и безъ дѣла
Буду нѣжно говорить
Ахъ мой другъ! какъ ты <.....>!
Прикажете покурить.

Вотъ модные стихи въ Кишеневѣ — не мои — Полторацкаго — въ честь будущей моей женитьбы.

49.

Князю П. А. Вяземскому.

5-го апрѣля [1823 г. Кишиневъ].

Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ не лѣзя будетъ приѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ—Если лѣтомъ ты поѣдешь въ Одессу, не завернешь-ли по дорогѣ въ Кишиневъ? я познакомлю тебя съ Героями Скуляня и Секу, сподвижниками Йордаки, и съ Гречанкою, которая цаловалось съ Байрономъ.

Правда ли что говорятъ о Катенинѣ? мнѣ никто ничего не пишетъ — Москва Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня —

Охотниковъ приѣхалъ? привезъ-ли тебѣ письма и прочее?

Говорять что Чедаевъ ѣдетъ за границу — давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма — любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать — теперь Богъ знаетъ, когда свидимся —

Важный вопросъ и сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Курсакова, что живетъ или жила противъ какого монастыря (Страстнаго, что-ли) жива-ли она, гдѣ она, если умерла, чего боже упаси, то гдѣ ея дочери замужемъ-ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ-ли или вдовствуютъ и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обѣщался обо всемъ узнать подробно.

Къ стати, не знаешь-ли минуло-ли 15 лѣтъ Генералу Орл.? или нѣтъ еще?

5 апрѣля.

Стиховъ, ради бога, стиховъ да свѣженькихъ —

Адресъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

50.

А. А. Бестужеву.

13-го іюня [1823 г. Кишиневъ].

Милый Бестужевъ, позволю мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Пол. Звѣз., за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ. — Все это ознаменовано твоей печатью т. е. умомъ и чудесной живостью. О взглядѣ можно бы намъ поспорить на досугѣ, признаюсь что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ — вы одни можете разгорячить меня. Покажѣсть жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о Руской словесности забыть Радищева? кого-же мы будемъ помнить? это умолчаніе не простительно ни тебѣ, ни Гречу — а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: за чѣмъ хвалить холоднаго однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. Елисей истинно смѣшонъ. Ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда!

А любовница Елисея которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для пироговъ она у ней топилась
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а Герой, который упалъ въ песокъ

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказывали тѣ, что ходятъ въ тотъ кабакъ
Что видѣнъ и поднесъ въ пескѣ сей самый знакъ

все это уморительно. Тебѣ кажется болѣе нравится благовѣщеніе, однако жъ Елисей смѣшнѣе, слѣдств. полезнѣе для здоровья.

Въ разсужденіи 1824 года, постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни; но не лѣзя-ли вновь осадить Цензуру, и со втораго приступа, овладѣть моею Анеологіей? Разбойниковъ я сжегъ — и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнуть, острогъ — не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Пол. Зв. то напечатай его. Впрочемъ чего бояться читательницъ? ихъ нѣтъ и не будетъ на Руской землѣ, да и жалѣть не о чемъ.

Я увѣренъ что тѣ которыя приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются. Онъ человекъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человека сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ, не достойны пѣвца сократической любви.

Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ т. е. тебя обниметъ за меня — прощай, до свиданья. А. П.

13 іюня.

Черновое.

Милый Бест. Позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Пол. Звѣзду, за твои письма, за ст. о Сл., за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ — все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и живостью. О [второй другой] Взглядѣ можно бы [потолковать] поспорить на досугѣ — Признаюсь что ни съ кѣмъ мнѣ [больше спорить] такъ не хочется спорить, какъ съ тобою [потому хотя] ты одинъ можешь разгорячить меня — Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ с. о рус. сл. забыть Радищева — кого жъ намъ помнить какъ не его — [онъ до. какъ и Гречь... это]? Это простительно Гречу [(умной головѣ)], но не тебѣ. Еще слово: за чемъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, и [слишкомъ] бранить Майкова? [Мнѣ очень] Его Елисей истинно смѣшонъ — ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ исподняя одежда,
 Что¹⁾.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ пещи,

Когда для.....
 И.....

А герой [на], который упалъ въ песокъ

И ве.....
 И.....

Все это уморительно. [Вамъ] Тебѣ кажется больше нравится благовѣщеніе и мнѣ также но Елисей смѣшнѣе слѣдственно полезнѣе для здоровья.

Въ разсужденіи 1824 года [я] постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни — но нельзя ли [вторымъ приступить] вновь осадить Цензуру и овладѣть моими [подра.] анемологическими стихами. Разбойниковъ я сжегъ — Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ Ник. Раевск. Если отечест. слова харчевня, кнутъ, острогъ не испугаютъ нѣжныхъ ушей [любезныхъ] читательницъ Пол. Звѣ., то напечатайте ее — Впрочемъ чего бояться читательницъ?

Ихъ нѣтъ и не бу.....

да и жалѣть не о чемъ.

Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему.

1) Далѣе зачеркнуты двѣ строки, изъ коихъ можно прочесть лишь: «А....
 ...которыя бьютъ.....по.....».

51.

А. А. Шишкову.

[Юль — декабрь 1823 г. Одесса].

Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣскольکو мѣсяцовъ тому назадъ Милостивый Государь, лестное ваше знакомство, честь имѣю, покорнѣйшій слуга . . . такъ что я и не узналъ моего Царско-сельскаго товарища — Естьли заблаго-разсудишь писать ко мнѣ впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ. Не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись съ тобою на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничить и въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы видно подъ единымъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ приятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ вѣсть почему. Помири насъ. — Что стихи? куда зарылъ ты свой золотой талантъ? подъ снѣга-ли Эльбруса, подъ Тифлискими-ли виноградниками? Есть ли есть у тебя что нибудь, пришли мнѣ — право сердцу хочется.

Обнимаю тебя—письмо мое безтолково, да нѣкогда мнѣ быть толковѣе. А. П.

Недавно узналъ я что ты знакомецъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу. Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами любить тебя есть ему время — а писать къ тебѣ — наврядъ.

52.

Князю П. А. Вяземскому.

19-го августа [1823 г. Одесса].

Мнѣ скучно, милый Асмодей, я боленъ, писать хочется — да самъ не свой — Мнѣ до тебя дѣло есть: Гнѣдичъ хочетъ купить у меня Второе изданіе Русл. и К. Плѣ —, но timeo danaos, т. е. боюсь чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде — Я обѣщаль ему предисловіе — но отъ прозы меня тошнить — Перепишишь съ нимъ — возьми на себя это 2 изданіе и освяти его своею прозой единственною въ нашемъ прозаическомъ Отецествѣ — Не хвали меня, но побрани Русь и рускую публику — стань за Нѣмцовъ и Англичапъ — уничтожь этихъ Маркизовъ классической Поззіи — — Еще одна просьба: есть-ли возьмешься за изданіе — не лукавь со мною, возьми съ меня что оно будетъ стоить — не дари меня — я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой Аристократъ — Отвѣчай мнѣ по экстра-почтѣ!

Я Брату долженъ письмо — Что онъ за человекъ? говорятъ что онъ славный малой и Московскій франтъ — правда-ли.

Прощай, моя прелесть — впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

19 авг.

Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

53.

Л. С. Пушкину.

25-го августа [1823 г.]. Одесса.

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ — три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу — я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторация и Итальянская Опера напомнили мнѣ старину и, ей богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ приѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляютъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь —

Мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.

Приѣхалъ въ Кишеневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизяснимо элегически и, выѣхавъ оттуда навсегда,

О Кишиневѣ я вздохнулъ.

Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни; впрочемъ, я нигдѣ не бываю — кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ, напр., онъ пишетъ въ ПБ. письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и *porte-feuille*, любовь и пр. . . . Фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго фонтана (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петrarки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сер-

дечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы — помогите! Здѣсь още Раичъ. Знаешь-ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель, жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ божій и 4 первыя правила, но служу, и не по своей винѣ, — и въ отставку идти не возможно. Все и всѣ меня обманываютъ, — на кого-же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить, не хочу — и полно: крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію — хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извозчика отъ Аничкова моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп. (которыхъ вѣрно бѣ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя. У меня хандра, и это письмо не развеселило меня.

Одесса. 25 Авг.

Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ, — а жаль!

54.

Князю П. А. Вяземскому.

14-го октября [1823 г.]. Одесса.

По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу что поручаю тебѣ изданіе Русл. и Пгѣн. слѣдственно дѣло сдѣлано. Не помню просилъ-ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечить

судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Райчъ? я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-той пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ. Не помню какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣеть. К. Плѣнникъ иное дѣло.

Остановлялъ онъ долго взоръ —

должно: впередъ онъ неподвижный взоръ. Живи — *и путникъ* оживаетъ — Живи — и плѣнникъ оживаетъ. Пещеры темная прохлада — влажная. И вдругъ на дома дождь и градъ — долы. Въ чужой аулъ цѣною злата — За много злата. (впрочемъ какъ хочешь). —

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю низпослала.

Зарѣзала меня Цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей, ради Христа, ночей Судьба на долю ей послала. То ли дѣло: ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась — смотри поэму. И чемъ-же ночь неблагопристойнѣе дня? которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей Цензуры? Бируковъ добрый малой, уговори его или я слягу.

На смертномъ полѣ мой бивакъ

У меня прежде было: У стѣнъ Парижа. Не лучше ли какъ думаешь? вѣрилъ я надеждѣ И уповательнымъ мечтамъ. Это что? Упоительнымъ мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ Анти-критики. 1) Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ, и влажна только сверху, слѣдственно, можно спать подъ нею, когда нѣ чемъ инымъ накрыться — а сушить нѣтъ на-

добности. 2) На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань граница. На ней карантинъ и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он'полтъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣс. Евр. — Теперь замѣчаніе типографическое: Все понялъ онъ... Нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова ■ — à la ligne. Прощальнымъ взоромъ и пр.

Теперь я согласенъ въ томъ что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ, да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce — обнимаю тебя съ надеждой и благодарностію.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье, и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Опъ право добрый малой, изрядный Авторъ и отличный сводникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ-же родѣ. Здѣсь Стурдза монархической; я съ нимъ не только приятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ-ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеронъ увѣряетъ меня, qu'il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ, и поѣхалъ въ Сомомъ-Кишеневъ, гдѣ думаю, будетъ Вицъ-Губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.

А. П.

14 окт.
Од.

Замѣчанія твои на щетъ моихъ разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ c'est un tour de force, это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ я ничего лучше не написалъ. Бахчи-сарайской фонтанъ, между нами, дрянъ, но эпиграфъ его прелесть. Къ стати обь эпиграфахъ — знаешь-ли эпиграфъ К. Пгбъ?

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти — легкой листъ. —

Понимаешь почему не оставилъ его. Но за твои 4 стиха я бы отдалъ 3 четверти своей поэмы. Addio —

Черновое.

.....какъ сюжетъ *c'est un tour de force* (это не похвально, напротивъ) но какъ слогъ — я ничего лучше не написалъ — (кромѣ посл. къ Ов.) — Бахч. Фон. дрянъ [но эпиграфъ его преле] — не говори это однако никому я скоро пришлю тебѣ соч. — эпигра — Къ стати [объ] знаешь-ли эпиграфъ [.....] м. К. П. подъ бурей рока, т — понимаешь почему не оставилъ его — [къ тому] но за эти четыре стиха [лучше] я бы отдалъ 3 чет. своей поэмы — *addio*.

55.

А. Н. Раевскому (?).

Черновое.

[Вторая половина октября 1823 г. Одесса].

Je réponds à votre P. S., comme à ce qui [vous] intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là: 1) M. S. n'est pas encore de retour à Odessa, je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre; en second lieu, comme ma passion a baissé de beaucoup, et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi; c'est-à-dire, que je ne montrerai pas votre [lettre] épître à M.-de S., comme j'en avois d'abord eu l'intention, en ne lui cachant que ce qui jettoit sur vous l'interêt d'un caractère [Byronique] Melmothique, et voici ce que je me suis proposé: votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables; en revanche j'y ai préparé tout au long une belle réponse, dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantage que vous en avez pris sur moi dans votre lettre; j'y commence par vous dire: je ne

suis pas votre dupe, aimable Job¹⁾); je vois votre vanité et votre faible à travers l'affectation de votre cynisme etc.; le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet? Mais comme vous toujours pour mon maître en fait de morale, je vous demande [humblement] pour tout celà votre permission et surtout vos conseils; mais dépêchez-vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles [votre frère] on m'a dit qu'Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux, mais votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. M-r votre oncle, qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2, mais cette fois-ci il aura du g. j. f. afin qu'il soit du secret comme tout le monde [et qu'il ne soit pas le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire].

56.

Ф. Ф. Вигелю.

Черновое.

[Ноябрь 1823 г. Одесса].

[Я знаю] Проклятый городъ Кишиневъ,
 Тебя бранить языкъ устанеть!
 Когда нибудь на [грѣшный] старый кровъ
 Твоихъ запачканныхъ домовъ
 Небесный громъ конечно грянетъ
 И не найду твоихъ слѣдовъ!
 [И рухнутъ вдругъ] Падутъ, погибнутъ пламенѣя
 И лавки грязныя жидовъ,
 И пестрый домъ Варсоломея.
 Такъ, если вѣрить...
 Погибъ несчастливый Содомъ.

1) Здѣсь находится еще одно слово, котораго разобрать нельзя.

Но только съ этимъ [милымъ] городкомъ
 Я Кишиневъ равнять не смѣю
 [Содомъ блисталь и просвѣщенемъ]
 [Парижъ библейскій [отличался] былъ отличенъ]
 [Не только вѣжливымъ]
 [Гостепріимствомъ и грѣхомъ]
 Я слишкомъ съ Библией знакомъ
 И къ лести вовсе не привыченъ.
 Содомъ — ты знаешь — былъ отличенъ
 Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
 Но просвѣщеніемъ [стихами] пирами,
 [Гостепріимствомъ и пирами]
 Гостепріимными домами
 И красотой нестрогихъ дѣвъ.
 [Зачѣмъ же] Мнѣ жаль, что пламенемъ [стрѣлами]
громами
 [Надъ нимъ... божій] Его сразилъ Еговъ гнѣвъ.
 Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
 Избранный Богомъ человекъ
 [Сважи, какъ ты проводишь] Провелъ какъ ты свой
мирный вѣкъ.
 Но въ Кишиневѣ — видишь самъ —
 Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
 Ни сводни, ни книгопродавца.
 Жалѣя о твоей судьбѣ,
 Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
 Подъ вечеръ [милыхъ] три красавца.
 [Но я приѣду, милый] На всякой случай, грустный
 Лишь только будетъ мнѣ досугъ, другъ,
 Прощусь съ Одессою, явлюсь:
 Тебѣ служить я буду радъ
 Своей бесѣдою шальною,
 Стихами, прозою, душою,
 Но [только] Вигель, пощади мой <....>.

Это — стихи, слѣдственно, шутка — не сердитесь и усмѣнитесь, любезный Фили. Фил. — Вы скучаете въ [этомъ] вертепѣ, гдѣ скучаль три года. Желаю васъ [утѣшить] разсѣять хоть на минуту — и сообщаю вамъ свѣденія, которыхъ вы требовали отъ

меня въ письмѣ къ Шв.; изъ 3 ... [крас.] Зна ... думаю, годенъ на употребленіе въ пользу соб. только меньшей [Note scandaleuse]. NB Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ бр. Михай. и трясутся немилосердно—изъ этого можете вывести важныя заключенія; предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію—старшій братъ, какъ вы замѣтили глупъ, какъ Архіерейскій жезлъ; [второй] Ванька—<.....>—слѣдственно, чортъ съ нимъ—обвини ихъ отъ меня дружески—сестру также—и скажите имъ, что Пушкинъ цаплетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ о которыхъ не получилъ [объ нихъ] еще достаточныхъ свѣдѣній. Пулхеріи В. объявите за тайну что я влюбленъ въ нее безъ памяти, и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ въ подр. другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба! Алексѣеву то же и еще что-нибудь—Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его—У насъ холодно, грязно—обѣдаемъ [хорошо] славно—я пью, какъ Лотъ содомскій, и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно [былъ] выдался намъ молодой денекъ—я былъ презид. попойки [вездѣ], всѣ перепились и потомъ поѣхали по <.....>—

 57.

Князю П. А. Вяземскому.

4-го ноября [1823 г.]. Одесса.

Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма. Я выбросилъ то что Цензура выбрасилабъ и безъ меня, и то что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай, да сдѣлай милость, не уступай этой сукѣ Цензурѣ, отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее если возможно, въ мое воспоминаіе. Кромѣ тебя у меня тамъ нѣтъ покровителей; Еще просьба:

принципи къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, и если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой; прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣденія (разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ)¹⁾. Посмотри также въ путешествіи Апостола-Мур. статью Бахчи-сарай выпиши изъ нее что поспоснѣе²⁾—да заворижи все это своею прозою, богатой наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу трауръ³⁾.

1) Далѣе въ черновомъ прибавлено, но потомъ зачеркнуто: «Тутъ мнѣ кажется можно надѣлать прелесть.... тутъ цѣлая поэма».

2) Въ черновомъ прибавлено: «Онъ имѣетъ на бумагѣ свое достоинство, хоть въ разговорѣ имъ я не.... при семъ мое благословеніе».

3) Послѣ этихъ словъ въ черновикѣ написано слѣдующее:

«Перечитывая твои письма, беретъ меня охота спорить. Говоря объ Романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени рев. носятъ новый образъ, и упоминаешь объ А. Ш. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этаго поэта, но онъ истинный Грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant et un... Отъ него такъ и пахнетъ Теоокритомъ и Анаэлогией. Онъ освобожденъ отъ италянскихъ concetti и отъ французскихъ Anti thèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли. Первые думы Ламартина въ св. родѣ едва-ли не лучше Думъ Рыгѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился—такъ онъ вдругъ выросъ. Парня — древній, Millevoüe ни то, ни се, но хорошъ только въ мѣлочахъ элегическихъ. La Vigne — [подражатель] школьникъ Вольтера и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ то и возродитъ умершую поэзію. Помни мое слово — первый поэтический Геній въ Отечествѣ Буало ударится въ такую бѣшеную свободу, что — что твои нѣмцы Покамѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ. О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хоть всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крыловой, всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго. Сказки писаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты. Ерм. такая дрянь, что мочи нѣтъ. Любопытно видѣть его жизнь не для него, а для тебя. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Хорошъ Рускій поэтъ, robe de notre civilisation. Хороша и наша civilisation! Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится богъ знаетъ куда — ты одинъ бы могъ прикрикнуть на-гѣво и на-право, поразтрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать имъ часть истины, а ты покровительствуешь старому врагу и <.....> нами и, что всего хуже, бросилъ поэзію, — этаго я переварить не въ силахъ. Что тебѣ пришло въ голову оперу писать и закабалить поэзію Музыкѣ? Чинъ чина почитай, — я бы и для Россіи не пошевелился».

Что до моихъ занятій, пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разниа! въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена; я

Полно не воскреснетъ-ли она, какъ тотъ который пошутилъ? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту. Чинъ чина почитай. Я бы и для Россіи не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская розница. Въ родѣ Донъ-Жуана. — О печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и разбирити круга своего дѣйствія — лучше объ ней и не думать — а если брать такъ брать не то что и когтей мараить.

Новое изданіе очень мило — съ Богомъ — милый Ангелъ или Аггелъ Асмодей.

Вообрази что я еще не читалъ твоей статьи побѣдившей Цензуру? Вотъ каково жить по Азіатски, не читая журналовъ. Одеса городъ Европейской — вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не водится.

А. П.

В. Л. Дядѣ кланяюсь и пишу на дняхъ.

58.

Нязю П. А. Вяземскому.

[Между 4-мъ и 11-мъ ноября 1823 г. Одесса].

Конечно ты правъ и вотъ тебѣ перемѣны —

Язвительныя лобзанія напоминаютъ тебѣ твои <.....>? Поставь пронзительныхъ. Это будетъ ново¹⁾. Дѣло въ томъ что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть извѣстно

тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что ужъ давно со мной не бывало. О печати и думать не лзя, но Цензура наша такъ своенравна, что невозможно разбирити кругъ своихъ дѣйствій; лучше не думать; а если брать, такъ брать, не то.....»

1) Въ черновомъ: «смѣло».

публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю¹⁾ изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.

Не зрять лица его гаремъ
Тамъ....
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣють жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: Подъ стражею скопцевъ Гарема. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть а къ тому-же я желалъ бы оставить рускому языку нѣкоторую библейскую похабность. Я не люблю видѣть въ²⁾ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Фр. утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя — —

Если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею; если же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно. Нѣтъ ничего легко поставить Равна, Грузинка, красотою но инка кр...³⁾ а слово Грузинка тутъ необходимо — впрочемъ дѣлай что хочешь.

Апостолю написалъ свое путешествіе по Крыму; оно печатается — впрочемъ, ожидать его нѣчего.

Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали что онъ написалъ комедію на Чедаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны.

Посылаю разбойниковъ.

1) Въ черновомъ: «не столько для А. Л. какъ для», но зачеркнуто.

2) Въ черновомъ: «гордомъ первобытномъ».

3) Въ черновомъ прибавлено: «можно бы: Равна, Зарема,....»

Какъ бишь у меня? Вперялъ онъ неподвижный взоръ?
Поставь любопытный, а стихъ все-таки Калмыцкій.

59.

Князю П. А. Вяземскому.

11-го ноября [1823 г. Одесса].

Вотъ тебѣ и разбойники. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 820 году въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, топленіе одного изъ стражей мною не выдуманъ. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шил. Узн. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно, отрывокъ мой написанъ въ концѣ 821 года.

11 ноября.

Рукою Вяземскаго: (Это предисловіе къ напечатанію не назначается).

60.

Барону А. А. Дельвигу.

16-го ноября [1823 г. Одесса].

Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пушкину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слиш-

комъ мало пишешь, покрайнѣй мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по Азіатски, не читая вашихъ журналовъ. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные советы — прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной Музѣ Баратынскаго. Жду и недождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхваляю Господа — и украсу цвѣтами свой шалапъ — хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ. — Сатира къ Гнѣд. мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, Рускому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостію писателя? Это шутка, достойная кол. совѣт. Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ Религіи и правительства: я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана — онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до нельзя. Бируковъ ее не увидитъ, за то что онъ фидитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ — скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Еслибъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія. — Правда ли, что ѣдетъ къ намъ Россини и Италіанская опера? — боже мой! это представители Рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти. — А. П.

16 нояб.

Вели прислать мнѣ нѣмецкаго Плѣнника.

61.

Неизвѣстнымъ дамамъ.*Черновое.*

[Ноябрь — декабрь 1823 г. Одесса].

Oui, sans doute, je les ai dévinée, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d' Od. ci-devant hermite de Kichenef. J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folie, de tourments, [de soirées] d'esprit, de grâce, de soirées, [valse] mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, Madame, de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rancontrer, ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous, tout malaise, tout maussade, [toutes] mes facultés s'anéantissent, j'ai perdu jusqu'au talent des caricatures, quoique la femme du Pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer [les plus grotesques]. Je n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à Vos pieds et de vous consacrer, comme le disait ce bon homme de poète, le petit bout de [moi rien] qui me reste. Vous rappelez-vous de la correction [dans son livre. Mais] que vous avez fait dans le ... de la... Mon Dieu si vous [feriez la même chose dans m.] la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du Ciel! Nous aurons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concerts, sigisbéés, soupirants, tout ce qui vous plaira. Je contreferai le singe ...¹⁾ et je vous dessinerai M-de de Wor. dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en paroles; car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler. Cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? [Venez] encore une foi, venez au nom du Ciel et pardonnez moi des libertés

1) Далѣ двухъ словъ нельзя разобрать.

avec lesquelles j'écris à celle qui a trop d'esprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte le plus...¹⁾.

Quand à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hazard elle ne fut point contrefaite), ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon devouement et de mes regrets.

62.

А. И. Тургеневу.

1 Декабря [1823 г. Одесса].

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ С. От. поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому обязанъ я переменною своей судьбы. Надобно подобно мнѣ провести 3 года въ душномъ Азіатскомъ заточеніи чтобъ почувствовать цѣну и не вольнаго Европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого²⁾. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чебатаревъ.

Исчезла прежняя живость,
Проститель иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе?... терпите, о друзья,
Терпите хоть за то что къ вамъ привязанъ я³⁾.

1) Далѣе нельзя прочесть двухъ словъ.

2) За этимъ въ черновомъ слѣдовало: «Пишу стихи, уже не думая о Цензурѣ», но зачеркнуто.

3) За этими стихами въ черновомъ слѣдуетъ: «Это единственные живые стихи покойнаго Д... — я люблю ихъ изъ эгоизма», при чемъ послѣднія пять словъ зачеркнуты.

Къ стати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть Н. она не хороша, вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился мѣръ,
И Галль десницею разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ,
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжной —
Свободы яркій день вставалъ —

Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты челоуѣчество презрѣлъ —
Въ свое погибельное щастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ,
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ лишилась силъ,
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ поворомъ
Тотъ малодушный кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! ты Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ — —

Эта строфа нынѣ неимѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года—впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ, я закаялся, и написалъ на дняхъ подражаніе басни умѣренного Демократа I. X. (изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя¹⁾).

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ поработенныя броды
Бросалъ живительное сѣмя —
Но потерялъ я только время
Благія мысли и труды....

Паситесь, мирные народы!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичь.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то что вы успокоили меня на щетъ Н. М. и К. А. К. Но что дѣлаетъ поэтическая незабвенная, конституціональная, Анти-польская, небесная Княгиня Голицына, возможно-ли чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ, чемъ я хуже принц. Шарлотты — что онъ мнѣ ни строчки въ 3 года не напишетъ. Правда ли что онъ переводить Гяура? а я на досугѣ пишу новую поэму, Евгенийъ Онягинъ, гдѣ захлѣбываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы.

1) Въ черновомъ: «Это послѣдній либеральный бредъ; на дняхъ я закаялся и, смотря и на западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику, произнесъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Иисусовой».

63.

И. Н. Инзову.

Черновое.

[Послѣ 8-го Декабря 1823 г. Одесса].

Je vous envoie, general, les 360 roubles que je vous [devois] dois depuis si longtems; veuillez recevoir mes sin. remerciements. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire—Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'a present vous payer [ma] cette dette — la faute est que je crevois de misère. Agréez, general, l'aassurance de mon profond respect.

64.

Князю П. А. Вяземскому.

20-го декабря [1823 г. Одесса].

Какая бѣ ни была вина.

Такъ и у меня на черно.

Символь конечно дерзновенный
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Simbole teméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣеть два значенья; одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла — Оставь эти стихи, пускай они

Aux Saumaise futurs préparent des tortures. —

Я бы хотѣлъ знать не лзя-ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ

для нее тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ? Его Прев. могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду Пол. Зв. въ надеждѣ видѣть тебя разпечатнаго. Что Журналъ Анахарсиса-Клопа-Кюхли? Рисунокъ съ фонтана оставимъ до другаго изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Поздр. тебя съ Рожд. Сп. наш. Госп. І. Х.

Ты кажется собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьи Потоцкой, это дѣло другое. Впрочемъ въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ болѣе моего не замѣтитъ. Что еслибъ ты заѣхалъ къ намъ на Югъ нынче весною? Мы бы провели гдѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа женщинъ и мушницъ. Приѣзжай, ей Богу веселѣе здѣсь чѣмъ у васъ на Сѣверѣ.

Адресъ: Его Сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ —

1824.

65.

Л. С. Пушкину.

[Начало января 1824 г. Одесса].

Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? Денегъ не было? Послѣ бы сочлись — а иначе

богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, что я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его министровъ и два раза воспослѣдовагь всемиловѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости, — не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпѣжъ. *Ubi bene, ibi patria*. А мнѣ *bene* тамъ, гдѣ разтеть тринь-трава, братцы! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава льститъ можетъ какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а человекъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. *Mais pourquoi chantais-tu?* На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь морить — за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ моего цинизма! Плетневъ пишетъ мнѣ, что Бахчисарайскій Фонтанъ у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Славѣ! Благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля! Благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! Остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи, но это — бездѣлица — поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнить съ досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость! Долго ли этому быть? Кстати о гадости: читалъ я Федру Лобанова; хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради Маркиза Расина — перо вывалилось изъ рукъ. И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина!

Voulez-vous découvrir la trace de ses pas —
 надѣешься найти
 Тезея жаркой слѣдъ или темные пути —

М<...> его въ рѣму! Вотъ какъ все переведено! А ~~чѣмъ-же~~ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры Феды — верхъ глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи: Тезей — не что иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Иполитъ, *le superbe, le fier Hippolyte, et même un peu farouche*, Иполитъ, суровый скиѣскій <.....>, — не что иное какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный:

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду, и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица; сравни его съ [монологомъ] рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Тераменъ — аббатъ и сводникъ: *Vous même où seriez-vous etc.* — вотъ глубина глупости! Съ Рыгѣевымъ мирюсь: Войнаровскій полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева Олега Вѣщаго и напѣчаталъ. Можетъ быть, я пришлю ему отрывки изъ Онѣгина; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его — онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, нашелъ Сатиру и цинизмъ и порядочно не разчухалъ.

66.

А. А. Бестужеву.

12-го января 1824 г. Одесса.

Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ имянно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ

стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! А какой же смыслъ имѣеть:

Какъ ясною влагою полубогиня грудь
 ————— вздымала

или

съ болѣзнью и тоской
 Твои глаза, и проч.?

Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности. Это простительно Воейкову, но *et tu autem, Brute!*

Гнѣдичъ шутить со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Якову Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ, и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя *sans gaucine* и съ благодарностью за все остальное — прозу и стихи. Ты — все ты, то-есть, милъ, живъ, уменъ. Баратынскій — прелесть и чудо; Признаніе — совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣва Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ, слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ — молодець. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобою стихами, но сдѣлай милость... пощади. Прощай, мой милый Walter!

Туманскаго вчера и сегодня не видалъ и письма твоего не

отдавалъ. Онъ — славный малый, но, какъ поэтъ, я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости! А. П.

1824, янв. 12. Одесса.

Адресъ: Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Гречу, въ С.-Петербургъ, въ газетную экспедицію. Прошу доставить г. Бестужеву.

Черновое.

Конечно я на тебя сердить и готовъ съ твоего позволенія браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ [ту элегію] тѣ стихи [объ] которыхъ имянно просилъ тебя не выдавать [еще] ихъ въ п. Ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно [А и сколько я желалъ [не выдавать въ публику первая про] — [Онѣ относятся писаны къ женщинѣ которая ихъ читала ихъ. я. просится] ты пишешь что безъ 3-хъ послѣднихъ стиховъ Эл. не имѣла бы смысла — Велика важность — а какой же смыслъ имѣеть

Какъ — — — — — или съ болѣвнью и мольбой — или —

Я давно уже не сержусь за опечатки — но [иногда] мнѣ встарину случалось забалтываться стихами — и мнѣ [больно] грустно видѣть что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли ни [самолюбія бѣдной] бѣдной собственности — это протительно В. — но et tu Brute — Я [принужденъ] хотѣлъ было за вину [Вяземскаго] твоего корректора — извиниться въ какомъ нибудь журналѣ — [оставляю это на] но публика [наш.] этого не стоитъ — Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пѣни и просьбы — и обнимаю тебя sans гапсине и съ благодарностью за [все] остальное — стихи и прозу — ты все ты т. е. милъ, живъ, уменъ — Бар. прелесть и чудо — [послѣ его] признанье [его рѣшилъ до сам.] совершенство [только] послѣ его никогда не стану печатать

св. элегій — (хотя бы наборщикъ и поклялся бы передъ нами [меня не щадить меня] поступать со мною милостивѣе) — Рыгѣва Войн. несравненно лучше всего что онъ написалъ — слогъ его истинно повѣств., чего у насъ [еще] почти еще нѣтъ — Дельвигъ молодецъ и мы [я] съ нимъ [снесусь] снесемся. Гнѣдичъ шутитъ со мною шутки въ другомъ родѣ — онъ [сказалъ Як. Тол.] разгласилъ будто бы всѣ новые стихи обѣщанныя мною Як. Тол., проданы уже ему Гнѣд. — Толс. написалъ мнѣ письмо пресухое въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изд. моихъ стих., уѣхалъ въ П. и съ тѣхъ объ немъ ни слуху ни духу — [въ] я вижу [изъ С. О.] что онъ переписывается съ тобою [черезъ] въ С. О. — напиши ему слово обо мнѣ и оправдай меня въ его глазахъ да перешли его адресъ — —

67.

Ө. В. Булгарину.

1-го февраля 1824 г. Одесса.

Съ искренней благодарностью получилъ я 1-й нумеръ Сѣвернаго Архива, полагая, что тѣмъ обязанъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я снисходительный вашъ отзывъ о татарской моей поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

Одесса. 1 февраля 1824.

68.

А. А. Бестужеву.

8-го февраля 1824 г. [Одесса].

Ты не получилъ видно письма моего. Не стану повторять то чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти въ П. Зв. скажу что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малой и много обѣщаетъ но за чѣмъ писать онъ для снисходительнаго вниманія Мил. Госуд. NN. и ожидаетъ ободрительной улыбки прекраснаго пола для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностию. Булгаринъ говоритъ что Н. Бестужевъ отличается новостію мыслей; можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово мысли. Арабская сказка прелесть; совѣтую тебѣ держать за воротъ этаго Сенковского. Между поэтами не вижу Гнѣдича, это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову; вчера — — — люблю и мыслю помѣстятъ современемъ въ Грамматику для примѣра безсмыслицы. Плетнева родина хороша, Баратынской — чудо — мои піэсы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь что мой Фонтанъ шумить. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно переключивалъ въ стихи разказъ молодой женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя а печатаю потому что деньги были нужны.

3 пунктъ и самый нужный съ эпиграфомъ безъ церемоніи: ты потребуешь отъ меня десятка піэсъ, какъ будто у меня

7*

ихъ сотни. Едва-ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ Цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому-же я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе нѣжели тебѣ. Объ моей поэмѣ нечего и думать — если когда нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Прощай, поклонъ Рылѣеву. Обними Дельвига, брата и братью.

8 февр. 1824.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гречу. Въ С.-Петербургѣ. Въ Газетной Экспедиціи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву.

— — — — —
Черновое.

Ты еще не получилъ [еще] какъ видно, письма моего [гдѣ говорю тебѣ], не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ — О тв. [сочи.] повѣст. въ Пол. скажу, что онѣ не въ примѣръ лучше т. е. (занимательнѣе) тѣхъ кот. были напечатаны въ про. году, *et c'est beaucoup dire* — Корниловичъ — славный малой и мн. общ., но за чѣмъ пишеть онъ: для [вни.] снисходительн. вниманія... М. Го. NN и ожидаетъ ободрительной улыбки прекр. пола для продолженія [занимательн.] любопытныхъ св. труд. все это старо, не нужно и слишкомъ уже пахнетъ Шал. невинностью. Булг. говорить, что ст. Н. Бест. отличаются новостію мыслей; можно [было имѣть болѣе] бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово [къ] мысли. Арабскія сказки прелесть — со-вѣтую тебѣ держать за воротъ этаго Сенковскаго. [Стихи презрядные...]. Между поэт. не вижу Гнѣдича и досадно; нѣтъ и Языкова и его жаль. Похабный мадр. Родз. должно бы оставить [Нахимову] покойному Демонси а не печатать въ Эвр. изд.

Вчера — —

Люблю и мыслю — —

[Отошли въ какую-нибудь] помѣстятъ [когда-нибудь] грамматикѣ — для примѣра явной безсмыслицы — Плетнева Родина хороша, Бар. чудо — моя піэсы плохи — вотъ тебѣ и все о Полярной —

Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина — я съ суевѣрной точностію перекладываю въ стихи разказъ молодой женщины:

Aux douces lois — —

Впрочемъ я [довольно его люблю его для] напечаталъ Фонтанъ его потому что деньги нужны (я написалъ его единственно для себя).

III пунктъ и сам. нужный, съ эп. безъ cere. Ты [просишь] требуешь для тебѣ піэсъ какъ будто у меня ихъ сотни [Не могу ихъ продавать ибо они уже проданы]. Я общалъ стиховъ Кюхельбекеру, которому они вѣрно нужны, нѣжели тебѣ [пото. положимъ что] Едвали наберется ихъ [для тебя] и пятокъ — ты забываешь отношенія мои съ Цензурой — О моей поэмѣ нечего и думать она писана строфами едвали не вольнѣе строфъ Дон. Ж. Если [я] когда нибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ П. б. и не въ Москвѣ. [У васъ есть еще нѣсколько моихъ стиховъ... сдѣлайте съ Цензурой — переправляйте ихъ].

69.

Князю П. А. Вяземскому.

8-го марта 1824 г. Одесса.

Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Европеецъ за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать что ремесло наше право не хуже дру-

гова. Одно меня затрудняетъ ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не за чемъ. А у меня имъ не залежаться хоть я право не могу. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму¹⁾. Благо я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18-го вѣка: я пишу для себя а печатаю для денегъ а ничуть для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давшія замѣчанія на Булг., это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. Жизни Дмитріева еще не видалъ. Но милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному²⁾ пристрастію судишь во преки³⁾ своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому⁴⁾. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры одного изъ твоихъ посланій, а все прочее перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то называлъ *Le poète de notre civilisation*. Быть такъ, хороша наша *civilisation*!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе что такое въ началѣ лѣта и не дорого. Левъ Нарышкинъ съ которымъ я уже объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужія края въ началѣ лѣта. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 600 р. въ мѣсяцъ, и дачу не очень помню за сколько. Я бы совѣт(ов)алъ тебѣ для дѣтей нанять дачу потому что въ городѣ пыль несносна⁵⁾. Буду еще хлопотать; впрочемъ твоего слишкомъ дорого не

1) Въ черновомъ прибавлено: «потому что мнѣ полюбилось».

2) Тамъ же: «снисходительному».

3) Тамъ же: «и вѣрно вопреки».

4) Тамъ же: «не хочу сказать кому».

5) Тамъ же: «въ городѣ по причинѣ пыли жить несносно; стану хлопотать».

понимаю; ты деньги все вѣдь изтратишь, если не на то такъ на другое. Жду отвѣта. С. Волконскаго еще нѣтъ.

8 марта
1824.
Одесса.

Адресъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

70.

Князю П. А. Вяземскому (?).

[Первая половина марта 1824 г. Одесса].

..... Читая Шекспира и Библию, Святыи Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гѣте и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я дѣлаю: — пишу пестрыя строфы романтической поэмы, — и беру уроки чистаго Авеизма. Здѣсь Англичанинъ глухой Философъ, единственный умный Авеи, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ изписалъ листовъ 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur, — мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная.

71.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

[Конецъ марта — начало апрѣля 1824 г. Москва].

(Секретное).

Сдѣлай мелость, будь остороженъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что тебѣ въ Петербургѣ? Дай мнѣ отдѣлаться отъ дѣлъ своихъ, но не такъ, чтобы можно было все бросить на нѣ-

сколько лѣтъ и ѣхать въ чужіе края, я охотно поселился бы у васъ. Вѣрные люди сказывали мнѣ, что уже на Одессу смотрятъ, какъ на *champ d'asyle*, а въ этомъ полѣ вѣрно никакая ягодка болѣе тебя не обращаетъ вниманія. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности. Да къ тому же, признаюсь откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человѣкъ пріятный, благонамѣренный, но не пойдетъ донкишотствовать противъ Власти ни за лице, ни за мнѣніе, какія бы онѣ не были, если Власть поставитъ его въ необходимость объявить себя за нихъ или за нее. Ты довольно сыгралъ пажескихъ шутокъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно! А вся наша оппозиція ничѣмъ инымъ ознаменоваться не можетъ, que par des espiègleries. Намъ не дается мужествовать противъ него; мы можемъ только ребячиться. А всегда ребячиться надоѣсть.

72.

Л. С. Пушкину.

1-го апрѣля 1824 г. [Одесса].

Вотъ что пишеть мнѣ Вяземской:

Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой Фонтанъ еще до напечатанія. На что это похоже? И въ Петербургѣ ходятъ тысяча списковъ съ него — кто же послѣ будетъ покупать? Я на совѣсти грѣха не имѣю и проч.

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не расти. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первой разъ поступившіе по Европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ — да въ передъ не возможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все — друзьямъ моей Славы — чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голоду не околѣть, а

они кричатъ слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ Фонтанъ разходится — или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія. Что это со мною дѣлають журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова — какъ можно печатать партикулярныя письма? Мало-ли что приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все и печатать — это разбой; рѣшено: прерываю со всѣми переписку — не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня — мнѣ все равно; ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю на ровнѣ съ книгопродавцами — пусть покупають и врутъ, что хотятъ.

1 апрѣля 1824.

Письмо это доставить тебѣ Сенявинъ, адъютантъ Гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой приятель; онъ доставить тебѣ обо мнѣ всѣ свѣденія, которыхъ только пожелаешь. Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенный щетъ, да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни Отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки, денегъ не шлете, а подрываете мой книжный торгъ. Куда хорошо!

На оборотъ: Льву Сергѣевичу Пушкину, у Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго.

73.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало апрѣля 1824 г. Одесса].

Сей часъ возвратился изъ Кяшпенева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю какъ тебя благодарить; разговоръ прелесть, какъ мысли такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впе-

редъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева; все что въ ней разсужденіе — прекрасно. Но эта статья *tour de force et affaire de parti*. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями, и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось я тисну; тогда *du choc des opinions jaillira de l'argent*. Знаешь ли что? твой разговоръ болѣе писанъ для Европы чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи Романтической поэзіи; но старая <.....> классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ-ли у насъ? это еще вопросъ. — Повторяю тебѣ передъ евангелиемъ и святымъ причастіемъ — что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣеть, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или Дядя В. Л. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю рускую оппозицію? и чѣмъ онъ классикъ? гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гипара? — Мнѣнія Вѣстн. Евр. не можно почитать за мнѣнія, на Благ. сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? гдѣ столпы классическіе? Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ т. е. о деньгахъ. Сленинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь, да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ — а я думалъ что это ошибка Географовъ. Дѣло стало за Цензурой, а я не шучу потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости — мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи — — — т. е. или рыбку съѣсть, или на <...> съѣсть. Дамы принимаютъ эту пословицу въ обратномъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ; буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. — Прости, душа — да пришли мнѣ денегъ. А. П.

Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи. —
Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣрить, да мнѣ не вѣрится.

74.

„Издателю Сына Отечества“.

[Начало апрѣля 1824 г.]. Одесса.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія, на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго Авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго фонтана, присоединилъ къ оному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ, разговоръ вѣроятно вымысленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многіе силою своихъ сужденій сходятся съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостію.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей Словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ между прочимъ прочелъ я слѣдующее:

«Изд. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится? — Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ Авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

Авторъ очень радъ, что имѣеть случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевского острова писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и не замѣтны, и не стоятъ столь блестящаго отраженія.

Не хочу или не имѣю права жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы неизвѣстнаго Критика.

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

75.

А. И. Казначееву.

Черновое.

[25-го мая 1824 г. Одесса].

П. А. И. Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, не знаю въ правѣ-ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы то нибыло, надѣюсь на вашу снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно на щетъ моего положенія.

7 лѣтъ я службою незанимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти [семилѣтняя] 7 лѣтъ какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ [совсѣмъ] другую цѣль. Ради бога не думайте чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рифмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость.

Думаю что Графъ Воронцовъ не захочетъ лишить меня ни того, ни другаго.

[Можетъ быть скажете вы] Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей обязанъ служить. Вы знаете что только въ Москвѣ или П. Б. можно вести книжной торгъ ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній единственно по той причинѣ что нахожусь за 2000 в. отъ столицъ. Правительству угодно [было] вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты я принимаю эти 700 рублей не такъ какъ жалованіе чиновника но какъ паёкъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ [которыя доставляютъ мнѣ]. Вхожу въ [сіи] эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, [также] какъ и мнѣніемъ всякаго честн. человѣка.

Повторяю здѣсь то что уже [сказал] извѣстно Графу М. С: если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ друга начальника кромѣ его сіятельства; но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшія успѣхи въ оной.

Знаю что довольно этого письма чтобъ меня, какъ говорится, уничтожить. Если Гр. прикажетъ подать въ отставку я готовъ; но чувствую что перемѣнивъ мою зависимость я много потеряю а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: Вы можетъ быть незнаете что у меня аневризъмъ. Вотъ уже 8 лѣтъ какъ я ношу съ собою смерть. Могу представить свидѣтельство котораго угодно Доктора. Ужели не лъзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни которая вѣрно не продлится.

Свидѣтельствую вамъ глуб. почт. и серд. пред.

Черновое (первый набросокъ).

22-го мая.

П. А. И! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, не знаю, въ правѣ ли отозваться на предписаніе е. с. Какъ бы то ни было, надѣюсь на вашу [снисхожденіе] снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно [о своемъ положеніи] на щетъ моего положенія.

[Я давно отказался отъ всякой надежды, отъ всякой выгоды] служба никогда не была моею цѣлію: семь лѣтъ я ею не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ; эти семь лѣтъ к. в. извѣстно для меня потеряны. Чувствуя совершенную свою неспособность, я уже отказался отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи или выгоды [Можетъ быть, я чувствую, болѣе, чѣмъ кто-нибудь умѣренность правительства, но не могу...]; я самъ заградилъ себѣ путь, я выбралъ другую дорогу. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на [стихи] стихотворство, какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка, съ смѣшнымъ тщеславіемъ: оно — просто мое ремесло, отрасль промышленности, которая одна доставляетъ мнѣ пропитаніе и независимость. Графъ не захочетъ лишить ни того, ни другаго.

Можетъ быть, скажете вы, что я получаю жалованіе, слѣдственно, обязанъ служить; но я принимаю 700 рублей не такъ, какъ жалованіе чиновника Новороссійскаго военнаго губернатора, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Вы знаете, что только [въ Россіи] въ Москвѣ или Петербургѣ [могу] можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ находятся журналы, цензора и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній только по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицы. Правительство вознаграждаетъ нѣкоторымъ образомъ мои утраты, но я готовъ отказаться отъ моего жалованія, если не буду властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ это обстоятельство, потому что дорожу мнѣніемъ графа

Воронцова, также какъ и вашимъ, также какъ и всякаго честнаго человѣка. Повторяю здѣсь то, что уже [честь имѣлъ говорить] сказалъ самому графу М. С.: если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника, кромѣ е. с.; но я не хочу служить, никогда ничего по службѣ не искалъ и противу воли — — —

Чувствую, что въ семь [письмѣ] довольно, чтобъ меня уничтожить; если графъ прикажетъ подать мнѣ въ отставку, я готовъ, хотя съ сожалѣніемъ, чувствуя, что перемѣнивъ мою должность, я много потеряю и ничего не надѣюсь выиграть.

Еще одно слово: вы, можете быть, не знаете, что у меня аневризъмъ; слѣдственно, вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть; могу представить свидѣтельство [какого угодно] того доктора, котораго угодно вамъ... Кажется, служба таково чиновника не завидна. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится?

76.

А. Н. Раевскому (?).

[Июнь 1824 г. Одесса].

[Мнѣ] Съ удивленіемъ [услышалъ] слышу я что ты считаешь меня [варваромъ] врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ Турецкаго рабства. [Мнѣ случалось иногда говорить о Греціи] Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы. [Повторяю тебѣ чтобъ оправдаться] Но чтобы тебѣ не говорили, ты не долженъ былъ вѣрить чтобы когда нибудь сердце мое недоброязательство. [освобожденію свободѣ] благороднымъ усиліямъ [свободы] возраждающагося народа. Жалѣя что принужденъ оправдываться передъ тобою, повторю и здѣсь [тебѣ] то что [думаю] случалось мнѣ говорить касательно Грековъ.

[Большая часть людей] Люди по большей части [ограниченны] самолюбивы, безпонятны, легкомысленны, невѣжественны, упрямы; старая истина которую все таки не худо повторить — Они [не] рѣдко терпятъ [ни рѣдкаго] противурѣчія никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ [что] всякую новость; и [однажды принявъ] къ ней привыкнувъ ужъ не могутъ съ нею разтаться. —

Когда что нибудь является общимъ мнѣнiемъ то [оно непримѣтно] глупость общая вредитъ ему столь-же, сколько общее [усилiе] единодушiе ¹⁾ ее поддерживаетъ. Греки между Европейцами имѣютъ [много глупыхъ] гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ [полезныхъ] другiе. — [Невѣжество] Ничто еще не было столь народно какъ дѣло Грековъ, хотя многiе въ ихъ политическомъ отношенiи были важнѣе для Европы.

77.

А. Н. Раевскому (?).

[Июнь 1824 г. Одесса].

.... de Constantinople — (Voil)a de gueux [de courtiers... des juifs, de coupeurs de bourse] timides, voleurs et vagabondes qui n'ont [ne pouvoient] [jamais] pu même soutenir le premier feu de la mauvaise mousquetterie turque, [voilà ce que sont les] formeroit une singulière troupe dans l'armée [Russe] du Comte Vitgen. — Quand à ce q. reg. les officiers, ils sont pires que les soldats — [On peut voir] N. avons vu les nouveaux Leonidas dans les rues d'Odessa et de Kichenev — [nous] plusieurs nous sont personnellement connus, nous certifions leur complete nullité — aucune idée de l'art militaire, nul point d'honneur, nul enthous-

1) Передѣлано изъ «единомыслие».

siasme — [un] ils ont trouvé l'art d'être insipides, même au moment où leur conversation devoit intéresser tout Européen — les [officier] françois et les Russes qui se trouvent ici [leur disent des grosses injures en face et quelquefois] leur marquent un mépris dont ils ne sont que trop dignes, ils supportent tout, même les coups de bâton avec un sang froid digne de Themistocle — Je ne suis ni un Barbare ni un apôtre [du gouvern.] de l'Alcoran, la cause de la Grèce m'intéresse vivement, c'est pour cela même que je m'indigne en voyant ces misérables revêtus du ministère sacré des défenseurs de la liberté —

78.

В. А. Жуковский — Пушкину.

1-го июня [1824 г. Петербург].

Ты увѣряешь меня Сверчекъ моего сердца, что ты ко мнѣ писалъ, писалъ и писалъ — но я не получалъ, не получалъ и не получалъ твоихъ писемъ. И такъ Богъ судья тому кто наслаждался ими. На послѣднее и единственное твое письмо буду отвѣчать двумя словами ибо тремя нѣкогда. Имя Сафѳаносъ прекрасное и для меня столь же священное какъ и для Греціи. Но незнаю удастся ли мнѣ почитать его такъ, какъ я бы желалъ. Поговорю съ тѣми кто это дѣло знаетъ и кто что-нибудь по этому дѣлу можетъ. Если не получишь никакого отъ меня отзыва — то знай что неудалось. Если же удастся, то лѣнь извѣстять и напишу подробно.

Обнимаю тебя за твоего Демона. Къ черту черта! Вотъ пока твой девизъ. Ты созданъ попасть въ Боги — впередъ. Крылья у души есть! вышины она не побоится, тамъ настоящій ее элементъ! дай свободу этимъ крыльямъ, и небо твое. Вотъ моя вѣра. Когда подумаю, какое можешь сострипать для себя будущее то сердце разогрѣется надеждою за тебя.

Прости чертиекъ, будь Ангеломъ. Завтре же твой Ангель. Твои звали меня къ себѣ, но я быть у нихъ не могу: пошлю

только имъ полномочіе выпить за меня задравный кубокъ и за меня провозгласить: Быть сверчку орломъ и долетѣть ему до солнца. Жуковскій.

1 Юня.

79.

А. И. Назначеву.

Черновое.

[Начало юня 1824 г. Одесса].

[Votre lettre m'a fait bien de la peine] Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait tant de peine, et l'affliction que vous m'en temoignez me touche sincerement. Quant aux craintes que vous avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne les vois pas fondées. Que regretterai-je? Est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le temps de me résigner. Sont ce mes appointements? [Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens je ne puis pas les dédaigner] Puisque mes occupations litteraires peuvent me procurer plus d'argent que le [service], il est tout naturel de leur sacrifier les occupations de mon service. Vous me parlez de protection et d'amitié, — deux choses à mon sens incompatibles. Je ne puis, ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection; rien que je sache ne dégrade plus que le patronage, et j'estime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui. Ladessus j'ai des préjugés démocratiques qui vaillent bien les préjugés de l'aristocratie.

Je n'aspire qu'à l'indépendance (pardonnez-moi le mot en faveur de la chose); à force de courage et de persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les

vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce. Je ne conçois pas la consternation de mes amis (je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis). Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel et tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier [imbecile] galopin anglais qui vient promener parmi nous sa platitude [sa nonchalance] et son baragouin.

Il n'y a pas de doute que le comte W., qui est un homme d'esprit, saura [de me mettre dans mon tort] me donner le tort dans l'opinion du public: triomphe très flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son gré, vu que je me soucie tout autant de l'opinion de ce public que de l'admiration de nos journaux.

 80.

Ниязю П. А. Вяземскому.

[Первая половина июня 1824 г. Одесса].

Жена твоя прѣхала сегодня, привезла мнѣ твои письма и мадригалъ Василія Львовича въ которомъ онъ мнѣ говоритъ: ты будешь жить съ Княгинею прелестной; не вѣрь ему, душа моя и не ревнуй. Письма твои обрадовали меня по многимъ отношеніямъ: кажется ты успокоился послѣ своей эпиграммы. Давно бы такъ! Критики у насъ, Чувашей, не существуетъ, палки какъ-то неприличны; о поединкѣ и смѣхъ и грѣхъ было и думать: то ли дѣло цыцъ цыцъ или цыцъ цыцъ. Пришли мнѣ эпиграмму Грибоѣдова. Въ твоей неточность: и визгъ такой; должно пискъ. Впрочемъ, она прелестна. То что ты говоришь на щетъ журнала давно уже бродитъ у меня въ головѣ — Дѣло въ томъ что на Воронцова нечего надѣяться. Онъ холоденъ ко всему что не онъ; а Меценатство вышло изъ моды — Никто изъ насъ не захочетъ великодушнаго покровительства просвѣщеннаго Вельможи. Это обвѣтшало вмѣстѣ съ Ломоносовомъ. Нынѣшняя

наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дѣло и соединиться. Но бѣда! мы всё гѣнтѣй на гѣнтѣ — матеріалы есть матеріалисты есть, но *où est le cul de plomb qui pousse ça?* гдѣ найдемъ своего составителя, такъ сказать, своего Каченовскаго? (въ смыслѣ Милонова — что для издателя хоть Вѣстника Европы, не надобенъ тутъ умъ, потребна только <...>)? Еще бѣда: ты — *Sectaïre*, а тутъ бы нужно много и очень много терпимости; я бы согласился видѣть Дмитріева въ заглавіи нашей кучки, а ты уступишь-ли мнѣ моего Катенина? отрекаюсь отъ Василя Львовича; отречешься-ли отъ Воейкова — Еще бѣда: мы всё прокляты и разсѣяны по лицу земли — между нами сношенія затруднительны, нѣтъ единодушія; золотое къ стати поминутно отъ насъ выскользаетъ — Первое дѣло: должно приструнить всё журналы и держать ихъ въ респектѣ — ничего легче бъ не было, еслибъ мы были вмѣстѣ и печатали бы завтра что рѣшили бы за ужиномъ вчера; а теперъ сообщай изъ Москвы въ Одессу замѣчаніе на какуюнибудь глупость Булгарина, отсылай его къ Бирукову въ П. Б. и печатай потомъ черезъ 2 мѣсяца въ *revue des bévues*. Нѣтъ, душа моя Асмодей отложимъ попеченіе, далеко кулику до петрова дня — а еще далѣ [намъ] Бабушкѣ до Юрьева дня — Радуюсь, что могъ услужить тебѣ своей денежкой, сдѣлай милость не торопись — Съ женою отошлю тебѣ 1-ую пѣснь Онѣгина — Авось съ переменной министерства она и напечатается — пока мѣсть мнѣ предлагаютъ за второе изданіе К. Пгѣ. 2000 рублей. Какъ думаешь? согласиться? Третье вѣдь отъ насъ не ушло.

Прощай милый; пишу тебѣ въ пол-пьяна и въ постелѣ — отвѣчай.

На оборотѣ (писано не Пушкина рукой): Его сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Чернышевской переулкѣ, въ собственномъ домѣ, въ Москвѣ.

81.

Л. С. Пушкину.

19 іюня [1824 г. Одесса].

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго вранья — чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литтературы — вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что-нибудь о Сѣверныхъ Цвѣтахъ — выдутъ ли и когда выдутъ? Съ переменною Министерства ожидаю и переменны Цензуры. А жаль... la soupe était pleine. Бируковъ и Кросовской не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія Дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ-ли онъ Бахчисарайскій Фонтанъ изъ уваженія къ святыни Академическаго словаря и неблазно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литтературы вообще, и посылаю ему лобзаніе, не яко Іуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуться ко вратамъ Цензуры съ первою главой или пѣснью Онѣгина. Авось пролѣземъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ Онѣгинѣ — скучно, душа моя. Въ другой разъ когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда приѣхала Кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба, но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя! деньги мнѣ нужны. Продай на годъ Кавказскаго Плѣнника за 2000 рублей, кому бишь? Вотъ переменны: И путникъ оживаетъ — и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ — Вперялъ онъ любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ — И упонительнымъ... Не много ей дней — ночей, ради Бога. Прощай.

На оборотъ: Милостивому Государю Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ С.-Петербургъ, у Обухова моста, въ домѣ Полторацкаго.

82.

Князю П. А. Вяземскому.

[Середина іюня 1824 г. Одесса].

Я ждалъ отъѣзда Трубецкова чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того что всего ближе касается до меня. Я поспорился съ Воронцовымъ, и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку — но чѣмъ кончатъ Власти, еще неизвѣстно. Тиверій радъ будетъ придраться; а Европейская молва о Европейскомъ образѣ мыслей Графа Сеяна обратитъ всю отвѣтственность на меня. Покамѣсть не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ Кн. Вѣрѣ, вижу что и тебѣ и Кюхельбекерно и тошно; тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ [ей] его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію — Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ ужъ не тотъ пламенный Демонъ который создалъ Гяура и Чильдъ Гарольда. Первые 2 пѣсни Донъ-Жуана вышѣ слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ на выворотъ; постепенности въ немъ не было, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ — пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему невозвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child Harold Байрона мы не слышали, а писалъ какойто другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его Героя прелестна — но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ Грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи Негровъ; [и] можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго; но чтобы всѣ просвѣщенные Европейскія народы бредили Греціей — это не-

простительное ребячество. Иезуиты натолкавали намъ о Оеми-стоклѣ и Перяклѣ а мы вообразили что пакостный народъ состоящій изъ разбойниковъ и лавошниковъ есть законнорожденный ихъ потомокъ, и наслѣдникъ ихъ школьной славы—Ты скажешь что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Приѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада и ты бы со мною согласился—Да посмотри что писалъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child Harold — тамъ гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французского консула помнится, въ Смирнѣ—Обѣщаю тебѣ однакоже Вирши на смерть Его Превосходительства.

Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства—Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ и нѣтъ. Давно дивизъ всякаго рускаго есть чемъ хуже тѣмъ лучше. Оппозиція Руская, составившаяся, благодаря Рускаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изъ подъ тишка поддразнивалъ ожидая чего нибудь—А теперь какъ позволять Фитѣ Глинкѣ говорить своей любовницѣ что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ—Вотъ какъ Шишковъ сдѣлаетъ всю обѣдню <.....>. Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ—Еще слово: я позволилъ брату продать [2-ое] второе изданіе Кавк. Плѣ., деньги были нужны—А (какъ я говорилъ) 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ.—Да ты пакостишь со мною: даришь меня, и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ—Ты задорный издатель—а Гябдичъ хоть и невыгодный приятель за то ужъ копѣйки не подарить и смирно себѣ сидитъ ни бранясь ни съ Каченовскимъ ни съ Дмитриевымъ. А. П.

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

83.

Н. В. Всеволожскому.

Черновое.

[Вторая половина іюня 1824 г. Одесса].

Не могу повѣрить, чтобъ ты забылъ меня, милый Всеволожской! Ты помнишь Пушкина, проведеннаго съ тобою [первые годы] столько веселыхъ часовъ, Пушкина, котораго ты видѣлъ и пьянаго, и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей [кулисныхъ страстей], того Пушкина, который отрѣзвилъ тебя въ страстную пятницу и проводилъ тебя подъ руку въ церковь те. Дирекціи, да помолишься Господу Богу и насмотришься на госпожу Овошникову. Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ нынѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли, что я тебѣ полупродалъ, полупроигралъ рукопись моихъ стихотвореній? [О священная дружба! о проклятый тиранъ] Ибо знаешь: играй.... родить задоръ..... Я раскался, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стих.; большая часть оныхъ ниже посредственности и годится только на совершенное уничтоженіе; нѣкоторыхъ хочется мнѣ спасти... Царь не боится свободы! Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту же цѣну 1000 (я знаю, что ты со мною спорить не станешь, даромъ же взять не захочу). Деньги тебѣ доставлю съ благодарностію, какъ скоро выручу. Надѣюсь, что мои стихи [по милости божіей] у Сленина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя моя радость, обнимаю и... Прошу... Когда-то свидимся... когда-то...

84.

А. А. Бестужеву.

29-го іюня 1824 г. Одесса.

Милый Бестужевъ, ты ошибся думая что я сердитъ на тебя — гнѣвъ одна мнѣ помѣшала отвѣчать на послѣднее твое письмо (другова я не получалъ). Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человекомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно [въ это время] въ такомъ случаѣ пишу элегій, какъ другой¹⁾. Но приятельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мокрыя мои простыни? Богъ тебя простить! но ты острамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ — напѣчатавъ 3 послѣднія стиха моей элегій; чортъ дернулъ меня написать еще къ стати о Бахч. фонт. какія-то чувствительныя строчки и припомнить тутже элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяніе когда увидѣлъ ихъ напечатанными. — Журналъ можетъ попасть въ ея руки. — Чтожь она подумаетъ²⁾ видя съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ П. Б. моихъ друзей. Обязана ли она знать что она мною не названа, что письмо разпечатано и напечатано Булгаринимъ — что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ — и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе чемъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась. Я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстн. Евр. (единственномъ журналѣ на котораго не имѣю права жаловаться) что Булг. не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ еще живыхъ безъ согласія ихъ собственнаго. Но перекрестясь предалъ это все забвенію. Отзвонилъ и съ коло-

1) Послѣ этого кѣмъ-то зачеркнуто нѣсколько словъ, которыхъ нельзя разобрать.

2) Далѣе тщательно вымарано какое-то слово.

кольни даюй. — Мнѣ грустно мой милый что ты ничего не пишешь. Ктожь будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? хороши! если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гёте, то и тутъ бы Европа не шевельнулася чтобъ ихъ сравить, подразнить или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики мировался. Для кого жъ занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго или мнѣніе ¹⁾ Писарева о самомъ себѣ. Я принужденъ былъ вмѣшаться ибо призванъ былъ въ свидѣтельство М. Дмитріевымъ. Но больше не буду. Онѣгинъ мой ростеть. Да чортъ его напечатаетъ. Я думалъ что Цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ — а вижу что и при старомъ по старому. — Если согласіе мое, не шутя тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ — то я никакъ его не дамъ если не пропустятъ грезъ и харчевни (скоты! скоты! скоты!) а попа къ чорту его. Кончу дружеской комисіей — постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моею минутной младости. Напомни этому милому, безпамятному эгоисту что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и приятный стихотворецъ. Оный Пушкинъ продалъ ему когда то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. ассигн. Нынѣ за ту же цѣну хочеть у него ихъ купить. Согласиться-ли Аристипъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу *mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles.* — Покажи ему мое письмо. — Мужайся — дай отвѣтъ скорѣй какъ говорить Богъ Іова или Ломоносова.

29 іюня 1824. Одесса.

1) Было другое слово, но зачеркнуто.

85.

Князю П. А. Вяземскому (?):

Черновое.

5-го іюля 1824 г. Одесса.

Французы ничуть не нижѣ Англичанъ въ Исторіи — Если первенство чего нибудь да стоитъ то вспомните что Вольтеръ первый пошелъ по новой дорогѣ — и внесъ свѣтильникъ Философіи въ темные Архивы Исторіи. Робертсонъ сказалъ что если бы Вольтеръ потрудился указать на Источники своихъ сказаній то бы онъ, Робертсонъ, никогда не написалъ своей Исторіи — 2-е Лемонте есть Геній 19-го столѣтія — прочти его Обзоръніе Царствованія Людовика XIV и ты поставишь его выпшѣ Юма и Робертсона. Рабо де С-тъ Этьень — дрянъ.

5 іюля 1824.

Одесса.

Вѣкъ романтизма не насталъ еще для Франціи — Лавинъ бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля — Онъ ученикъ Трагика Вольтера, а не природы —.

Tous les recueils de poésies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française —.

Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умирающемъ поэтѣ — вообще хорошъ какой то новой Гармоніей —.

Никто болѣе меня не любитъ прелестнаго André Chenier. — Но онъ изъ Классиковъ классикъ — отъ него такъ и несетъ древней Греческой поэзіей! Вспомни мое слово: первый Геній въ Отецествѣ Расина и Буало — ударится въ такую бѣшеную свободу, въ такой литературный Карбонаризмъ — что твои нѣмцы — а покажѣсть поэзіи во Франціи менѣе чемъ у насъ —

А. И. Тургеневу.

14-го іюля [1824 г. Одесса].

Вы ужь узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ не-терпѣніемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно-ли что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ; дѣло въ томъ что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ неприятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — Вандагъ, придворный хамъ и мѣлкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякой разъ какъ мнѣ случалось побить Молдавскаго Боярина. Правда — но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю Воронцовъ посадилъ-ли бы меня подъ арестъ, но ужь вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о Конституціи Кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строчъ моего Онѣгина, да глѣнь. Не знаю пустятъ-ли этаго бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай, попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня въ полнѣ, еслибы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ оную вознаградить. Простите милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено Кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ — цѣлую руку К. А. Карамзиной и Княгинѣ Голицы-

ной constitutionnelle ou Anti-constitutionnelle mais toujours admissible comme la liberté. *А. II.*

14 juillet

На оборотъ: А. Monsieur Monsieur Tourguenief a St.-Petersbourg.

87.

Князю П. А. Вяземскому.

15-го іюля [1824 г. Одесса].

За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? за отставку? т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Приѣдешь-ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь-ли ты съ здѣшними Властями это вопросъ на который отвѣчать мнѣ нехочется хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда—жду его съ нетерпѣніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ; что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо. Далъ ли ты ему разбойниковъ для Мнемозины?—Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы чтонибудь, да нельзя: все заклемено печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбить съ рукъ Плѣнника, но плутня Ольдекоппа мнѣ помѣшала. Онъ перепечатагъ плѣнника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи по законамъ—Прощай, моя радость. Благослови, Пресвященный Владыко Асмодей.

15 іюля.

На оборотъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

88.

И. С. Зеновичу.

8-го августа 1824 г.

Александръ Пушкинъ сердечно благодаритъ Игнатія Семеновича Зеновича за его заочное гостепрїимство. Онъ оставляетъ его домъ искренно жалѣя, что не имѣлъ счастья познакомиться съ почтеннымъ хозяиномъ.

8 августа 1824.

89.

А. Н. Раевскій — Пушкину.

21-го августа 1824 г. Александрія, около Бѣлой Церкви.

Vous avez eu grand tort, cher ami, de ne pas me donner votre adresse, de vous imaginer que je ne saurais vous retrouver au fin fond du gouvernement de Pskoff, vous m'auriez épargné du temps perdu en recherches et vous auriez reçu ma lettre plutôt. Vous craignez, dites-vous, de me compromettre par votre correspondance.

Cette crainte est puérile sous bien des rapports, et puis il est des circonstances où l'on passe par-dessus ces considérations. Du reste que peut-il y avoir de compromettant dans notre correspondance? Je ne vous ai jamais parlé politique; vous savez que je n'ai pas grand respect pour celle des poètes, et si j'ai un reproche à vous faire, c'est celui de ne pas assez respecter la religion. Notez bien cela, car ce n'est pas la première fois que je vous le dis.

C'est un besoin réel pour moi que de vous écrire: On ne passe pas impunément tant de temps ensemble; sans faire entrer en ligne de compte toutes les bonnes raisons que j'ai pour vous porter une amitié véritable, l'habitude seule suffiroit pour former un lien durable entre nous. Maintenant que nous sommes si loin l'un de l'autre, je ne mettrai plus aucune restriction dans l'expression

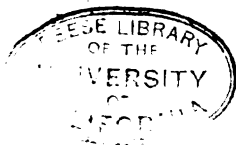
des sentimens que je vous porte; sachez donc qu'outre votre beau et grand talent, je vous ai voué depuis longtems une amitié fraternelle et qu'aucune circonstance ne m'en fera départir. Si après cette première lettre vous ne me répondez pas et vous ne me donnez pas votre adresse, je continuerai à vous écrire, à vous importuner jusqu'à ce que je vous force à me répondre, à passer par dessus de petites appréhensions que l'innocence seule de notre correspondance doit faire évanouir.

Je ne vous parlerai pas de votre malheur, je vous dirai seulement que je ne désespère nullement de votre situation présente: elle s'améliorera, je n'en doute pas. La seule chose que je craigne pour vous c'est l'ennui du moment; aussi n'ai-je pris la plume que pour chercher à vous amuser, à vous distraire, à vous parler du temps passé, de notre existence d'Odessa, qui n'était pas brillante, il est vrai, mais que le souvenir et le regret doivent nécessairement embellir à vos yeux.

МИНУВШЕЙ ЖИЗНІЮ ПОВ'Ю.

Riznitch a repris les rênes du gouvernement du théâtre: les actrices n'obéissent plus qu'à sa voix. Quel dommage que vous n'y soyez plus. Zavalievsky continue à faire le bonheur de ses amis et connaissances; maintenant il a une nouvelle prétention: c'est celle de littérateur: Il a fait le voyage de la côte méridionale de la Crimée à cheval, le „Mérite des femmes“ à la main, se récriant à chaque pas tantôt sur les beautés de la poésie, tantôt sur celles de la nature, le tout en mauvais français, à la portée de la belle compatriote seulement et de votre caricature, qui parfois même trouvait du mauvais goût dans son enthousiasme. Il a fini par tomber de cheval au milieu de ses rêveries poétiques.

Je remets à une autre lettre le plaisir de vous parler des faits et gestes de nos belles compatriotes; présentement je vous parlerai de Tatiana. Elle a pris une vive part à votre malheur; elle me charge de vous le dire, c'est de son aveu que je vous l'écris. Son âme douce et bonne n'a vu dans le moment que l'injustice dont vous étiez la victime; elle me l'a exprimé avec la sensibilité et la grâce du caractère de Tatiana. La charmante fille même se rappelle de vous, elle me parle souvent du fol m-r Pouchkin et de la canne à tête de chien que vous lui avez donnée. J'attends

tous les jours une petite image avec les deux premiers vers que vous avez faits pour elle.

Mon cher ami, de grâce ne vous laissez point aller au découragement, prenez garde qu'il n'affaiblisse vos belles facultés, prenez soin de vous-même, ayez patience: votre situation s'améliorera. On reconnaîtra l'injustice de la rigueur dont on use envers vous. C'est un devoir envers vous-même, envers les autres, envers votre pays même que de ne vous laisser abattre; N'oubliez pas que vous êtes l'ornement de notre littérature naissante et que les traverses momentanées dont vous êtes victime ne peuvent porter atteinte à votre gloire littéraire. Je sais que votre premier exil a fait du bien à votre caractère, que vous n'êtes plus aussi étourdi, inconsideré. Continuez de même et de plus respecter la religion, et je ne doute nullement que dans un court et peu de temps vous ne soyez tiré de votre maudit village. Adieu. Votre ami A. Raïevsky.

21 Août 1824. Alexandrie, près Biela-Tserkow.

Mon adresse est toujours à Kief.

90.

H. H. Раевскій-сынъ — Пушкину.

[Конецъ августа — начало сентября 1824 г. Бѣлая Церковь].

J'ai appris avec beaucoup de peine, mon cher Pouchkin, votre départ pour les terres de votre père. Ainsi donc je n'aurai plus la perspective de vous voir de sitôt. Quant à votre changement de destination, je n'en augure pas trop de mal; j'espère que c'est un pas vers la fin de votre exil. J'espère aussi que votre proximité de Pétersbourg vous mettra à même de voir souvent votre famille et vos amis—ce qui diminuera de beaucoup les ennuis de votre séjour à la campagne.

J'ai été longtemps sans vous écrire, car j'ai fait une grande maladie, dont je ne suis pas encore totalement rétabli. Continuez de m'écrire et faites le longuement et souvent. Ne craignez pas

de me compromettre: ma liaison avec vous date de bien avant votre malheureuse histoire; elle est indépendante des événements qui sont survenus et que les erreurs de notre première jeunesse ont amenés. J'ai un conseil à vous donner soyez prudent. Non pas que je craigne leur retour, mais je crains toujours quelque action imprudente qu'on pourrait interpréter dans ce sens et malheureusement les antécédens donnent prise sur vous. Si je ne vois pas de changement à votre situation, comme je tiens beaucoup à vous voir, je vous promet de venir chez vous avant un an. Si votre situation change, il faut que vous vous engagiez à venir me voir pour le même terme.

Adieu, mon cher ami. Conservez moi l'amitié que vous m'aviez témoigné. Qu'elle soit indépendante de l'éloignement où nous vivons et du tems qu'elle pourra durer. Adieu! Je suis fatigué de vous écrire: je n'ai pas la tête à moi. Mon adresse est la même: à Kieff, au nom de mon père. Envoyez-moi la votre. N. Raiëvsky.

91.

И. М. Рокотову.

[Августъ — сентябрь 1824 г. Михайловское].

Monsieur! Je me serais fait un devoir de vous envoyer ma caleche, mais pour le moment je n'ai pas de chevaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos ordres. Si monsieur votre frère me faisait l'honneur de passer chez moi, j'aurais été enchanté de le recevoir et de renouveler une connaissance aussi aimable. Quant à ce qui regard le prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500. Au reste je m'en rapporterai à la décision de monsieur votre frère.

Agréés les assurances du respect le plus profond et de la considération la plus parfaite, monsieur, de votre très humble et obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

P. S. Mon père vous présente ses respects. Il espère la prochaine fois avoir la double satisfaction de recevoir à Михайловское vous et monsieur votre frère.

92.

Баронъ А. А. Дельвигъ — Пушкину.

10-го Сентября 1824 г. [Петербургъ].

Милый Пушкинъ, письмо твое и „Прозерпину“ я получилъ и тоже въ день полученія благодарю тебя за нихъ. „Прозерпина“ не стихи, а музыка: это пѣнье райской птички, которое слушая, не увидишь, какъ пройдетъ тысяча лѣтъ. Эти двери давно мнѣ знакомы. Сквозь нихъ еще въ Лицеѣ меня часто выталкивали изъ Элизея. Какая искусная щеголиха у тебя Истина! Подобныхъ цвѣтовъ морозъ не тронетъ! Князь Вяземской пѣтъ можетъ, сколько угодно, а стиховъ мнѣ пришлетъ. Я повторилъ вызовъ, гдѣ подстрекаю его подарками твоими, Жуковского и Дашкова. Жуковской дамъ мнѣ переводъ „Водолаза“ Шиллера. „Цвѣты“ мои печатаются. Въ первыхъ числахъ Декабря увидишь ихъ. „Посланіе къ Богдановичу“ исполнено красотами; но ты угадалъ: оно въ несчастномъ родѣ дидактическомъ. Холодъ и суевѣріе французское пробиваются кой-гдѣ. Что дѣлать? Это пройдетъ! Баратынскою недавно познакомился съ романтиками, а правила французской Школы всосалъ съ материнскимъ молокомъ. Но ужъ онъ начинаетъ отставать отъ нихъ. На дняхъ пишетъ, что у него готово полторы пѣсни какой-то романтической поэмы. Съ первой почтой обѣщаетъ мнѣ прислать; а я тебѣ доставлю и ее, и прочія пьесы его, которыя теперь въ Цензурѣ. Пришлю тебѣ и моихъ „Купальницъ“. Объ нихъ Левъ вѣрно разказалъ тебѣ. Благодарю тебя за похвалу и замѣчанія. Чего добраго, ты заставишь меня написать поэму. Грѣхъ на твоей душѣ будетъ. „И насъ тогда плѣняли эполеты“ — я перемѣню; но скажи: одно ли блѣдное слово „плѣняли“ тебѣ не нравится, и не считаешь ли ты эполеты анахронизмомъ, которые при Екатеринѣ тоже носились? Впрочемъ я ихъ всячески не оставлю.

Теперь дѣло о деньгахъ. Ежели ты хочешь продать второе изданіе „Руслана“, „Плѣнника“ и, ежели можно, „Бахчисарайскаго Фонтана“, то пришли мнѣ довѣренность. Объ этомъ меня трое книгопродавцевъ просятъ; ты видишь, что я могу произвести между ними торгъ и продать выгодно твое рукодѣлье. Изданія же будутъ хороши. Ручаюсь.

Сергѣю Львовичу, Надеждѣ Осиповнѣ и Ольгѣ Сергѣевнѣ мое почтеніе. Льву скажи, что я съ нимъ не помирюсь на одно письмо. Только что все приведу въ порядокъ — буду у тебя. Да нѣтъ-ли, братъ, у тебя какой прозы, удобо-пропускаемой цензурою? Пришли, коли есть. Есть еще у меня не просьба, но только спросъ: не вздумаешь-ли ты дать мнѣ стиховъ двадцать изъ „Евгенія Онѣгина“? Это хорошо бы было для толпы, которая не пойметъ всей красоты твоей „Прозерпины“ или „Демона“, а ужъ про „Онѣгина“ давно горло деретъ. Подумайте, ваше Парнасское величество? Обнимаю тебя. Матюшкинъ тебѣ кланяется и слѣпецъ Козловъ, который только что и твердитъ о тебѣ, да о Байронѣ. Люби Дельвига.

93.

А. Н. Вульфъ.

20-го сентября 1824 г. [Михайловское].

Здравствуй, Вульфъ пріятель мой!
 Приѣзжай сюда вимой,
 Да Языкова поэта
 Затащи ко мнѣ съ собой
 Погулять верхомъ порой,
 Пострѣлять изъ пистолета.
 Лайонъ, мой курчавый братъ
 (Не Михайловскій прикащикъ),
 Привезетъ намъ, право, кладъ...
 Что? — бутылокъ полный ящикъ.
 Запируемъ ужъ, молчи!
 Чудо — жизнь анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,

А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни любви посвящены,
 Ночью царствуютъ стаканы,
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ за благо разсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей А. Н.

До свиданія, мой милый. А. П.

Приписка Анны Николаевны Вульфъ. Александръ Сергѣевичъ вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ. Онъ давно собирался писать къ тебѣ и къ Языкову, но я думала, что это только будетъ на словахъ. Пожалуйста отдай тутъ вложенное письмо [къ] Языкову и, ежели можешь, употреби все стараніе уговорить его, чтобы онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покажѣсть пожалуйста отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе. Сегодня я тебѣ писать много не могу. Пушкины оба у насъ, и теперь я пользуюсь временемъ, какъ они ушли въ баню. Я надѣюсь, что твое безпокойство на счетъ А. П. кончилось. Пожалуйста, моя душа, ежели можешь, пришли мнѣ книгъ; я боюсь тебѣ надоѣсть съ этой просьбой, но такъ и быть — полагаюсь на твою [родственную] братскую дружбу. Прощай, моя радость; съ нетерпѣніемъ будемъ мы ожидать твоего отвѣта. Не забывай тебѣ душою преданную Анну Вульфъ.

Сентября 20 1824 года.

Левъ тебя цалуеть.

На оборотѣ (рукою Анны Николаевны Вульфъ): Его благородію милостивому государю Алексѣю Николаевичу Вульфъ. Въ городѣ Дерптъ.

94.

Баронъ А. А. Дельвигъ — Пушкину.

28-го сентября [1824 г. Петербургъ].

Великій Пушкинъ, маленькое дитя! Иди, какъ шелъ, то-есть, дѣлай, что хочешь; но не сердись на мѣры людей и безъ тебя довольно напуганныхъ! Общее мнѣніе для тебя существуетъ и хорошо мститъ. Я не видалъ ни одного порядочнаго человѣка, который бы не бранилъ за тебя Воронцова, на котораго всѣ шишки упали. Ежели-бъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ, бьюсь объ закладъ, у тебя бы цѣлую недѣлю была толкотня отъ знакомыхъ и незнакомыхъ почитателей. Никто изъ писателей русскихъ не поворачивалъ такъ каменными сердцами напими, какъ ты. Чего тебѣ не достаетъ? Маленькаго снисхожденія къ слабымъ. Не дразни ихъ годъ или два, Бога ради! Употреби лучше время твоего изгнанія. Продавъ второе изданіе твоихъ сочиненій, приплю тебѣ и денегъ и, ежели хочешь, новыхъ книгъ. Объяви только волю—какихъ, и много-ли. Журналы всѣ будешь получать. Сестра, братъ, природа и чтеніе: съ ними не умрешь со скуки. Я развѣ буду навозить ее. Нѣтъ ничего скучнѣе теперешняго Петербурга. Вообрази, даже простыхъ шалуновъ нѣтъ! Квартальныхъ некому бить. Мертво и холодно,—или, иначе: свѣжо и прохладно! Съ пріѣзда Воейкова изъ Дерпта и съ появленія Булгарина Литература наша совсѣмъ погибла. Подлецъ на подлецѣ подлеца погоняетъ. Възять въ Грузино, перебиваютъ другъ у друга случай сдѣлать мерзость, алтынничаютъ. Офицеры занимаются новопривезенными изъ Варшавы темпами. Теперь мѣра воѣхъ артикуловъ вотъ какая: разъ, два, три. Карамзинъ теперь въ отчаяніи. Для него одно щастіе — наслаждаться лицедрвіемъ нашего великодушнаго и благословеннаго Монарха, а онъ путешествуетъ! Жуковский, я думаю, погибъ невозвратно для Поэзіи. Онъ учитъ великаго князя Александра Николаевича русской грамотѣ и, не шутя говорю, все время посвящаетъ на сочиненіе азбуки. Для каждой буквы рисуетъ фигурку, а для складовъ — картинки. Какъ обвинять его! Онъ исполненъ великой идеи: образовать, можетъ быть, Царя. Польза и слава народа Рускаго утѣшаетъ нескла-

занно сердце его. Но я заболтался; пора перестать. Благодарю за „Онѣгина“. Льва цѣлую, но не пишу ему. Первое — за нимъ письмо еще; а второе — некогда. Завтра вашъ человекъ рано уѣзжаетъ. Пиши ко мнѣ чаще — я твой вѣрный отвѣтчикъ. Спѣшу скорѣе отдѣлаться отъ „Цвѣтовъ“, чтобъ обнять тебя физически.

Дельвигъ.

28 Сент.

95.

П. А. Плетневу.

Черновое.

[Сентябрь — октябрь 1824 г. Михайловское].

Ты издалъ дядю моего,
Творца Опаснаго сосъда:
Достоинъ очень былъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ.
Но ради Феба, мой Плетневъ,
Когда ты будешь свой издатель,
.....

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Созови мой ареопагъ, то-есть, Жуковского, Гнѣдича и Дельвига. Отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго; между тѣмъ говорить, онъ пишетъ . . .

96.

Н. И. Кривцову.

[Сентябрь—октябрь 1824 г. Михайловское].

Милый мой Кривцовъ, Помнишь Пушкина? Не думай, что онъ въ первые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда-ли, что ты сталъ Аристократомъ? — Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года — Всѣ мы разбредлись — Всѣ мы перемѣнились — А дружба, дружба! —

97.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

[Начало октября 1824 г. Москва].

Вяземскій, видя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе о продажѣ новаго изданія Кавказскаго Плѣнника писалъ къ Жуковскому, чтобы узнать, съ дозволенія-ли Сергѣя Львовича и въ слѣдствіи-ли какой нибудь сдѣлки съ нимъ прислалъ сюда свое изданіе Ольдекопъ: Жуковский переговоривъ съ Дельвигомъ отвѣчалъ Вяз. что никакой сдѣлки нѣтъ и что продажа новаго изданія — беззаконная. Въ слѣдъ за нимъ Вяз. послалъ за книгопродавцомъ Шириновомъ, который отвѣчалъ ему что Ольдекопъ заплатилъ Сергѣю Львов. за право продавать свое изданіе. Спрашивается, которое изъ двухъ обстоятельство справедливо: если право не дано Ольдекопу, то пусть Александръ Пушкинъ пришлетъ формальную довѣренность на имя Василья Львовича, или на имя Вяземскаго, для остановленія продажи въ Москвѣ — или въ данной довѣренности кому-нибудь въ Петербургѣ упомянуть о 200 экземплярахъ купленныхъ отъ Ольдекопа московскимъ книгопродавцемъ Шириновымъ.

98.

Князю П. А. Вяземскому.

[10-го октября 1824 г. Михайловское].

Мой милый, наконецъ ты подалъ голосъ — дѣловую записку твою получилъ исправно — вотъ тебѣ отвѣтъ.

Ольдекопъ укралъ и совралъ! Отецъ мой никакой сдѣлки съ нимъ не имѣлъ. Довѣренность я бы тебѣ переслалъ; но погоди; гербовая бумага въ городѣ, должно взять какое то свидѣтельство въ городѣ — а я въ глухой деревнѣ. Если можно безъ нее обойтись, то начни дѣйствія, единственный, дѣятельный другъ! По письму дяди, вижу что Кн. В. Ѳ. къ тебѣ приѣхала; ты ничемъ не достоинъ своей жены (развѣ стихами, да и тѣхъ уже не пишешь). Немѣдленно буду къ ней писать; я все хотѣлъ навѣрное знать мѣсто ея пребыванія. *En attendant mettez moi à ses pieds et dites lui qu'elle est une âme charmante.* О моемъ житьѣ-бытьѣ ничего тебѣ не скажу. Скучно вотъ и все.

Каковъ Гр. Воронцовъ?

Полу-Герой, полу-невѣжда,
Къ тому-жъ еще полу-подлецъ!...
Но тутъ однакожъ есть надежда
Что полный будетъ наконецъ.

Къ стати о стихахъ: сегодня кончилъ я поэму Цыгане. Не знаю что объ ней сказать — Она покамѣстъ мнѣ опротивила, только что кончилъ и не успѣлъ обмытъ запрѣвшія <...>. Пошлю тебѣ маленькое поминаньеце за упокой души раба Божія Байрона — Я было и цѣлую панихиду затѣялъ, да скучно писать про себя — или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго — Братъ Лайонъ тебѣ кланяется — пришли мнѣ стиховъ, умираю скучно.

99.

Княгиня В. О. Вяземской.

Черновое.

[Первая половина октября 1824 г. Михайловское].

Belle et bonne princesse Véra, amie charmante et généreuse! Je ne vous remercierai pas pour votre lettre: les paroles seraient trop froides et trop faibles pour vous exprimer mon attendrissement et ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me console de bien de chagrins et seule a pu calmer la rage de l'ennui qui consume ma sotte existence. Vous devez la connaître, cette sotte existence. Ce que j'avais prévu s'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez réels. [Le gouvernement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être agent de persécution]. On m'a reproché mon exil; on se croit entraîné dans mon malheur, on prétend que je prêche l'athéisme à ma soeur, qui est une créature celeste, et à mon frère qui est très-drôle et très-jeune, qui admirait mes vers et que j'ennuie très-certainement. Dieu sait, si ce serait vrai. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emploi qui le met dans tous les cas dans une fausse position à mon égard. Cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce qui me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre; je crois qu'un beau ciel me ferait pleurer de rage, но слава à Dieu: небо у насъ сивое, а луна — точная рѣпа. A l'égard des mes voisins, je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excèdent pas; je jouis parmi eux de la réputation d'Onéguine, et voilà je suis prophète en mon pays. Pour toute ressource je vois souvent une bonne vieille voisine, j'écoute ses conversations patriarcales; ses filles, assez mauvaises sous tous les rapports, me jouent du Rossini que j'ai fait venir. Je suis dans la meilleur position possible pour achever mon roman

poétique, mais l'ennui est une froide muse, et le poème n'avance guère; voilà pourtant une strophe que je vous doit; montrez-la au prince Pierre; dites lui de ne pas juger du tout par cet échantillon.

Adieu, ma respectable princesse, je suis à vos pieds bien tristement. Ne montrez cette lettre qu'à ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intérêt de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel, un mot d'Odessa, de vos enfants. Avez-vous consulté le docteur de Mili? Que fait-il, и что Мими?

Le prince a

Адресъ: Покорно прошу доставить ея сіятельству княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской.

100.

Князь С. Г. Волконскій — Пушкину.

С.-Петербургъ, 18 Октября 1824 г.

Любезной Александръ Сергѣевичъ, при отъѣздѣ моемъ изъ Одессы, я не думалъ, что не буду болѣе имѣть удовольствіе, по возвращеніи моемъ съ Кавказа, съ вами видѣться, и что баловникъ Музъ, преслѣдуемый судьбой въ гражданскомъ своемъ бытіи будетъ предметомъ новыхъ гоненій.

Сосѣдство и воспоминанія о Великомъ Новгородѣ, о вѣчевомъ колоколѣ и объ осадѣ Пскова будутъ для васъ предметомъ пѣвическихъ занятій — а соотечественникамъ вашимъ трудъ вашъ — памятникомъ славы предковъ и современника.

Посылаю я вамъ письмо отъ Мельмота. Сожалѣю, что самъ не имѣю возможности доставить оное и вамъ подтвердить о тѣхъ сплетняхъ, кои Московскія вертушки вамъ настряпали. Неправильно вы сказали о Мельмотѣ, что онъ въ природѣ ничего не благославлялъ, прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣеть чувства дружбы — благородной и неизмѣнной обстоятельствами.

Имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ приятнымъ, увѣдом-

ляю васъ о помолвѣй моей съ Марією Николаевною Раевскою. Не буду вамъ говорить о моемъ щастіи, будущая моя жена была вамъ извѣстна.

Всѣ ваши знакомые, весьма сожалѣютъ, что лишены удовольствія васъ видѣть и что вѣроятно мѣсто пребыванія вашего не можетъ вамъ дать мѣстнаго развлеченія.

Я сего числа ѣду въ Кіевъ. Надѣюсь прежде половины Ноября предъ олтаремъ совершить свою свадьбу. Пробуду нѣсколько времени въ Кіевѣ, буду въ помѣстьяхъ новыхъ моихъ родственниковъ и тамъ, какъ и здѣсь, буду часто о васъ говорить, и общія воспоминанія о васъ будутъ въ вашу пользу. Поручаю себя вашей дружеской и благосклонной памяти.

Навсегда не измѣнно вамъ преданный Сергѣй Волконскій.

Р. S. Извѣщаю васъ что я помѣстилъ по порученію отца величаваго роноосца сына его въ Царскосельскій лицей.

101.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Братъ, ты мнѣ припшлешь нѣмецкую критику Кавказскаго Пгѣнника (спросить у Греча), да книгъ, ради бога книгъ! Если ГГ. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ Альманаковъ, то скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и Талію Булгарина. Кстати о таліи: на дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіей, и талія наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талію 15-ти лѣтней дѣвушки, или она — талію 25-ти лѣтняго мушны. Евпраксія дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще комисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень — мнѣ грустно безъ него; рискни — съ Михайломъ. Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB.

Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что Онѣгинъ? Перемени стихъ:

Звонокъ раздался.

Поставь:

Швейцара мимо онъ стрѣлой.

Въ Разговорѣ послѣ:

Искалъ вниманья красоты

нужно непременно:

Глаза прелестные читали
 Меня съ улыбкою любви,
 Уста волшебныя шептали
 Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь фонъ-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русской, изъ перерусскихъ русской. Здѣсь слышно, будто Губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгоняютъ меня Отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Ж. и съ Кар. Я не прошу отъ правительства полу-милостей; это было бы полу-мѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и не справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ ПБ., и вѣрно, нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цалую очень. Друзей моихъ также, тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! Conversations de Byron! Walter Scott! Это—пища души. Знаешь-ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Ахъ, боже мой! Чуть не забылъ. Вотъ тебѣ задача: исто-

рическое, сухое извѣстiе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторiи. Прощай, моя радость! Чтожъ чухонка Баратынскаго? Я жду.

На оборотѣ: Его Благородiю Милостивому Государю Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, въ домѣ Полторацкаго.

102.

Б. А. Адернасу.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Милостивый Государь
Борисъ Александровичъ.

Государь Императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненiя правительства сильно подѣйствовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствiя и своего собственнаго просить Его Императорское Величество да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства и пр.

103.

В. А. Жуновскому.

31-го октября [1824 г. Тригорское].

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положенiи. Прибѣжавъ сюда былъ я всѣми встрѣченъ какъ не лзя лучше¹⁾, но скоро все пережѣнилось: отецъ, испуганный моей ссылкой, без-

1) Вмѣсто: «Какъ не лзя лучше» въ черновикѣ было: «и обласканъ».

престанно твердилъ что и его ожидаетъ та же участь; Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпиономъ; вспылчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ что я преподаю ему ¹⁾ безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня касающуюся. Наконецъ желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу, прошу его позволенія объясниться откровенно . . . Отецъ осердился ²⁾. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата, и повелѣваетъ ему не знаться avec se monstre, se fils dénaturé. . . (Жуковский, думай о моемъ положеніи ³⁾ и суди). Голова моя закипѣла. Иду къ отцу нахожу его съ матерью, и высказываю все что имѣлъ на сердцѣ цѣлыхъ 3 мѣсяца. Кончаю тѣмъ что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользуясь отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ что я его билъ, хотѣлъ бить, замахнулся, могъ прибить — — Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ своимъ обвиненіемъ? рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести ⁴⁾. Спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ — Не говорю тебѣ о томъ что терпятъ за меня Братъ и Сестра — еще разъ спаси меня. А. П. 31 Окт.

Послѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться — дойдетъ до Правительства, посуди что будетъ. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi.

Р. S. Надобно тебѣ знать что я уже писалъ бумагу Губернатору въ которомъ прошу его о крѣпости, умалчивая о причи-

1) Въ черновикѣ: «и сестрѣ».

2) Въ черновикѣ: «заплакалъ, закричалъ».

3) Въ черновикѣ было: «изгнавіи».

4) Въ черновикѣ: «нѣчнаго моего безчестія».

нахъ — П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность — Признаюсь мнѣ немного на себя досадно, да душа моя — голова кругомъ идетъ.

104.

Л. С. Пушкину.

[Ноябрь 1824 г. Михайловское].

Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина — найди искусный и быстрый карандашъ¹⁾. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ же мѣстоположеніи. Та же сцѣна, слышишь-ли? Это мнѣ нужно непременно²⁾. Да пришли мнѣ калоши съ Михайломъ³⁾.

Подъ картинкою написано карандашемъ: «1 хорошъ — 2 долженъ быть опершися на гранитъ. 3 лодка. 4. Крѣпость Петропавловская.

105.

Л. С. Пушкину.

[Начало ноября 1824 г. Тригорское].

Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Anette очень смѣшна; сестра разкажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожальютъ; я ревную и браню тебя — скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ, ему извѣстныхъ. Я рѣшительно не хочу выносить

1) Эти строки написаны карандашемъ.

2) Писано чернилами.

3) Писано карандашемъ.

сору изъ Михайловской избы. И ты, душа, держи языкъ на привязи. Видѣлъ ты всѣхъ святыхъ? Шумить-ли Питеръ? Что твой приѣздъ и что Онѣгинъ?

NB. Пришли мнѣ: 1) Oeuvres de Lebrun, odes, éloges etc. — найдешь у Saint-Florent, 2) сѣрныя спички, 3) карты, то-есть, картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ: пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ), 4) жизнь Емельки Пугачева, 5) Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 6) горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные Паны, и что сволочь? Я тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что: гѣнь прислать.

Прощай! Отвыкни со временемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой, — а то будешь un fréluquet, что гораздо хуже, чемъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежде Января. Всѣмъ поклонъ; пиши же живѣе.

На оборотъ: Милостивому Государю и братцу.

106.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

6-го ноября [1824 г.] Москва.

Здѣсь въ Москвѣ остановить продажу Ольдекоповскаго Шлѣника нельзя, потому что здѣшніе книгопродавцы его сами купили и вѣдаться должно съ продавцемъ, а не покупщикомъ. Я писалъ о томъ Тургеневу; онъ началъ уже хлопотать съ Дельвигомъ. По моему лучшее средство, хотя на первый взглядъ и странное есть написать Министру Шишкову, объяснить тебѣ ему свое положеніе и просить его о защитѣ какъ Министра и старѣйшину лит-

тературы нашей и потому вдвойнѣ заступника твоего въ такомъ дѣлѣ. Я почти увѣренъ, что онъ покрайней мѣрѣ изъ любочестія уважить твою прозьбу и поможетъ тебѣ. А права искать правому трудно: къ тому-же у насъ, я думаю и въ законахъ ничего не придумано на такой случай и каждое начальство скажетъ: это не по моей части.—Вотъ что совѣтую сдѣлать; впрочемъ я радъ съ своей стороны хлопотать, если мое предложеніе тебѣ не улыбнется. Твое море прелестно! Я затвердилъ его наизуоть тотъ часъ, а это по мнѣ великая примѣта. Вообще стихи потеряли для меня это очарованіе, это очаровательство невыразимое. Прежде стихи дѣйствовали на меня почти физически, щекотали чувства *les sens*; теперь надобно имъ задѣть струны моего ума и сокровенныя струны души, чтобы отозваться во мнѣ. Ты играешь на мнѣ на старый ладъ. Спасибо, мой милый Виртуозъ! Пожалуйста, почаще брянчи, чтобы я не вовсе разохся. Твое любовное письмо Тани: Я къ вамъ пишу, чего-же болѣе? прелесть и мастерство. Не нахожу только истины въ слѣдующихъ стихахъ:

Но говорятъ Вы нелюдимъ
Въ глуши, въ деревнѣ все Вамъ скучно,
А мы ни чемъ здѣсь не блестимъ!

Нелюдиму-го и должно быть не скучно, что они въ глуши и ни чемъ не блестятъ. Тутъ противумысліе!—Сдѣлай милость, пришли скорѣе своихъ Цыганъ и дай мнѣ ихъ напечатать особенно! Давай мнѣ все печатать. Ты женѣ совралъ, когда говорилъ, что я съ тобою барничалъ; я ни копейки отъ себя не бросилъ въ Бахчисарайскій Фонтанъ, клянусь честію, а напротивъ, кажется, жена не додала тебѣ нѣсколькихъ рублей. Въ споръ съ Лже-Дмитріевымъ также не отъ тебя вступилъ, и во всемъ спорѣ о тебѣ и помина не было. Да къ тому-же, теперь бояться нечего; я ужь вѣрно со сволочью этою въ распряю не пойду; довольно и того, что разъ бралъ я на хлѣбы ихъ ничтожество и откормилъ ихъ. Они раздулись моими пощечинами! Теперь буду умнѣе. Вообще въ Москвѣ печатать лучше, вѣрнѣе, дешевле. Петербургская литература такъ огадилась, такъ испелъмовалась, что стыдно имѣть съ нею дѣло. Журналисты другъ на друга доносятъ, хлопочутъ только о грошахъ и то ищутъ ихъ въ грязи и въ заходахъ. И тебѣ не худо хлопотать о грошахъ,

или денежкахъ на чернѣй день; но это дѣло другое! Собери всѣ свои Елегіи и пришли мнѣ ихъ; можно ихъ отдѣльно напечатать. Потомъ три поэмы. Тамъ отрывки изъ Онегина; а ужь подѣ конецъ полное собраніе. Вотъ тебѣ и славная оброчная деревня! А меня наряди своимъ Бурмистромъ. Тебѣ времени теперь много: есть досугъ собрать, переписать. Да и я безъ дѣла и безъ охоты дѣлать. А твое занятіе будетъ для меня: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Сдѣлай милость для меня и для себя, займись моимъ предложеніемъ. Въ Москвѣ готовится новый журналъ: Полевой и Раичъ главные издатели. Они люди честные и благонамѣренные. Дай имъ что нибудь на зубокъ. Они подносятъ тебѣ билетъ на свой журналъ, который буду пересылать.— Жена писала тебѣ изъ Одессы на имя Псковскаго Губернатора. Скажи мое почтеніе Сергѣю Львовичу: не отвѣчалъ я ему на его письмо, потому что побоялся безпокоить въ горести по смерти Анны Львовны. Жена тебѣ очень кланяется и ожидаетъ твоего письма. Присылай стиховъ, всѣ стихи! Ради Бога, стиховъ!

Брату мой поклонъ.

На оборотѣ: Александру Сергѣевичу Пушкину.

107.

В. А. Жуковскому.

[Первая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Не знаю получилъ-ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю въ кратцѣ о дѣлѣ которое меня задираетъ за живо. 8-я лѣтняя Родоевъ Сафановъ, дочь Грека, падшаго въ Скулянскій битвѣ героя, воспитывается въ Кишеневѣ у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшаго вице-губернатора Бессарабіи. Нельзя-ли сиротку приютить? Она племянница Русскаго полковника, слѣдств. можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ! и оправдаемъ провидѣнье. О себѣ го-

ворить не намѣрень, я хладнокровно не могу всего этаго раздумать; можетъ быть тебя разсержу, вываливъ что у меня на сердцѣ.

Братъ привезетъ тебѣ мои стихи, жду твоихъ какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно.

Введи меня въ семейство Карамзина, скажи имъ что я для нихъ тотъ-же. Обними изъ нихъ кого можно; прочимъ — всю мою душу. —

108.

В. А. Жуковскій — Пушкину.

[Середина ноября 1824 г. Петербургъ].

Милой другъ, твое письмо привело бы въ великое меня замѣпательство естлибы твой братъ — не пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ и не прибавилъ къ нему своихъ словесныхъ объясненій. Получивъ его я точно не зналъ на что рѣшиться: вотъ первая мысль которая мнѣ представилась: ѣхать къ Паулуччи (который здѣсь и съ которымъ НВ. я очень мало знакомъ) предупредить его на счетъ твоего письма къ Адеркасу и объяснить ему твое положеніе. И я это бы сдѣлалъ (ибо ничего другаго не могъ придумать) естлибы не явился твой Левъ и не сказалъ мнѣ, что все будетъ само собою устроено. Безъ него, желая тебѣ сдѣлать пользу, я только бы тебѣ вѣроятно поврѣдилъ то есть обратилъ бы вниманіе на то, что лучше оставить въ неизвѣстности и не могу поручиться уважилъ ли бы Паулуччи мою просьбу. Тургенева который съ нимъ хорошо знакомъ, нѣтъ въ Петербургѣ; онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидаетъ его смерть матери. На письмо твое, въ которомъ описываешь то что случилось между тобою и отцемъ, не хочу отвѣчать ибо не знаю кого изъ васъ обвинять и кого оправдывать. И твое письмо и рассказы Льва увѣряютъ меня что ты столькоже не правъ сколько и отецъ твой. На все что съ тобою случилось и что ты самъ на себя навлекъ у меня одинъ отвѣтъ: Поезія. Ты имѣешь не дарованіе, а Геній. Ты богачъ, у тебя есть не-

отъемлемое средство быть выше незаслуженнаго несчастія, и обратитъ въ добро заслуженное; ты болѣе нежели кто нибудь можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ: будь же этаго достоинъ. Въ этой фразѣ вся твоя мораль, все твое возможное счастье и всѣ вознагражденія. Обстоятельства жизни, счастливыя или несчастныя — щелуха. Ты скажешь что я проповѣдую съ спокойнаго берега утопающему. Нѣтъ! я стою на пустомъ берегу, вижу въ волнахъ силача, и знаю что онъ не утонетъ если употребитъ свою силу, и только показываю ему лучший берегъ, къ которому онъ непремѣнно доплыветъ если захочетъ самъ. Плыви, силачъ. А я обнимаю тебя. Увѣдомъ непремѣнно что здѣлалось съ твоимъ письмомъ. Читалъ Онегина и разговоръ служащій ему предисловіемъ: несравненно! Поданному мнѣ полномочію предлагаю тебѣ первое мѣсто на рускомъ Парнассѣ. И какое мѣсто, еслии съ высокостію Генія соединишь и высоту цѣли! Милый братъ по Аполлону! это тебѣ возможно! А съ этимъ будешь недоступенъ и для всего что будетъ шумѣть во кругъ тебя въ жизни.

 109.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Скажи моему Генію-хранителю, моему Жуковскому, что, слава богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! Ничто проклятому Петербургу! *Voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet.* Жаль мнѣ Цвѣтовъ Дельвига; да на долго-ли это его задержать въ тивѣ Петербургской? Что погрѣба? Признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука — ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ, это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! Ёду завтра въ Святыя горы и велю отпѣть молебень, или панихиду, смотря по тому, что дешевле.

Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! Печатай, печатай Онѣгина, и съ Разговоромъ. Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ: А. Н. на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ П. А. твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сплетни! И ты хорошъ! Все-таки она приказала тебя, пустельгу, разцеловать. Евпраксея уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библию, библию! И французскую непременно! Образъ жизни моей все тотъ-же: стиховъ не пишу, продолжаю свои записки да читаю Клариссу: мочи нѣтъ, какая скучная дура! Жду твоихъ писемъ. Что Всеволожской, что моя рукопись, что письмо мое къ К. В. Ѳ.? Будеть-ли картинка у Онѣгина? Что дѣлають Полярные господа? Что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ тотъ послѣ своего потопа.

НВ. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то проклянѣю тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины Гр. Ивел. и распечаталъ, полагая, что оно—столько же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность, и все тутъ. Подалуй ее за меня, то-есть, сестру Ольгу, а Гр. Екат.—дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! Разпечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки, per fas et nefas продающіяся въ ПБ.,—купи, что можно будетъ, подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

На оборотѣ: «Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки». Близъ печати, у прорваннаго мѣста: «Я расковырлялъ»!

110.

Князю П. А. Вяземскому.

29-го ноября [1824 г. Михайловское].

Ольдекопъ, <....> его въ рифму; надоѣлъ! Плюнемъ на него и квитъ ¹⁾. Предложеніе твое косательно моихъ элегій не сбыточно и вотъ почему: Въ 1820 году переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ; напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ ²⁾ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать ³⁾ изъ Мекки въ Медину, мой Коранъ пошелъ по рукамъ ⁴⁾ — и донинѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ что такъ какъ розданные билеты, могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одного имени съ Адресомъ, ибо (солжемъ на всякой страхъ) имена всѣхъ Г.Г. подписавшихся находятся у Издателя. Если понесу убытокъ и потерю нѣсколько экземпляровъ, пѣнять не на кого, самъ виновать (это остается между нами). Братъ увезъ Онѣгина въ П. Б. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя, но въ нынѣшнія обстоятельства, всякой другой мой издатель, невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія ⁵⁾ — Дивлюсь, какъ письмо Тани очутилось у тебя ⁶⁾. NB. изтолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою кри-

1) За симъ въ черновомъ было прибавлено: «Милый, я имѣю много неприятностей, и письмо твое кстаті пришло и меня подвеселило».

2) Въ черновомъ: «продать».

3) Въ черновомъ: «спѣшить».

4) Въ черновомъ: «изъ рукъ въ руки».

5) Въ черновомъ было прибавлено, но потомъ зачеркнуто: «Напишу брату, чтобъ онъ прислалъ тебѣ».

6) Въ черновомъ прибавлено «(прислали тебѣ его для Раича, или... какъ ты захочешь)».

тику: Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; Тая полагаетъ причиной тому то что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его — — — если впрочемъ смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ; письмо женщины, къ тому-же 17 лѣтней, къ тому-же влюбленной! Что-же, душа моя, твоя проза ¹⁾ о Байронѣ? я жду, не дождусь ²⁾. Смерть моей тетки frétillon, не внушила-ли какого нибудь перевода В. Л-чу? нѣтъ-ли хоть эпитафіи? ³⁾

Пиши мнѣ: Ея Высокор. Парасковѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское, для доставленія А. С. и все тутъ, да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай ⁴⁾, добрый слышатель; Отвѣчай-же мнѣ на мое полу-слово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила-ли она письмо мое. Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

29 ноябр.

Знаешь-ли ты мою Телѣгу жизни?

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзить съ облучка.

Съ утра содимся мы въ телѣгу;
Мы рады голову сломать
И презирая страхъ и нѣгу
Кричимъ: валяй, <..... >!

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги
Поразтресло насъ; намъ страшнѣй

1) Въ черновомъ: «твое поминанье».

2) Въ черновомъ: «Вѣдь я жду, и княгинѣ Вяземской писалъ».

3) Въ черновомъ: «Написалъ ли дядя шестистопную эпитафію à ma tante frétillon? Вотъ случай! А потопъ-то! Жду водянаго псалма Фиты. Перешлю брату твой поклонъ».

4) Въ черновомъ было: «милый entendeur», но зачеркнуто.

И косогоры, и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катить по прежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И дремля, ѣдемъ до ночлега —
А время гонить лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ — — — — —

На оборотъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу
Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств.
домѣ.

111.

В. А. Жуковскому.

29-го ноября [1824 г. Михайловское].

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать? Я сосланъ за строчку глупова письма, что было бы если правительство узнало [бы] обвиненіе отца? Это пахнетъ палачемъ и каторгою. Отецъ говорилъ послѣ: Экой дуракъ, въ чемъ оправдывается! да онъ бы еще осмѣлился меня бить! да я бы связать его велѣлъ! — за-чемъ-же обвинять было сына въ злодѣйствѣ несбыточнымъ? да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами! — каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ.

Чтожь, милый? будетъ-ли чтонибудь для моей маленькой Гречанкѣ? она въ жалкомъ состояніи, а будущее для нее и того жалче. Дочь героя, Жуковскій! Они родня поэтамъ по поэзіи.

Но полу-Милордъ Воронцовъ, даже не полу-герой. Мнѣ жаль что онъ безсмертенъ твоими стихами а дѣлать нечего. Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго, уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость?

Ты увидишь Карамзинныхъ — тебя да ихъ люблю страстно. Скажи имъ отъ меня что хочешь.

29 Нояб.

На оборотъ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Василью Андреевичу Жуковскому. Въ С.-Петербургѣ. Въ Аничковскомъ дворцѣ.

Черновое.

Ты получилъ мое письмо. Долго не могъ я рѣшиться отослать его, но что мнѣ было дѣлать? Я сосланъ за одну строчку глупаго письма. Ежели [дойдетъ до] объа. Пра., что я подынялъ руку на отца [какое мнѣ спасеніе], посуди какъ тамъ обрадуются. Это пахнетъ палачемъ и [Сибирью] каторгой. Мать согласна была съ отцомъ. [Мать моя] Теперъ она говоритъ: да онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками — дѣло десятое. [Я сказалъ имъ, что] Да онъ убилъ его словами. Это calembourg и только. [Мать меня обняла, говоря, que devindrois-je, si tu... à la forteresse]. [Я показывалъ]. Я посылаю имъ письмо мое къ тебѣ. Отецъ говоритъ: «какой дуракъ въ чемъ оправдывается! Да онъ бы еще [бить меня] приблгъ. За чѣмъ же было обвинять [меня] въ злодѣйствѣ несбыточномъ. Чѣмъ далѣе живу, тѣмъ болѣе [вязну въ] стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, что разнеслась недавно обо мнѣ [и еще не застрѣл.]. [Увязъ я въ]. Глупо часъ отъ часу далѣе вязнуть въ жизненной грязи.

112.

Д. М. Княжевичу (?).

Черновое.

[Начало декабря 1824 г. Михайловское].

Буря, кажется, успокоилась. Осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Дм. Мак. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревни, — скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня, ни Итальянской оперы, ни васъ, друзья мои. Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уор. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко [совершенный Онѣгинъ]; цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей Няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, разъ ее видѣли; она — единственная моя подруга, и съ нею [одною] только мнѣ не скучно. Я началъ переписку только съ Ж. и В. Объ Одессѣ — ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ, — скажите мнѣ, что у васъ дѣлается; скажите, во-первыхъ, выздоровѣла ли кисленькая Гр. Гурьева я сердечно желаю всего, счастья, почт. и благ.

113.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

4-го декабря [1824 г. Михайловское].

Не стыдно-ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего Демона! моего Демона! Послѣ этого онъ и вѣруку напечатаетъ ошибочно.

Не давать ему за то ни Моря, ни капли стиховъ отъ меня! NB,
Г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? да нельзя-ли еще подъ разговоромъ поставить число
1823 годъ?

Стихъ:

Вся жизньъ одна-ли, двѣ-ли ночи

надобно бы выкинуть, да жаль — хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ
не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопродавца.

Mes arrière-neveux me devraient cet ombrage.

Съ журналистами дѣлай что угодно; дарю тебѣ мои мѣлочи
на пряники; продавай или дари что упомянешь, а переписывать
мочи нѣтъ. Мих. привезъ мнѣ все благополучно, а Библия нѣтъ.
Библия для христіанина — то же, что исторія для народа. Этой
фразой (на оборотъ) начиналось прежде предисловіе Ист. Кар.
При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ. Закрытіе Театра и запрещеніе
баловъ — мѣра благоразумная. Благопристойность того требо-
вала. Конечно, народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго
класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить
его обидной роскошью. Лавошники, видя освѣщеніе бель-этажа,
могли бы разбить зеркальныя окна и былъ бы убытокъ. Ты ви-
дишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія
мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ
милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но
вино? объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку,
хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе
не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ
вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Онѣ-

гинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни писменнаго. Ни чуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассессоромъ Панаевымъ. Пришли же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! Да если она мигѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 дек.

Милая Оля, благодарю за письмо. Ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. Л. est vrai, c'est tres joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pouvre tante et je suis fâché que Chalikof aie pissé sur son tombeau. Няня исполнила твою комисію, ѣздила въ Св. горы и отправила панихиду, или что было нужно. Она цалуетъ тебя, я также. Твоя троюгорскія приятельницы — несносныя дуры, кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Кланяйся В. В. Э. и Гнѣдичу, и Плетневу, и Ояѣгину, и Слѣнину. Присылай мнѣ Старину; это приятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? Ты читалъ ему Он.?

На оборотѣ: Ея Сіятельству Милостивой Государынѣ Катеринѣ Марковнѣ Графинѣ Ивеличевой. Въ С.-Петербургѣ, у Калинкина мосту, въ собственномъ домѣ. Пр. дост. братцу Льву Серг.

114.

А. Г. Родзянкѣ.

8-го декабря [1824 г. Михайловское].

Милый Родзянко, твой поклонъ меня обрадовалъ; не рѣшишься-ли ты, такъ какъ ты обо мнѣ вспомнилъ, написать мнѣ нѣсколько строчекъ? Онѣ бы утѣшили мое одиночество.

Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К. . . . , которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей Кузинѣ? Говорять, она премиленькая вещь—но славны Лубны за горами. На всякой случай зная твою влюбчивость и необыкновенные таланты во всѣхъ отношеніяхъ полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полу-сдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это все элегію или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговоримъ о поэзіи т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма Чупъ? Злодѣй! не мѣшай мнѣ въ моемъ ремеслѣ—пиши сатиры хоть на меня; не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку. Къ стати: Баратынскій написалъ поэму (не прогнѣвайся про Чухонку) и эта чухонка говорятъ чудо какъ мила.—А я про Цыганку; каковъ? подовай-же намъ скорѣй свою Чупку—ай да Парнасъ! ай да Героини! ай да честная кампанія! Воображаю, Аполлонъ смотря на нихъ закричить: за чемъ ведете мнѣ не ту? А какую же тебѣ надобно, проклятый Фебъ? Гречанку? Италіанку? чемъ ихъ хуже Чухонка или Цыганка. < > одна—< . . . >! ¹⁾ т. е. оживи лучшемъ вдохновенія и славы.

Если А. П. такъ же мила какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія: справься съ нею объ этомъ.

Поклонъ Пореврію, и всѣмъ моимъ старымъ друзьямъ.

1) Эти три слова тщательно вымараны кѣмъ-то.

Прости, украинской мудрецъ,
 Намѣстникъ Феба и Пріапа!
 Твоя соломенная шляпа
 Покойнѣй чемъ иной вѣнецъ;
 Твой Римъ — деревня; ты мой Папа,
 Благословижъ меня, пѣвецъ!

8 дек.

На оборотѣ: Поэту Родзянкѣ.

115.

Л. С. Пушкину.

Черновое.

[Первая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Что же? Будетъ ли вино,
 Лайонъ? Жду его давно
 Знаешь ли, какого рода?
 Милый мой, мнѣ все равно,
 У меня законъ одинъ:
 Жажды полная свобода
 И терпимость всякихъ винъ!
 Погребъ мой гостепреимный
 Радъ мадерѣ золотой
 И подъ пробкой смоляной
 St. Пере бутылкѣ длинной.
 Въ лѣта юныя мои,
 юности безумной,
 Поэтический Аи
 Правился мнѣ пѣной шумной,
 Силь подобіемъ любви.
 Но бургонское.....
 Мнѣ понравилось потомъ;

Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
 Безъ разбора.....
 Вина обхожу кругомъ....

116.

Барону А. А. Дельвигу.

Черновое.

[Средина декабря 1824 г. Михайловское].

Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ-же годъ и почти въ то-же время какъ и И. М. Очень жалѣю что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣденія самаго Автора. Но знаешь-ли что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? различіе нашихъ впечатлѣній. Посуди самъ ¹⁾.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу ²⁾ на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ называемую Митридатову гробницу (развалины какой то башни) тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ [его] безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи — и только. Изъ Теодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ. Луны не было, звѣзды блистали; передо мною, въ туманѣ, тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ» сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ караванъ остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: Разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ

1) Все, до сихъ поръ написанное, зачеркнуто поперечною чертой.

2) Изъ Тамани въ Керчь. (*Примѣчаніе Пушкина*).

татарскихъ издали казались ульями прилепленными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ими; съ права огромный Аю-Дагъ и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный

[На полуденномъ берегу] Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря — и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его, и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество. Вотъ все что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ по скаламъ Кикенекса, не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы и первый предметъ, поразившій меня была берѣза, сѣверная берѣза! сердце мое сжалось я началъ уже тосковать о миломъ полуднѣ — хотя все еще [я] находился [я] въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю, оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно міеологическія преданія шастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайнѣй мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы. Я думалъ стихами [о**]. Вотъ они.

Къ чему холодныя

и проч.

Въ Бахчисарай приѣхалъ я больной. Я преждѣ слыгалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ,

увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворець съ большой досадой на небреженіе въ которомъ онъ изгѣваетъ и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. NN. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины Гарема и на ханское кладбище.

но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было—

Лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ М. я [его не] объ немъ не вспомнилъ когда писалъ свою поэму— а то бы непременно имъ воспользовался.

Разтолкуй мнѣ теперь почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣють для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? или Воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все что подвластно ему? и проч.

Пожалуйста не показывай этого письма никому даже и друзьямъ моимъ (развѣ переписавъ уже) а начала въ самомъ дѣлѣ не нужно.

Черновое.

(Первая редакція).

Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ жадностью и чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Жалѣю очень, [не понимаю] какъ мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны [глубокія] обширныя свѣденія самого Автора. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній [Кажется [помнится] я писалъ тебѣ изъ К. о Кав-

казѣ и Тавридѣ. Если [сколько упомяну] письмо мое сохранилось, жагѣю] посуди самъ.

Изъ Туманя приѣхалъ я въ Керчь на кораблѣ и тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу [кажется] (развалины какой-то башни). Воображеніе мое спало; хотъ бы одно чувство, нѣтъ! тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапей подѣйствовали на мое воображеніе еще того менѣе. Слѣды улицъ, полузаросшія ровъ, да [старые] кирпичи. Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфа плылъ я моремъ ночь не спалъ; луны не было; блескъ звѣздъ . . . передо мною въ темнотѣ чернѣли полуденныя горы . . . «Вотъ Четырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Но не я различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Я проснулся, увидѣлъ картину ослѣпительную: разноцвѣтныя горы [озарены были] сіяли утреннимъ солнцемъ [нѣсколько рядовъ плоскихъ кровель] плоскія кровли татарскихъ хижинъ издали казались [казались издали рядами прилепленныхъ] ульями, прилепленными къ горамъ; тополи стройныя, какъ зеленыя колонны, возвышались [между ими] между ихъ рядами; съ права огромный Аю-дагъ . . . въ море и это синее, чистое небо и блескъ, и воздухъ полуденный

На полуденномъ берегу жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ [и ни на минуту ей не удивлялся] Забылъ о сѣверѣ вовсе и наслаждался ею какъ природный Неаполитанецъ [холодность моя посреди прелестей природы Я жилъ] Я любилъ, просыпаться ночью и слышать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; [Я его полюбилъ и хаживалъ] я къ нему привязался. Вотъ все, что осталось [въ моей памяти отъ полуденнаго берега Тавриды].

Я объѣхалъ оный, и Путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ не оставилъ ни малѣйшаго въ моей памяти. По горной лѣстницѣ мы взобрались пѣшкомъ,

держа за хвостъ нашихъ Татарскихъ лошадей. Это забавляло меня чрезвычайно. Переѣхавъ горы, — первый предметъ, который бросился въ глаза, была береза, сѣверное [береза] дерево! Сердце мое сжалось: я началъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя и былъ все еще въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ [берегу] [черныя скалы] морю оставили во мнѣ единственное сильное впечатлѣніе. Я видѣлъ развалины храма Діаны. Видно, міеологическія преданія шастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайнѣй мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы б... на памятникъ дружбы. Я думалъ стихами о Г— [Вотъ тебѣ эти стихи] Вотъ они.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной [Лихорадка начинала меня мучить] [Я слышалъ объ фонтанѣ Керимъ-Гереея влюбленнаго хана] Я слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. [Поэтическое воображеніе К*** назвало] К. поэтически описала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; [изъ него капала] изъ заржавой желѣзной трубочки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большою досадою на небреженіе, въ которомъ онъ излѣвваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. NN почти насильно повелъ меня на ветхія развалины Гарема и на х. кладбище. Не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника Потоцкой, 'о которомъ говоритъ М. [Я объ немъ не помню и не зналъ] я его не помнилъ, когда начиналъ свой Бахчис. фонт. а то бы непременно имъ воспользовался и пр.

Разтолкуй же мнѣ теперь: почему полуденный Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе снова посѣтить мѣста, оставленныя мною съ та-

кимъ равнодушіемъ? Воспоминаніе чародѣй, самая сильная [чувство] способность души, имъ очаровано все, что подвластно ему?

117.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Вульфъ здѣсь; я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя — приѣзжай хоть съ П. А., хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ — получи это письмо непремѣнно. Тутъ я, по глупости лѣтъ, прислалъ тебѣ святочную пѣсенку. Вѣтреньй юноша Р. можетъ письмо затерять — а ни чуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость *roug des chansons*.

Христомъ и Богомъ прошу скорѣе вытащить Онѣгина изъ-подъ Цензуры — слава <... ..> — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи — рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога денегъ!

У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное — некогда тебѣ разказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги; да пришли-же мнѣ всевозможные Календари, кромѣ Придворнаго и Академическаго. Кстати — начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ Цензура? Напиши мнѣ нѣчто:

о Карамзинѣ, — ой, — ыхъ,
Жуковскомъ,
Тургеневѣ А.
Сѣверинѣ,
Рылѣевѣ и Бестужевѣ —

и вообще о толкахъ публики. Насѣли-ли на Воронцова? Царь, говорятъ, бѣсится — за что бы, кажется? да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина, такъ и сыру; не забудь и (говоря по Делиевски) витую сталь, пронзающую засмоленную [пробку] главу бутылки, то-есть, штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ. За чѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева. Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ ко мнѣ заѣхать? Избави меня

Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала!

. Впрочемъ, всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай что задумаетъ. Addio!

Получилъ-ли ты письмо мое о Потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: *voilà une belle occasion pour nos dames de faire bidet?*

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да глѣнь.

118.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Братъ! Здравствуй— писалъ тебѣ на дняхъ; съ тебя довольно. Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу потопить Дельвига. Пришли мнѣ Цвѣтовъ да Эду, да поѣзжай къ Энгельгартову обѣду. Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пушкину и Маиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

1825.

119.

К. Ө. Рылѣвъ — Пушкину.

[Первая половина января 1825 г. Петербургъ].

Рылѣвъ обнимаетъ Пушкина и поздравляетъ съ Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнѣнiе о твоёмъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно Русскiя сердца. Я пишу къ тебѣ ты, потому что холодное вы не ложится подъ перо; надѣюсь, что имѣю на это право и по душѣ, и по мыслямъ. Пущинъ познакомить насъ короче. Прощай, будь здоровъ и не лѣнись: ты около Пскова: тамъ задушены послѣднiя вспышки Русской свободы; настоящiй край вдохновенiя — и неужели Пушкинъ оставить эту землю безъ Поэмы?

120.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

22 Генваря 1825. С. п. бургъ.

Какъ быть, милый Пушкинъ! Твое письмо пришло поздно. Первый листъ Онѣгина весь уже отпечатанъ, числомъ 2400 экзем. Слѣдственно поправокъ сдѣлать нельзя. Не оставить ли ихъ до втораго изданiя? Въ этомъ скоро будетъ настоять нужда. Ты вѣрно уже получилъ мое письмо съ деньгами 500 р. По этому суди, что работа у насъ не дремлетъ, когда дѣло идетъ о твоихъ стихахъ. Всѣ жаждаютъ. Онѣгинъ твой будетъ карманнымъ зеркаломъ Петербургской молодежи. Какая прелесть! Латынь мила до умору. Ножки восхитительны. Ночь на Невѣ съ ума нейдетъ у меня. Если ты въ этой Главѣ безъ всякаго почти дѣйствiя такъ летишь и скачешь; то я не умѣю вообразить, что выйдетъ послѣ. Но Разговоръ съ книгопродавцемъ верхъ ума, вкуса и вдохновенiя. Я ужъ не говорю о стихахъ: меня уби-

ваешь твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертациі столько порядка, не помѣститъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ! Увидимъ, раскусятъ ли это наши классики. Они до слезъ уморительны. Прочитай во 2-мъ № Сына Отечества брань на мое письмо о русскихъ поэтахъ. Бранятся за Баратынскаго, какъ будто онъ въ своей рамѣ не совершенство, какаго только можно желать. Бранятся за Жуковскаго, какъ будто не съ него начался у насъ чистый поэтический языкъ. Бранятся за Державина, какъ будто нельзя быть высочайшимъ поэтомъ, не попадая въ золотой вѣкъ. А Гомеръ-то? Но сдѣлай милость держи при критикѣ и мое письмо. Они меня криво толкуютъ. Они хотятъ увѣрить, что я помѣстилъ тебя въ число плаксивыхъ элегиковъ, когда я упомянулъ, что игривость твоя не мѣшаетъ тебѣ въ то же время быть исполненнымъ самою трогательною чувствительностію. Они думаютъ сдѣлать тебѣ честь, сказавши, что у тебя одинъ поэтический умъ, а нѣжныхъ и глубокихъ движеній сердца ты не разумѣешь. Они разочли, что великому поэту смѣшно быть чувствительнымъ. Имъ кажется что Шаликовъ чувствителенъ. Вотъ судьи наши! Радуйтесь, чернь рукоплещеть. Но полно о глупостяхъ.

Козлова завтра увижу и прочитаю твое письмо. Онъ твоимъ словомъ больше дорожитъ, нежели всѣми громкими похвалами. Его Байронъ (мнѣ давно казалось) по частямъ лучше, нежели въ цѣлости. Исторію никакъ не уломаешь въ лирическую піесу. Рылѣевъ это прежде него доказалъ своими Думами. Какія мерзости съ Дельвигомъ дѣлаютъ эти молодцы за Сѣверные Цвѣты. У нихъ на Парнасѣ толкучій рынокъ. Все для денегъ.

О себѣ прошу тебя. Если ты доброжелательствуешь мнѣ: говори прямѣе. Шутка конечно мила; но дѣло нужнѣе. Послѣ твоихъ побранокъ мнѣ легче исправляться. О стихахъ я ужъ не спрашиваю. Но что проза? Главное: есть ли слогъ? Безъ него, по моему мнѣнію, нѣтъ и прозы. Истина мыслей рано или поздно приходитъ; а слога не возьмешь ни изъ грамматики, ни въ книгахъ не начитаешь. Тебѣ со стороны легче видѣть все ясно. Толковъ ты не слышишь. Одно осталось тебѣ: диктаторствуй надъ литературными плебеянами, да и только!

Я жду отъ тебя отвѣта нетерпѣливо. Пиши обо всемъ, что ты думаешь начать или съ новыми, или съ прежними изданіями.

Если хочешь денегъ; то разпоряжайся скорѣе. Когда выйдеть Онѣгинъ, я надѣюсь скопить для будущихъ изданій значительную сумму, не отнимая у твоихъ прихотей необходимаго.

121.

К. Ѡ. Рылѣву.

25-го января [1825 г. Михайловское].

Благодаря тебя за ты и за письмо. Пуцинъ привезеть тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю чтобъ они тебѣ понравились. Жду Пол. Звѣз. съ нетерпѣньемъ знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бест. пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ — скажи ему что онъ не правъ: ужели хочеть онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? слѣдственно должно будетъ уничтожить и *Oglando fugioso* и Гудибраса и *Rucelle* и Веръ-Вера и Ренике-Фуксъ и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена и басни Крылова etc. etc. etc. etc. etc... Это не много строго. Картины свѣтской жизни также входятъ въ область поэзіи, но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ во мнѣніи о критической статьѣ Плетнева — но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. За чѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей? потому что зубки прорѣзались? — Что ни говори, Ж. имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому-же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ — Охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! за что казнить, за что вѣнчать? Что касается до Батюшкова уважимъ въ немъ нещастія и не созрѣвшія надежды — Прощай поэтъ.

25 Генв.

122.

Князю П. А. Вяземскому.

25-го января [1825 г. Михайловское].

Что ты замолкъ? получишь-ли ты отъ меня письмо гдѣ говорю я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ, etc. Въ Цвѣтахъ встрѣтилъ я тебя, и чуть не задохся со смѣху прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чист. Отвѣтъ разтянуть: рифмы слѣзы, розы завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы очень забавно, но вся мужнина рѣчь до за гробомъ ревность мучить разтянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ едвали-ли не плеоназмъ — Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей пѣсы — Да ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его пахабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ. — Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или телега? Что мой Кюхля, за котораго я страдаю но все люблю? говорятъ его обстоятельства не хороши — чемъ не хороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига — покамѣсть я одинъ одишешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ, и слушаю старья сказки да пѣспи. Стихи не лѣзутъ. Я кажется писалъ тебѣ что мои Цыгане ни куда негодятся: не вѣрь — я совралъ — ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрять за изданіемъ; не ожидалъ я чтобъ онъ протерся сквозь Цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе посланіе Цензору? тамъ между прочимъ:

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія
 Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ.
 Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
 Сей старецъ дорогъ намъ: Онъ блещетъ средь народа
 Священной памятью Двѣнадцатаго года,

Одинъ въ толпѣ Вельможъ онъ Рускихъ Музъ
любилъ

Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ Арзамасецъ говорить нынѣ о дѣдѣ Шиш. tempoга altri! Вотъ почему я нерѣшился по твоему совѣту къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я-же подличалъ благонамѣренно—имѣя въ виду пользу нашей словестности и усмиренье кичливаго Крассовскаго. Прощай, кланяйся Княгинѣ — и дѣтей поцалуй. Не правда-ли, что письмо мое напоминаетъ le faire [Василья Львовича]? Вотъ тебѣ и стишки въ его же духѣ:

Пріятелямъ.

Враги мои, покамѣсть, я ни слова,
И кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу, когда-нибудь, любовь;
Не избѣжить пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный:
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожить ¹⁾ Индѣекъ и Гусей.

25 генв.

Напечатай гдѣ-нибудь.

Какъ ты находишь статью что написалъ нашъ Плетневъ? экая ералашъ! Ты спишь, Бруть! да скажи мнѣ кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за Нѣмцовъ противъ Бесгужева (котораго я не читалъ). Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ *Ота*, Кутейкинъ въ эполетахъ,
Бормочитъ намъ растянутый псаломъ:
Поэтъ *Θ*. не становись Фертомъ!
Дьячекъ *Θ*. ты *Υ* въ поэтахъ!

1) Передѣлано изъ «стерезеть».

Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: Оита бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны.

123.

Князю П. А. Вяземскому.

28-го января [1825 г. Тригорское].

Пушинъ привезетъ тебѣ 600 рублей—Отдай ихъ Кн. В. Ф. и съ моей благодарностію. Савеловъ большой подлець. Посылаю при семъ къ нему дружеское письмо. Перешли его (въ конвертѣ) въ Одессу по оказіи, а то по почтѣ онъ скажетъ: не получилъ. Охотно извиняю и понимаю его.

Но умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!

А ргорос. Читалъ я Чацкаго—много ума и смѣшнаго въ стихахъ но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ—но Грибоѣдовъ очень уменъ. Пришлите-же мнѣ Вашъ Телеграфъ. Напечатанъ-ли тамъ Хвостовъ? что за прелесть его посланіе! достойно лучшихъ его временъ. А то онъ было сдѣлался посредственнымъ, какъ В. Л., Ив.-Пис.—и проч. Каковъ Филимоновъ въ своемъ Инвалидномъ объявленіи. Милый, теперь одни глупости могутъ еще развлечь и разсмѣшить меня—Слава-же Филимонову!

Пишу тебѣ въ гостяхъ съ разбитой рукой—упалъ на льду не съ лошади а съ лошадыю: большая разница для моего наѣздническаго честолюбія.

28 Янв.

124.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Нѣкогда мнѣ писать Княгинѣ — благодари ее за попеченіе, за укоризны даже за совѣты ибо все носить отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоцѣнной. — Ты конечно правъ; болѣе, чемъ когда нибудь, обязанъ я уважать себя — Унизиться передъ правительствомъ было бы глупость — довольно ему одного Грабе. —

Я писалъ тебѣ на дняхъ — и послалъ нѣкоторые стихи — Ты мнѣ пишешь: пришли всѣ стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ. — Завѣтныхъ покаместъ нѣтъ.

125.

А. А. Бестужеву.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то что онъ не сдержалъ своего слова — я не хотѣлъ чтобъ эта поэма извѣстна была прежде времени — теперь нѣчего дѣлать — принужденъ ее напечатать [прежде], пока не разтаскаютъ ея по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить.

Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдст. не осуждаю ни плана, ни завяски, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — харак-

теры, и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то <.....>, не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлѣ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? старая пружина — но штатской трусь въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les rgrors de bal, сплетни, разказъ Репетилова о клобѣ, Загорепкій всѣми отъявленный и вездѣ принятый — вотъ черты истинно комическаго генія. — Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйств. лицо? отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проведеній нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (имянно съ Грибоѣдовымъ) и напывавшійся его мыслями, островами и сатирическими замѣчаніями. Все что говоритъ онъ — очень умно. Но кому говорить онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это неппростительно. Первый признакъ умнаго человѣка — съ перваго взгляду знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобн. 1) Къ стати что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. За чѣмъ дѣлать его гадкимъ? довольно что онъ вѣтренъ и глушь съ такимъ простодушіемъ; довольно чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смиреніе чрезвычайно ново на театрѣ, хотъ кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся? — Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи — недо вѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молч. прелестна! — и какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія — но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ — его воля — О стихахъ я не говорю: половина — должны войти въ пословицу.

Покажи это Грибоѣдову — Можетъ быть я въ иномъ ошибся. Слушая его комедію я не критиковалъ а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда ужъ не могъ я спра-

1) Сіѳон Грессетовъ не умничаешь съ Жеронтомъ ни съ Хлоей.

виться. По крайнѣй мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ кажется Олегъ не нравится; напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ — есть черта трогательнаго простодушія, да и произшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣеть много поэтическаго. — Листъ кругомъ, на сей разъ полно.

Я не получилъ Лит. Лист. Булг. тотъ № гдѣ твоя критика на Бауринга. Вели прислать.

126.

Плетневъ — Пушкину.

7 Февр. 1825. С. П. б.

Мнѣ Дельвигъ часто повторяетъ пословицу русскую: если трое скажутъ тебѣ: ты пьянъ, то ложись спать. Послѣ твоего письма о моемъ несчастномъ письмѣ къ графинѣ пришлось мнѣ лечь спать. Его облаяли въ Сынѣ Отечества; Баратынскій имъ недоволенъ, ты тоже. Я тебѣ очень благодаренъ, милый Пушкинъ за всѣ твои замѣчанія. Теперь я буду вѣрить всему, что ты ни скажишь мнѣ. Этаго только и добивался я отъ тебя. Повторю свое:

Твой гордый гнѣвъ
Утѣшнѣ хвалы простонародной.

И въ самомъ дѣлѣ: что за радость писать, когда не узнаешь о себѣ правды отъ людей, которыхъ любишь, и мнѣніемъ которыхъ дорожишь? Но все это не отнимаетъ у меня права защищаться передъ тобою, хоть для одного удовольствія дольше писать къ тебѣ:

1) Я писалъ къ дамѣ, ей Богу, не изъ куростройства, но изъ простодушнаго доброжелательства хоть двухъ-трехъ изъ нихъ заставить прочесть что нибудь поруски; особенно хотѣ-

лось мнѣ завлечь ихъ любопытство: познакомиться съ нашими повтами, когда онѣ узнаютъ хоть по одной піесѣ изъ каждаго. Онѣ, сколько бы мы ихъ ни бранили, все таки участіемъ своимъ много пособляютъ переносить тяжелое бремя авторства, особенно гдѣ нѣтъ совсѣмъ времени дѣловымъ людямъ заниматься ни прозой, ни стихами. 2) О Ламартинѣ я потому долженъ былъ часто упоминать, что онъ (какъ ты замѣтилъ изъ начала письма) былъ, такъ сказать, *парі* нашего разговора. Ты ужь гляди на эту вещь въ той рамѣ (пусть она дрянная), въ которой я ее поставилъ. 3) Мнѣніе о русской Антологіи, которую я воображаю не болѣе, какъ въ два-три печатныхъ листка, не только мое, но и Крылова-Лафонтеновича. 4) Раздѣленія нашихъ поэтовъ въ моемъ письмѣ настоящаго нѣтъ, а употребленное мною есть маленькая хитрость, что бы только сообщить ей, кто отписалъ, и кто пишетъ. Какъ ты прикажешь сдѣлать, когда и этаго не знаютъ. 5) Драматическихъ писателей я пропустилъ по тому, что вообще полагаю наши трагедіи и комедіи (выключая Недоросль), если несовсѣмъ ничтожными, по крайней мѣрѣ дурными въ отношеніи къ другимъ родамъ. Шаховской, мнѣ кажется, тоже современемъ получить за свои комедіи, что Херасковъ получилъ уже отъ нашего вѣка за свои поэмы. Катенина талантъ я уважаю, но жесткихъ стиховъ его не люблю. Хмѣльницкій опрятенъ, но въ немъ истинной поэзіи не больше, какъ и въ нашихъ актрисахъ. 6) У Дмитриева есть пять-шесть страницъ, которыхъ кажется, не огладить время. Въ *bévue* грѣшенъ — не зналъ. 7) О Туманскомъ и А. Крыловѣ согласенъ съ тобою. Впрочемъ я многихъ изъ молодыхъ назвалъ за то, что у нихъ есть какое-то ухо, а я терпѣть не могу, у кого одни только уши, какъ на пр. у Воейкова и ему подобныхъ. 8) Объ языкѣ чувствъ неясно выразился. Мнѣ хотѣлось сказать, что до Баратынскаго Батюшковъ и Жуковский, особенно ты, показали едва ли не всѣ лучшія элегическія формы, такъ что каждый новый поэтъ долженъ бы непременно въ этомъ родѣ сдѣлаться чьимъ нибудь подражателемъ, а Баратынскій выплылъ изъ этой опасной рѣки — и вотъ, что особенно меня удивляетъ въ немъ. 9) О золотомъ вѣкѣ можно только гадать: но какъ уже не подзрѣвать его, когда наши стихи стали писать правильнѣе, свободнѣе и яснѣе прозы? 10) Разнообразна ли наша Словесность? Въ поэзіи у насъ довольно разнообразія, судя по числу истин-

ныхъ поэтовъ. 11) Направленія нѣтъ — я похвасталъ. 12) Что такое Державинъ? На это очень желаю получить отъ тебя хоть нѣсколько строчекъ, тѣмъ болѣе, что я пока въ душѣ почитаю вѣковѣчными только его, Крылова и А. Пушкина, если онъ на меня за это не сердится и не скажетъ мнѣ дурака. 13) Твоего различенія Батюшкова отъ Вяземскаго не знаю: скажи, ради Бога! А Батюшковъ для меня прелесть. Заключу: я это писалъ письмо къ такой женщинѣ, которая отъ доброй души говорила, будто ей нечѣмъ замѣнить Ламартина по руски. Тебѣ смѣшно, а мнѣ было до слезъ больно. Такимъ образомъ я съ досады все видѣлъ у насъ въ лучшемъ видѣ, нежели оно въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, кажется мнѣ, для успѣховъ литературы полезнѣе по-моему пристрастно хвалить, нежели такъ невѣжественно отзываться о Крыловѣ (за то, что у него теперь нѣтъ русскихъ куриць и русскихъ медвѣдей), о Жуковскомъ (за то, что нельзя нарисовать прелести и очарованія первой любви), о тебѣ (что будто Олегъ-Вѣщій холоденъ, безъ чувства и воображенія), какъ имѣютъ честь, или безчестіе, отзываться издатели Сына Отечества № 3. Но довольно. Прошу только тебя не забыть увѣдомить меня о томъ, что я выше самъ означилъ. Остальное прими не за оправданіе, но за исповѣдь.

Ты изъ прежняго письма моего знаешь, что поправокъ сдѣлать въ Онѣгинѣ и разговорѣ нельзя (если не захочешь ты бросить по напрасну 2400 листовъ веленовой бумаги и оттянуть выходъ книги еще на мѣсяць по проклятой медленности нашихъ типографій). Теперь еще требуешь поправки, когда уже все отпечатано. Сдѣлай милость оставь до втораго изданія.

Предвижу ваше возраженіе:
Но тутъ не вижу я стыда....

И въ самомъ дѣлѣ: твоя щекотливость почти не у мѣста. Что знаешь ты, да кто другой, того мы не поймемъ. Всякой подумаетъ, будто нельзя и поэмъ писать

Какъ только о себѣ самомъ.

Дельвигъ къ тебѣ не скоро будетъ. Къ нему пріѣхалъ отецъ.

Забылъ-было: Письма изъ Италіи точно Перовскаго. О Черепѣ я то же думаю: но желалъ бы видѣть въ немъ нѣсколько стиховъ обдѣланныхъ и общую мысль яснѣе изложенною.

Прошу тебя не замедли отвѣтомъ. Онѣгина надобно выпустить. Если ты долго не отвѣтишь мнѣ, я, напередъ говорю, согрѣшу: выпущу его въ свѣтъ безъ твоего благословенія и, разумѣется, безъ поправокъ.

127.

Н. О. Рылѣевъ — Пушкину.

12-го [Февраля 1825 г. Петербургъ].

Благодарю тебя, милый Поэтъ, за отрывокъ изъ Цыганъ и за письмо: первый прелестенъ, второе мило. Раздѣляю твое мнѣнiе, что картины свѣтской жизни входятъ въ область Поэзіи. Да еслибъ и не входили, ты съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ втокнулъ бы ихъ насильно туда. Когда Бестужевъ писалъ къ тебѣ послѣднее письмо, я еще не читалъ вполнѣ первой пѣсни Онѣгина. Теперь я слышалъ всю: она прекрасна; ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ. Но Онѣгинъ, сузу по первой пѣсни, ниже и Бахчисарайскаго фонтана, и Кавказскаго Плѣнника. Несовсѣмъ правъ ты и во мнѣнiи о Жуковскомъ. Неоспоримо, что Жук. принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворной слогъ нашъ — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ непродолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ. Это болѣе можетъ упрочить славу его. Съ твоими мыслями о Батюшковѣ я совершенно согласенъ: онъ точно заслуживаетъ уваженія и по таланту и по несчастію. Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ етомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмельницкаго. Послѣдняго хочу сдѣлать въ 6 пѣсняхъ: иначе не все выскажешь. Сей часъ

получено Бестужевымъ послѣднее письмо твое. Хорошо дѣлаешь, что хочешь поспѣшить изданіемъ Цыганъ; всѣ шумятъ объ ней и всѣ ее ждутъ съ нетерпѣніемъ. Прощай, Чародѣй. Рылѣевъ.

12 Генваря.

Приписка Бестужева. Письмо твое сердечно получилъ, но отвѣчать теперь нѣтъ время. Буду писать съ требуемымъ номеромъ журнала, и тогда потолкуемъ о комедіи. Замѣчанія твои во многомъ правы. До свиданья на письмѣ. Прощай, мой поэтъ, будь самимъ собою и помни друзей, которые желаютъ тебѣ счастья и славы. Твой Александръ.

На оборотѣ: Его Благородію Милостивому Государю Александру Сергѣевичу Пушкину.

128.

Л. С. Пушкину.

[Первая половина февраля 1825 г. Михайловское].

Я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1 потому, что это было бы напрасно Цыгановъ, нечего дѣлать, перепису, и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опасенья на счетъ приѣзда ко мнѣ вовсе несправедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдств., вовсе не въ духѣ нашего времени, ни . . .

Жду шуму отъ Онѣгина; покаместъ мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Byron, добро! но, милый мой, если только возможно, отъищи, купи, выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдашь-бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! охъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поу-

чительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ Войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости Боже мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ — во первыхъ лжетъ какъ ребенокъ¹⁾ 2) судить о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какойнибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bértrand и Monthaulon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній имянно и не находится. Читалъ ты записки Нар. Если нѣтъ, такъ прочти. Это между прочимъ прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу дѣв. влюб. поз. — кромѣ Авторами. А куда онъ Коншинъ! его элегія въ Цвѣтахъ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнасѣ. Я министр иностранныхъ дѣлъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начать — Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ не осторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но Эда все исправить. Что Баратынскій?.. и мораль, долга-ль?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленья? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ подумаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ — пишу записки — но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Приѣхалъ гр. В.? узнай и отпиши мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ — а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свѣтѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

1) Т. е. замѣтно. *Примѣчаніе Пушкина.*

129.

И. И. Пущинъ — Пушкину.

Москва 1825 Февраля 18-го.

Опять я въ Москвѣ, Любовнѣйшій Пушкинъ — дѣйствую снова въ Судѣ. — Деньги твои возвращаю: Вяземская ихъ не беретъ, я у себя оставить не могу; она говоритъ, что получить ихъ отъ Одесскаго друга, я говорю, что они мнѣ не слѣдуютъ. Прими ихъ обратно, — я никакъ благоразумнѣе неумѣю поступить съ ними. —

Живи счастливо, Любовнѣйшій Поэтъ! Пипи мнѣ посланіе и увѣдоми о полученіи суммы. —

Кюхельбекера здѣсь нѣтъ. Онъ въ деревнѣ у Матери и вѣроятно будетъ у тебя. —

Много знакомыхъ твоихъ и любопытныхъ о тебѣ спрашиваютъ. Я по возможности удовлетворяю ихъ любопытству. Между прочимъ И. И. Дмитріевъ меня забросалъ вопросами за обѣдомъ у Вяземскаго. —

Прощай, будь здоровъ. Кланяйся Нянь. —

Твой Иванъ Пущинъ.

На дняхъ тебѣ пришлю Рылѣва произведенія, которыя должны появиться: Войнар. и Думы.

Мой Ад.: у Спаса на пескахъ близъ Арбата въ домѣ Графини Толстой.

130.

Князю П. А. Вяземскому.

19-го февраля [1825 г. Михайловское].

Скажи отъ меня Муханову что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и разпустилъ его по свѣту. Варваръ! вѣдь это кровь моя,

вѣдь это деньги! теперь я долженъ и Цыгановъ распечатать а вовсе не вовремя.

Онѣгинъ напечатанъ, думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ разг. Поэта и Книг. мадригалъ Кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человекъ достойный уваженія и надѣюсь что искренняя и полная похвала съ моей стороны nebudeтъ ему неприятна. Онъ имянно поэтъ прекраснаго пола. *Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.*

Чтоже Телеграфъ обѣтованный? Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ телѣгу праказникъ? Прочіе журналы всѣ получаю — и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь *Edimboorg review*. Да вотъ тѣ Христось: литература мнѣ надоѣла — Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

19 февр.

Кланяюсь Княгинѣ и цалую руки хоть это изъ моды вышло.

На оборотѣ: Его сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ.

131.

Н. И. Гнѣдичу

23-го февраля [1825 г. Михайловское].

Кажется, Вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и щастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова. Вижу, что дружба Ваша не измѣнилась и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ. Пѣсни Греческія прелесть и *tour de force*. Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсен-

ной поэзіи. обоихъ народовъ явно — по причины? — — — Братъ говоритъ мнѣ о скоромъ совершеніи Вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, Европейскій подвижъ въ нашемъ Отеествѣ (чортъ возьми это Отечество). Но отдохнувъ послѣ Илліады что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ Генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахилъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ Эпической Поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? а Мстиславъ? а Донской? а Ермакъ? а Пожарской? Исторія народа принадлежитъ Поэту.

Когда вашъ корабль нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданьи толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мѣлочной лавкѣ № 1-й. Много у меня начато ничего некончено. Сиж у моря, жду переменъ погоды. Ничего не пишу а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23-го февр. День объявленія Греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

На оборотѣ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

132.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ февраля — начало марта 1825 г. Михайловское].

Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоёмъ отношеніи. — Читалъ объявленіе объ Онѣгинѣ въ Пчелѣ: жду шума. Если изданіе разкупится — то приступи тотчасъ къ изданію другому или условься съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ. Отпиши о впечатлѣніи, имъ произведенномъ. — У меня произошла переменна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное повѣденіе и слова, которыхъ не

долженъ я былъ вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нее худѣть. Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ щеты. Она показала мнѣ, что за 2 года (1823 и 4) ей ничего не плотили (?), и считаетъ по 200 руб. на годъ, итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 р. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ П. Б. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько имянно положено ей благодѣтели и заплачено-ли что-нибудь въ эти 2 года. Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и Старосты, велѣлъ перемѣрить хлѣбъ и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ, она мерзавка и воровка. Покамѣсть я принялъ бразды правленія. Ты спрашиваешь за чѣмъ пишу я Булгарину? Потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ. Покамѣсть я почтенному Ѡаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ Онѣгина, которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ . . . а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ «Моремъ и землею» должно было поставить: Идиллія Мосха. Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бѣ. То же и объ Ив. Ив. Парни — но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай — позволяю. Плетнева цалую и буду писать.

Да пришлите-же мнѣ Старину и Талію, Господи помилуй? не допросишься. Здѣсь письмо къ изд. или < > Н. А. Прочитай его да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье — добро! Начало Кота Измайлова очень мило.

Р. С. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотри Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ — подпишись на нѣсколько экз.

133.

А. Н. Вульфю.

[Мартъ 1825 г. Тригорское].

Любезный Алексѣй Николаевичъ — Благодарю Васъ за воспоминанья. Обнимаю васъ братски, также и Языкова — Посланіе его, и чувствительная Элегія — прелесть — въ посланіи послѣ тобой хранимаго пѣвца, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его. А. П.

На оборотѣ рукой П. А. Осиповой: очень хорошо бы было когдабъ вы исполнили ваше предположеніе приѣхать сюда. Алексѣй намъ нужно бы было потолковать и о твоёмъ путешествіи хотя я не имѣю чести знать Языкова но отъ моего имени пригласи его чтобъ онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ.

134.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

3 Марта, 1825. С.П.б.

Нынѣшнее письмо будетъ рапортомъ, душа моя, объ Онѣгинѣ. Я еще, кажется, не извѣщалъ тебя подробно о немъ.

Напечатано 2400 экз. Условіе заключилъ я со Слѣниннымъ, что бы онъ самъ продавалъ и отъ себя отдавалъ, кому хочеть, на комиссію, а я, кромѣ него, ни съ кѣмъ счетовъ имѣть не буду. За это онъ беретъ по 10 процентовъ, т. е. намъ платить за книжку 4 р. 50 к., продавая самъ по 5 руб. За всѣ экземпляры, которыхъ у него не будетъ въ лавкѣ, онъ платитъ деньги сполна къ каждому 1 числу мѣсяца для отсылки къ тебѣ, или, какъ ты мнѣ скажешь.

1-го марта, т. е. черезъ двѣ недѣли по поступленіи Онѣгина въ печать, я уже не нашель у него въ лавкѣ 700 экз., слѣдо-

вательно онъ продалъ, за вычетомъ процентовъ своихъ, на 3150 рублей.

Изъ этой суммы я отдалъ:

1) За бумагу (бѣлую и обертошную)	397 руб.
2) За наборъ и печатаніе	220 —
3) За переплетъ	123 —
4) За пересылку экземпляровъ тебѣ, Дельвигу, отцу и дядѣ (твоимъ).	5 —

Итого . . . 745 руб.

Изъ оставшейся 2405 р. суммы Слѣнинъ вычелъ 500 руб., которые я взялъ у него для отсылки къ тебѣ еще прежде, нежели Онѣгинъ отпечатался.

Я-было думалъ нынче прислать къ тебѣ послѣдніе 1905 руб., но братъ Левъ потребовалъ отъ Слѣнина, по твоему предписанію, 2000 рублей на выкупъ отъ Всеволодскаго рукописи твоихъ мѣлкихъ стихотвореній. По этому случаю ты нынѣшній мѣсяцъ остаешься безъ денегъ, даже въ долгу 95 рублей.

И такъ запиши, что изъ доходовъ Онѣгина ты уже израсходовалъ ровно 3245 рублей.

Думаю, что вѣщунъ Д. возвратился изъ Витебска въ Михайловское. Поцѣлуй его за меня, и скажи, что я не писалъ ему туда въ другой разъ, не надѣясь, что бѣ мое письмо его тамъ застало. Отъ него ты узнаешь, что съ Ольдекопомъ дѣлать нечего. Но все-таки твои новыя изданія у меня не выходятъ изъ головы. Они тебѣ дадутъ много. Подумай объ этомъ съ Д. Только надобно все лучше устроить и побольше прибавить новаго. Тогда на рукахъ ничего не останется. Впрочемъ дѣлай, какъ считаешь лучше. Скажи Д., что мнѣ безъ него грустно. Я надѣюсь скоро принять его въ объятія — и съ новымъ вдохновеніемъ.

Жуковскій работаетъ все около астрономіи. Чернецъ Козлова скоро выйдетъ. Полярная Зв. печатается, также Рылѣва Думы и Войнаровскій.

Не знаю, отъ чего журналисты тебѣ не присылаютъ своихъ непотребностей. Вѣрно ждутъ отъ тебя посланія. Каченовскій все хлопочетъ о Кавказск. Пл., а его бѣднаго ужъ нѣтъ и въ лавкахъ.

Вяземскій болѣвъ — и не на шутку. Говорять, что трудно поднять его. А Булгаринъ такъ, слава Богу, жирнѣе день ото дня.

О Провидѣніе! Роптать я не дерзаю,
но . . .

135.

А. А. Бестужевъ — Пушкину.

9-го Марта 1825 г. [Петербургъ].

Долго не отвѣчалъ я тебѣ, любезный Пушкинъ, не вини: былъ занятъ механикою изданія Полярной. Она кончается (т. е. оживаетъ), и я дышу свободнѣе и приступаю вновь къ литературнымъ спорамъ. Поговоримъ объ Онѣгинѣ.

Ты очень искусно отбиваешь возраженія на щетъ предмета — но я не убѣжденъ въ томъ, будто велика заслуга оплодотворить тощее поле предмета, хотя и соглашаюсь что тутъ надобно много искусства и труда. Чудно привить яблоки къ соснѣ — но это бываетъ, это дивить, а все таки яблоки пахнутъ смолою. Трудно попасть горошинкой въ ушко иглы, но ты знаешь награду, которую назначилъ за это Флиппъ! между тѣмъ какъ убить въ высотѣ орла, надобно и много искусства и хорошее ружье. Ружье — талантъ, птица — предметъ — для чего-жь тебѣ изъ пушки стрѣлять въ бабочку? — Ты говоришь, что многіе геніи занимались этимъ — я и не спорю; но если они ставили это искусство выше изящной, высокой поэзіи — то вѣрно шутя. Слова Буало, будто хорошій куплетецъ лучше иной поэмы, нигдѣ уже нынѣ не находятъ вѣрующихъ, ибо Рубанъ, безталанный Рубанъ написалъ нѣсколько хорошихъ стиховъ, но читаемую поэму напишетъ не всякой. Проговориться не значитъ говорить, блеснуть можно и не горя. Чѣмъ выше предметъ, тѣмъ болѣе надобно силы, чтобы обнять его, его постичь, его одушевить. Иначе ты покажешься мошкой на пирамидѣ, муравьемъ, который силится поднять яйцо орла. Однимъ словомъ, какъ бы ни былъ великъ и богатъ предметъ стихотворенія, — онъ станетъ такимъ только въ рукахъ Генія. Сладокъ сокъ кокоса; но для того, чтобъ извлечь его, потребна не ребяческая сила. Въ доказательство тому приведу и при-

мѣръ: что можетъ быть поэтичественнѣе Петра? и кто написалъ его сносно? Нѣтъ, Пушкинъ, нѣтъ, никогда не соглашусь, что поэма, заключается въ предметѣ, а не въ исполненіи!—Что свѣтъ можно описывать въ поэтическихъ формахъ—это несомнѣнно, но далъ ли ты Онѣгину поэтическія формы, кромѣ стиховъ? поставилъ ли ты его въ контрастъ со свѣтомъ, чтобы въ рѣзкомъ злословіи показать его рѣзкія черты? Я вижу франта, который душой и тѣломъ преданъ модѣ; вижу человѣка, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву, ибо самая холодность и мизантропія, и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ. Конечно многія картины прелестны, но онѣ не полны. Ты схватилъ петербургской свѣтъ, но не проникъ въ него. Прочти Бейрона; онъ, не знаяши нашего Петербурга, описалъ его схоже — тамъ гдѣ касалось до глубокаго познанія людей. У него даже притворное пустословіе скрываетъ въ себѣ замѣчанія философскія, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человѣка, который бы лучше его, портретнѣе его очеркивалъ характеры, схватывалъ въ нихъ новые проблески страстей и страстишекъ. И какъ зла, и какъ свѣжа его Сатира! Не думай однакожь, что мнѣ не нравится твой Онѣгинъ, напротивъ. Вся ея мечтательная часть прелестна, но въ этой части я не вижу уже Онѣгина, а только тебя. Не отсовѣтываю даже писать въ этомъ родѣ, ибо онъ долженъ нравиться массѣ публики, но желалъ бы только, чтобъ ты разуверился въ превосходствѣ его надъ другими. Впрочемъ мое мнѣніе не аксіома, но я невольно отдаю преимущество тому, что колеблетъ душу, что ее возвышаетъ, что трогаетъ русское сердце; а мало ли такихъ предметовъ — и они ждутъ тебя! стоитъ ли вырѣзывать изображенія изъ яблочнаго сѣмьчка, подобно браминамъ Индѣйскимъ, когда у тебя въ рукѣ рѣзецъ Праксителя? Страсти и время не возвращаются — а мы не вѣчны!!! —

Озираясь назадъ, вижу мое письмо испещренное сравненіями. Извини эту Глинкинскую страсть, которая порой мнѣ припадаетъ. Извини мою искренность; я солдатъ и говорю прямо, въ комъ вижу прямое дарованіе. Ты великой льстець нацѣтъ Рылѣва и такъ же справедливъ, сравнивая себя съ Баратынскимъ въ Элегіяхъ: какъ говоря, что бросишь писать отъ перваго поэмы. Униженіе паче гордости. Я, напротивъ, скажу, что кромѣ поэмъ тебѣ ничего писать не должно. Только избави Боже отъ Эпопеи. Это богатой памятникъ словесности—

но надгробный. Мы не Греки и не Римляне, и для насъ другія сказки надобны.

О здѣшнихъ новостяхъ словесныхъ и бессловесныхъ немного можно сказать. Онѣ очень не длинны по объему, но весьма по скучѣ. Скажу только, что Козловъ написалъ Чернеца и, говорить, не дурно. У него есть искры чувства, но ливрея поэзіи на немъ еще не обносилась и не дай Богъ судить о Бейронѣ по его переводамъ: это лордъ въ Жуковского пудрѣ. Н. Языковъ точно имѣетъ весь запасъ поэзіи, чувство и охоту учиться, но пребываніе его на родинѣ немного дало полету воображенію. Пьэсы въ П. З. только что отзываются прежними его произведеніями. Что же касается до Бар—го—я пересталъ вѣровать въ его талантъ. Онѣ изфранцузился вовсе. Его Едда есть отпечатокъ ничтожности, и по предмету и по исполненію; да и въ самомъ Черепѣ я не вижу цѣлаго: — одна мысль хорошо выраженная, и только. Конецъ — мишура. Бейронъ не захотѣлъ послѣ Гамлета пробовать этого сюжета и написалъ забавную надпись, о которой такъ важно толкуетъ Плетневъ. Скажу о себѣ: я съ жаждою глотаю Англинскую литературу и душой благодаренъ Англинскому языку: — онѣ научилъ меня мыслить, онѣ обратилъ меня къ природѣ — это неистощимый источникъ! Я готовъ даже сказать *il n'y a point de salut hors la littérature anglaise*. Если можешь, учись ему. Ты будешь заплоченъ сторицею за труды. Будь щастливъ, сколько можно: вотъ желаніе твоего Алек. Бестужева.

136.

К. Ѡ. Рылѣевъ — Пушкину.

10-го марта [1825 г. Петербургъ].

Незнаю, что будетъ Онѣгинъ далѣе: быть можетъ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ онѣ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онѣ ниже Бахчисарайскаго фонтана и Кавказ. плѣнника. Я готовъ спорить объ этомъ до втораго пришествія.

Мнѣніе Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду картъ лучше нежели другой деревья не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя Муза. Май-

кова Елисей прекрасенъ; но былъ ли бы онъ такимъ у Державина, недумаю, несмотря на превосходство таланта его предъ талантомъ Майкова. Державина Маріамна никуда не годится. Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ ниже Озерова?

Несогласенъ и на то, что Онѣгинъ выше Бахчисар. фонтана и Кавк. плѣнника, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость, неоправдывай софизмовъ Воейковыхъ: имъ только доволительно ставить Искусство выше вдохновенія. Ты на себя клепешь и вводишь Богъ знаетъ что.

Думаю, что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешься, что онъ нѣсколько оципанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы; не смотря на то, я просилъ Пущина и ихъ переслать тебѣ. Чувствую самъ, что нѣкоторыя такъ слабы, что не слѣдовало бы ихъ и печатать въ полномъ собраніи. Но вато убѣжденъ душевно, что Ермакъ, Матвѣевъ, Волынской, Годуновъ и имъ подобное хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей. Полярная Звѣзда выйдетъ на будущей недѣлѣ. Кажется, она будетъ лучше двухъ первыхъ. Увѣренъ заранѣ, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на Словесность нашу. Онъ въ первый разъ судить такъ основательно и такъ глубокомысленно. Скоро ли ты начнешь печатать Цыганъ? Рылѣевъ.

Марта 10 дня.

Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великой льстецъ: вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты завсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ. Что Дельвигъ? Не у тебя ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ.

137.

И. И. Пущинъ — Пушкину.

12-го марта [1825 г. Москва].

Здравствуй, любезный Пушкинъ.

До сихъ поръ жду отъ тебя отвѣта и не могу дождаться. Хоть прозой увѣдомить меня надобно, получилъ ли ты посланныя мною деньги.

Между тѣмъ я къ тебѣ съ новымъ гостинцемъ. Рылѣевъ поручилъ мнѣ доставить труды его, — съ покорностію отправляю.

Вяземскій былъ очень боленъ. Теперь однако вышелъ изъ опасности: я вижу его довольно часто, — и всегда непремѣнно о тебѣ говоримъ, — княгиня большой твой другъ.

Хлопотавши здѣсь по несносному изданію съ Селивановскимъ, я между прочимъ узналъ его желаніе сдѣлать второе изданіе твоихъ трехъ поэмъ, за которыя онъ готовъ дать тебѣ 12 тысячъ. Подумай и употреби меня, если надо, посредникомъ между вами. Впрочемъ совѣтовалъ бы также поговорить объ этомъ съ петербургскими книгопродавцами, гдѣ гораздо лучше издаются книги.

Все тебѣ желаютъ милліонъ хорошаго. — Мы ждемъ Ломоносова на дняхъ изъ Парижа.

Твой Иванъ П.

Марта 12
Знамен. день.

138.

Л. С. Пушкину.

14-го марта [1825 г.]. Тригорское.

Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также и Алжирца Всеволожскаго. Перешли-же мнѣ проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! Дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ, да не твой почеркъ. Элегія мои переписаны — потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ, благословясь, и въ Цепзуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ укусѣ — да книгъ: *Conversations de Byron*, *Mémoires de Fouché*, Талію, Старину, да *Sismondi (Litterature)*, да *Schlegel (Dramaturgie)*, если есть у *Saint-Florent*. Хотѣлъ бы я также имѣть новое изданіе *Собранія Рус. Стих.*, да дорого — 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожъ.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ, благопристоенъ-ли тонъ его критикъ; если нѣтъ, — пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорять, что въ стихахъ — стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе изгребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голось: Одинъ сижу во компаніи и тому под.

Ан. Ник. тебѣ кланяется и очень жалѣеть, что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и миртильничую. Знаешь ея кузину Ан. Ив. В.? Ессе femina!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? Не надобно ихъ. Гнѣдича Пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣсть благодари его — думаю, что экз. Онѣгина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это — шутка. А чего добраго! Однакожь это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень неприятно.

Тригорское 14 марта.

Достань у Рылѣева или Бестужева мои мѣлкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. «Что жъ ты обѣщался мнѣ прислать Парня»?

На оборотъ: Льву Сергѣевичу Пушкину.

Притиска Анна Николаевна Вульфъ: I and my sister make you our compliments from our hearts and souls.

139.

Л. С. Пушкину.

[14-го марта 1825 г. Михайловское].

Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержусь: и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ; видно, еще до тебя не дошло. Всеволожской со мною шутить: я долженъ ему 1000, а не

500; переговоры съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человекъ, хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть, тебя притѣсняютъ безъ вѣдома Царя. Просьбу твою могутъ почестъ слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc. Погоди хоть Дельвига.

Увѣдомъ о Баратынскомъ — свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручить.

На оборотѣ неизвѣстною рукою написано: „Приходи къ Плещееву вкушать трапезу съ... Тамъ будутъ институтки и вась вовутъ“.

140.

Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

15-го марта [1825 г. Михайловское].

Братъ Левъ и Братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, знаки препинанія, описки, безсмыслицы — прошу самимъ исправить — у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова — исключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго — не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича — не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надо, или изъ А. Chénier. Виньэтку бы не худо; даже можно, даже нужно, даже ради Христа, сдѣлайте; имянно: Психея, ко-

торая задумалась надъ цвѣткомъ (кстати: что прелестнѣе строфы Жуковского:

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
и слѣдующей. Конца не люблю). Что еслибъ волшебная кисть
Ө. Толстого.... —

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужасъ какъ мила!..

Къ тому-жъ, кромѣ Уткина, ни чей рѣзецъ не достоинъ его
карандаша. Впрочемъ это все наружность.

Иною прелестью плѣняется — — —

Пересчитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60
или около (ибо часть подземнымъ богамъ непредвидима). Биру-
ковъ, человѣкъ просвѣщенный, кромѣ его, я ни съ кѣмъ дѣла
имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и
жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піэсу на
особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе
Жуковского и пожалуйста безъ ~~~~~ и безъ — ❦ — и безъ =====.
Вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе круп-
ными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно, хоть бы
изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно
à la ligne и другую). 60 піэсъ! Довольно-ли будетъ для 1 тома?
Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его до-
черей?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! Дурная политика!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! Будь зубастъ
и бойся приторности! Простите, дѣти! Я пьянъ.

15 марта.

141.

Л. С. Пушкину.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Я-было послалъ это въ С. О. да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику Атамана Греча и Есаула Булг. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

142.

Барону А. А. Дельвигу.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ, живъ ли ты?

143.

Баронъ А. А. Дельвигъ — Пушкину.

20-го Марта [1825 г. Витебскъ].

Милый Пушкинъ, вообрази себѣ, какъ меня судьба отдалаетъ отъ Михайловскаго. Я ужъ былъ готовъ отправиться за Прасковьей Александровной къ тебѣ, вдругъ приѣзжаетъ ко мнѣ отецъ и беретъ съ собою въ Витебскъ. Отлагаю свиданье наше до 11-го марта, — и тутъ вышло не по моему. На четвертый день приѣзда моего къ своимъ попадаюсь въ руки короткой знакомой твоей, въ руки Горячки, которая посѣтила меня не одна, а съ воспаленіемъ въ правомъ боку и груди. Крово-

пусканіе и шпанскія мухи сократили ихъ посѣщеніе, и я теперь выздоравливаю и собираюсь выѣхать изъ Витебска въ четвергъ на Святой недѣлѣ, слѣдственно, въ субботу у тебя буду. Изъ Петербурга я нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ: но у меня былъ человѣкъ немного свободно-мыслящій. Онъ не полагалъ за нужное отправлять мои письма на почту. — Каково здоровье твое, душа моя? Ежели ты получишь письмо мое въ началѣ Страстной недѣли, то еще успѣешь отвѣчать мнѣ, когда найдешь это приятнымъ для себя. Я ничего не знаю Петербургскаго, и ты меня можешь поподчивать новостями „онаго“, хотя литературныя новости наши болѣе скучны и досадны, нежели занимательны. Онѣгинъ твой у меня, читаю его и перечитываю и горю нетерпѣніемъ читать продолженіе его, которое должно быть, судя по первой главѣ, любопытнѣе и любопытнѣе.

Цѣлую крылья твоего Генія, радость моя.

Прощай, до свиданья. Дельвигъ.

Отецъ, мать и сестра Антонида тебѣ кланяются.

144.

А. А. Бестужеву.

24-го марта [1825 г.]. Михайловское.

Вопервыхъ пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину. Рыгѣву не пишу. Жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему что въ отношеніи мнѣнія Байрона, онъ правъ. Я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Вугон въ своемъ спорѣ заврались; у меня есть на то очень дѣльное опроверженіе. Хочешь перешлю? переписывать скучно. Откуда ты взялъ что я лъщу Рыгѣву? мнѣніе свое о его думахъ я сказалъ вслухъ и ясно, о поэмахъ его также. Очень знаю что я его учитель въ стихотв. языкѣ — но онъ идетъ своею дорогою. Онъ въ душѣ

поэтъ. Я опасуюсь его не на шутку и жалѣю очень что его не застрѣлилъ когда имѣлъ тому случай—да чортъ его зналъ. Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ свои замѣчанія. Ради Христа! чтобъ онъ писалъ — да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все таки ты не правъ, все таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Д. Ж. — Никто болѣе меня не уважаетъ Д. Ж. (первыя 5 пѣсень — другихъ не читалъ) но въ немъ ничего нѣтъ общаго съ Онѣг. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой-же! Нѣтъ, моя душа, многого хочешь. Гдѣ у меня сатира? о ней и помину нѣтъ въ Евг. Он. У меня бы затрепала набережная, еслибъ коснулся я сатирѣ. Самое слово сатирической не должно бы находится въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсень... Ахъ! еслибъ заманить тебя въ Михайловское!... ты увидишь что если ужъ и сравнивать Онѣгина съ Д. Ж. то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse) Татьяна или Юлія? 1-ая пѣснь просто быстрое введеніе и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю полемику нашу... Жду П. З. Давай ее сюда. Предвижу что буду съ тобою согласенъ въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы къ стати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія [наши] свои сродно мыслящему созданію. Безкорыстное признаніе въ ономъ требуетъ душевной силы. Впрочемъ этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей; да возмись за Романъ — кто тебя держитъ. Вообрази: У насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ этаго слова; Въ Европѣ также получишь свою цѣну — во первыхъ какъ истинный талантъ, во вторыхъ по новизнѣ предметовъ, красокъ etc... Подумай братъ, объ этомъ на досугѣ... да тебѣ хочется въ Ротмистра!

24 марта. Михайловское.

145.

Княгинѣ В. Ѡ. Вяземской.

24-го марта [1825 г. Михайловское].

Chère et respectable Princesse, votre lettre m'a navré le coeur. Je n'avois pas l'idée du malheur qui vous est arrivé; je n'essairai pas de vous consoler, mais je partage du fond de l'âme vos chagrins et vos angoisses. J'espère qu'à l'heure qu'il est le Prince et les enfants sont convalescents. Puisqu' Овѣгинъ peut le distraire, je m'en vais dès ce moment me mettre à le copier et je lui enverrai. J'ecrirai aussi à mon frère pour qu'il lui envoie ce qu'il peut avoir de mes vers. Je demande seulement au Prince qu'il garde tout celà pour lui seul, et qu'il n'en lise rien à personne au monde.

P. a eu tort de vous parler de mes inquietudes et de mes conjectures qui se sont trouvées fausses. Je n'ai aucune relation avec O. j'ignore complètement ce qui s'y passe.

Chère Princesse, soyez tranquille, s'il est possible. Donnez moi des nouvelles de Votre famille et comptez moi toujours au nombre de ceux qui vous sont le plus dévoués.

24 mars.

На оборотѣ: Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской. Въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

146.

К. Ѡ. Рылѣевъ — Пушкину.

25-го марта 1825 г. [Петербургъ].

Спѣшимъ доставить тебѣ Звѣзду. Увѣрены, что она понравится Пушкину, и заранѣе радуемся етому. Она здѣсь всѣмъ пришла по сердцу. Это хоть не совсѣмъ хорошій знакъ, но

увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ пьесъ, которыхъ похвалить неоткажутся и истинные цѣнители произведеній нашего Парнасса. Мы много одолжены нашимъ добрымъ Поэтамъ и прозаикамъ за доставленные пьесы, но какъ благодарить тебя, милый Поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей Звѣздѣ? Отъ Цыганъ всѣ безъ ума, Разбойникамъ, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для Звѣздочки стыдимся и просить у тебя что нибудь; такъ ты надѣлилъ насъ. На послѣднее письмо я еще не получалъ отъ тебя отвѣта. Ужъ не сердись ли за откровенность мою? Это, кажется, тебѣ не въ пору; ты выше этого. Что Дельвигъ? По слухамъ, онъ долженъ быть у тебя. Радуюсь его выздоровленію и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобъ выслушать его мнѣніе объ остальныхъ пѣсняхъ твоего Онѣгина. Не пишешь ли ты еще чего? Что твои записки? Чѣмъ ты занимаешься въ праздное время? Мы съ Бестужевымъ намѣреваемся лѣтомъ провѣдать тебя: будетъ ли это кстати? Вотъ тебѣ нѣсколько вопросовъ, на которые буду ожидать отвѣта. Твой Рылѣевъ.

Марта 25 дня 1825.

147.

Л. С. Пушкину.

[27-го марта 1825 г. Михайловское].

Душа моя, что за прелесть — Бабушкинъ Котъ! Я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Тр. Фал. Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

Объ Вяз. получилъ извѣстіе. Перепли ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтенъебѣсія.

Получилъ-ли ты мои стихотворенья? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1) Многія изъ сихъ стихотвореній—дрянь и недостойны вниманія Россійской Публики; но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подь какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ — <.....>-съ (сказать это помягче). 2) Мы (сирѣчь Издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей Публики (Росейской), или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, или слишкомъ незрѣлыя, ибо Г. Пшк. изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году (т. е. 14 лѣтъ), или какъ угодно. 3) Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ — это непристойность, и въ Бахч. Ф. я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4) Все это должно быть выражено Романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ. Ну, по крайней мѣрѣ столь же хороша. Доволенъ-ли онъ? Да перешли на всякой случай это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои В. напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ, — а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями. Прощай, сестру поцалуй!

Великая Пятница.

Я Телеграфомъ очень доволенъ — и мышло или мыслю поддерживать его. Скажи это и Ж. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ — то ли дѣло не красть, не ругаться по <.....>, не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч. — Люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи К. Голиц.-Суворовой; возьми ихъ отъ

нее. Думаю, что посланіе Къ Ов., Вчера былъ день и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ элегіяхъ, да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P.

Не напечатать-ли въ концѣ Воспоминанія о Ц. С., съ нотой, что они писаны мною 14 лѣтъ, и съ выпискою изъ моихъ Записокъ (объ Державинѣ), ась? ¹⁾.

Да тиснуть еще мою Птичку [да четыре стиха о дружбѣ:

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья].

148.

И. И. Пущинъ — Пушкину.

2-го апрѣля [1825 г.]. Москва.

Наконецъ получилъ посланіе твое въ прозѣ, Любезный Пушкинъ! Спасибо и за то. За проклятую *délicatesse* я съ Княгиней бранился; она велѣла сказать тебѣ, что ты хорошо сдѣлаешь, когда при деньгахъ приплешь ей долгъ, что она отнюдь не хочетъ тебѣ его простить. Только желаетъ, чтобъ ты тогда ей заплатилъ, когда самъ будешь имѣть довольное количество монеты. —

Вяземскій совсѣмъ поправился, началъ выѣзжать. Всѣ тузы Московскіе тебѣ кланяются и съ большимъ удовольствіемъ читаютъ *Онегина*.

Мы ждемъ сюда Дипломата Ломоносова, который уже въ Петербургѣ. — Будь здоровъ.

Твой Иванъ П.

Москва.

2-го Апрѣля.

На оборотѣ: Ея Высокоблагородію Прасковѣ Александровнѣ Осиповой. Въ Опочкѣ, для доставленія въ село Тригорское а васъ покорно прошу отослать А. С. Пушкину.

1) Слова: «Не напечатать ли... ась?» зачеркнуты, и подъ ними написано: «лѣтъ».

149.

Л. С. Пушкину.

[Начало апрѣля 1825 г. Михайловское].

Жизь, жись курилка!

— Какъ! Живъ еще курилка журналистъ?
 — Живехонекъ! все также сухъ и скучень,
 И грубъ, и глупъ, и завистью размучень,
 Все тискаеть въ свой непотребный листъ —
 И старый вдоръ, и вдорную новинку.
 — Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
 Какъ загасить вонючую лучинку?
 Какъ уморить курилку моего?
 Дай мнѣ совѣтъ! — Да... плюнуть на него!

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № В. Евр., гдѣ напечатанъ 2-ой разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахч. Фонт. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстн. и Дамс. Жур.).

Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть; сердись онъ, не сердись — а

Хотѣлъ простить — простить не могъ

Достойно Байрона. Видѣніе, конецъ прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы — по крайнѣй мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами; есть-ли успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль; оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ-же пакетѣ находилось два очень нужныя — тебѣ и Плетневу. Что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный, боленъ, или Войнаровскимъ недоволенъ? Кстати: каковы мои замѣчанія? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу, а

виновать: Войнаровский мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis, да Child-Nagold Lamartine (то то чепуха должна быть!), да вообще что-нибудь новенькаго, да и Старину. Талію получилъ и письмо отъ изд. Не успѣлъ еще пробѣжать. Ворожея показала мнѣ du bon со-тѣique. А Хмѣльницкой — моя старинная любовница; я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ о драмм. писателѣ). В. правъ — а все-таки на него сердить. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клопа, который вѣрно сердится на меня, за то что мнѣ не по нутру Рѣзвоска-чущая кровь Гриб—а.

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ Эгоизма, изъ Аневризма и проч.

Письмо Ж. наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился Романтикомъ, а не Грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще!

Тиснуть Сарское село, и съ нотой. Напрасно объявляли о Братяхъ-разбойникахъ; ихъ бы можно напечатать и въ Разныхъ Стихотвореніяхъ. Богатая мысль — напеч. Нап. да Цензура... Лучшія строфы потонуть.

150.

Князю П. А. Вяземскому.

7 апрѣля [1825 г. Михайловское].

Нынче день смерти Байрона — я заказалъ свечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Ояѣгина переписываю. Немѣдленно я онѣ явиться къ тебѣ.

Сей часъ получилъ я Войнаровскаго и думы, съ письмомъ Пущина — Предложеніе Селивановскаго, за 3 поэмы 12,000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни. Бахч. Ф. перепечатанъ.

Прощай, милый, у меня хандра и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей. — Кланяйся женѣ. Я вамъ обоимъ душою предаю.
А. П.

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ собств. домѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ.

151.

Л. С. Пушкину.

[7-го апрѣля 1825 г. Тригорское].

17 апрѣля.

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку — вѣроятно, отъ Плетнева. Письмо А. Н. отдалъ не прочитаю и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія — или изъ ревности, какъ хочешь). Она въ претензіи за твои нѣжности и за то, что онѣ тебя усыпили. Полярную еще не получилъ. Справься ради Бога объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12.000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться — эдакъ съ голоду умру — съ отцомъ да съ Ольдекопомъ. Прощай! Я бѣшенъ.

Благодарю очень за *отр.* изъ письма Бар. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми). C'est ainsi, voyez-vous, que j'écris à Anna Iv. B. sous le nom d'Euphrosine. Господи Суси Христе! Quelles misères! ... Цалуй Ольгу!

«Quelle amabilité, et dans quelle humeur charmante est lui!!!
Coment osez-vous m'écrire une lettre comme celle-ci, c'est bien
que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще
смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему
брату!!!».

Вотъ тебѣ мой вчерашній im-promptu:

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги это, показавъ ей.

Variantes en l'honneur de m-lle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди, и сзади.

M-lle NN находить, что первый текстъ тебѣ приличенъ.
Nonny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день
его смерти), А. Н. также, и въ обѣихъ церквахъ — Триг. и
Вор. — происходили молебствія. Это немножко напоминаетъ la
messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire.
Вяз. посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

На оборотъ: Льву Сергѣевичу Пушкину.

152.

К. Ѡ. Рылѣевъ — Пушкину.

[Первая половина апрѣля 1825 г. Петербург].

Письмо твое Бестужевъ получилъ, но не успѣлъ отвѣчать:
его услали въ Москву провожать принца Оранскаго. Можетъ
быть, онъ напишетъ тебѣ отъ туда. Здѣсь слышно, что Дель-

вигъ уже у тебя: правда ли? Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и съ братомъ твоимъ.

Левъ прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній. Они прелестны; особенно отрывки изъ Алкорана. Страшный судъ ужасенъ!

стихи —

И братъ отъ брата побѣжить

И сынъ отъ матери отпрянетъ —

превосходны. Послѣ прочитаны были твои Цыгане. Можешь себѣ представить, что дѣлалось съ Кюхельбекеромъ. Что за прелестный человекъ этотъ Кюхельбекеръ. Какъ онъ любитъ тебя! Какъ онъ молодъ и свѣжъ! Цыганъ слышалъ я четвертый разъ и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобъ привязаться къ чему-нибудь, и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько униженъ. Зачѣмъ водить онъ медвѣдя и собираетъ вольную дань? Нелучше-ли бѣ было сдѣлать его кузнецомъ. Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь, почему и зачѣмъ? Потому, что сузу поэму Александра Пушкина; зачѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово: рекъ. Кажется, оно несвойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу. Вотъ все, что я придумалъ. Ахъ, если бы ты ко мнѣ былъ также строгъ! Какъ бы я былъ благодаренъ тебѣ.

Прощай, обни я, а ты обними Дельвига
не пишешь ни слова о П. Звѣздѣ¹⁾
ли Наливайко? Прощай, милая Сирена.

Твой Рыгѣвъ.

На оборотъ: Александру Сергѣевичу Пушкину.

1) Край письма оторванъ.

153.

Князю П. А. Вяземскому.

[Средина апрѣля 1825 г. Михайловское].

Надѣюсь что ты выздоровилъ — съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ официальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи, я переписываю для тебя Онѣгина — желаю чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя me sourit. (Извини эту плоскость: въ крови!..) А между тѣмъ будь мнѣ благодарень — отроду не для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной — изъ сего слѣдуетъ что я въ тебя влюбленъ, какъ кюхельбекерской Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ-ли еще тебя Россейская литература? Я было на Полевово очень оцетинился за Невск. Альм. и за породію Жук. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такова мнѣнія что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петб. подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже. Но все нужно было соединить во едино. Изъ всего что должно было предать забвенію болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ — ихъ всѣхъ около 50 и всѣ оригинальныя — но по нещастію я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encoire en vie а съ живыми — полно, не хочу ссориться.

Изъ посланія къ Чед. вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились — [но] единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ — а не потому что они другимъ не по нутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена и подѣломъ. Къ стати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонт. Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, еслибъ дѣло шло, не о востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ Европейцамъ. Къ стати еще — знаешь почему не люблю я Мура? — Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточень. Онъ под-

рожаетъ ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейецъ, и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца. — Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ, въ Абидосской Невѣстѣ и проч. —

154.

Л. С. Пушкину.

[22-го и] 23-го [апрѣля 1825 г. Михайловское].

Фуше, Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel, Don Juan (последнія 6-я и пр. пѣсни), новое Walt. Scott, Сибирской Вѣстникъ весь — и все это черезъ Saint-Florent, а не черезъ Слѣнина. — Вино, вино, ромъ (12 бут.), горчицы, fleur d'orange, чемоданъ дорожный; сыру лимбургскаго; книгу о верховой ѣздѣ — хочу жеребцовъ въѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону.

Какъ я былъ радъ баронову приѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились — а онъ равнодушенъ какъ колода, любить лежать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ Старостою; приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цалуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (напримѣръ, устриць).

23. Сей часъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія. Думаю, что можно начать благословясь. О посланіи Къ Ч. скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Овѣгина, если его пасквиль этого стоять, и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ — чтожъ дѣлать! А напечатай уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть увѣрену и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ

Ан. Ник., показавъ и не читавъ нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je m'en f<...> или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра сердится очень на нее, и все черезъ мои сплетни.

Des bretelles, des bottes (или не нужно).

Плетневу поклонъ да пара словъ; на дняхъ къ нему пишу.

На оборотъ: Брату.

155.

Ө. В. Булгаринъ — Пушкину.

25-го апрѣля 1825 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь Александръ Сергѣевичъ! Писалъ я къ вамъ на обертеѣ Талии, а наконецъ рѣшился написать на особой бумажкѣ и начинаю благодарностью за присылку стиховъ на зубокъ Пчелѣ; а гдѣ зубы у Пчелы? спросите у Хвостова, который сотворилъ голубей съ зубами: одно другаго стоитъ. На насъ ополчились въ Москвѣ, что мы ничего не скавали объ Онегинѣ. Богъ видитъ душу мою, знаетъ какъ я цѣню вашъ талантъ; вы сами могли судить, оказалъ ли я что-либо, гдѣ-либо предосудительное или двусмысленное о васъ; но еслибъ вы знали всѣ обстоятельства бѣдныхъ Журналистовъ, то бы пожалѣли, что они иногда должны промолчать. Не вѣрьте, что вамъ будутъ писать враги мои, хотя близкіе къ вашему сердцу; вѣрьте образцамъ чести — Бестужеву и Рылѣву: они знаютъ, какъ я васъ цѣню. А Жуковского всегда буду почитать какъ человека, а повтомъ плохимъ, подражателемъ Сутея; Вяземскаго — добрымъ, умнымъ, благороднымъ — не повтомъ, а васъ — *Поэтомъ*.

Прощайте, некогда. Сленинъ торопитъ, пишу въ его лавкѣ.

Вашъ искренній почитатель Ө. Булгаринъ.

25 Апрѣля 1825.

P. S. Увѣдомьте, регулярно ли получаете три наши журнала.

156.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина, (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго). За разг. съ няней [и Письмо Тани] безъ письма братъ получилъ 600 р. — Ты видишь что это деньги, слѣдств. должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху ни духу. Надѣюсь что ты здоровъ, о другомъ надѣяться не смѣю, но Судьба кажется могла бы быть довольна — улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ

Элегія на смерть Ан. Льв.

Охъ, Тетенька! охъ Анна Львовна
 Вас. Льв. сестра!
 Была ты къ маминьѣй любовна
 Была ты къ папиньѣй добра
 Была ты Лив. Льв-ой,
 Любима больше серебра;
 Матв. Мих. какъ кровной,
 Тебя встрѣчалъ среди двора.
 Давно-ли съ Ольг. Серг.
 Со Льв. Серг. давноль
 Какъ бы на смѣхъ судьбинѣй гнѣвной
 Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
 Увы! за чемъ В. Л.
 Твой гробъ стихами обмочилъ
 Или зачѣмъ подлець Поповичъ
 Его Красовскій пропустилъ!

(Я да Дельвигъ).

Кстати: за чемъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письма Дельвига? Онъ человекъ, достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной С. П. Бургской сволочи. Пожалуйста,

ради меня, поддержи его Цвѣты*) на слѣд. годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся. — Что мнишь ты о Полярной?... Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? перешли мнѣ что нибудь о томъ.

На оборотъ: Князю Вяземскому.

157.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Доставь это Вяземскому повторивъ просьбы чтобъ онъ никому не показывалъ да и самъ [ничего] не пакости —

158.

П. А. Катенинъ — Пушкину.

9-го мая 1825 г. Кологривъ.

Въ концѣ зимы жилъ я въ Костромѣ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, и съ прискорбіемъ услышалъ отъ дяди Твоего тамошняго жителя, что Ты опять попалъ въ бѣду и по неволѣ живешь въ деревнѣ. Я хотѣлъ тотчасъ къ тебѣ писать; но тяжба, хлопоты, неудовольствія, недоровье отняли у меня и время и охоту. Развязавшись кое-какъ и то на время со всею этою дрянью, и возвратясь въ свой медвѣжій уголокъ, я вдругъ вспомнилъ, что забылъ спросить у дяди Твоего, въ какой губерніи ты находишься и какъ надписывать къ тебѣ письма. Богъ вѣсть сколько бы еще времени такъ уплыло; но на прошедшей почтѣ князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ прислалъ мнѣ изъ Москвы въ подарокъ Твоего „Онѣгина“. Весьма нечаянно на-

*) да нѣтъ-ли у тебя и прозы?

шелъ я въ немъ мое имя, и это доказательство, что ты меня помнишь и хорошо ко мнѣ расположенъ, заставило меня почти устыдиться, что я по сіе время не попекся тебя провѣдать. Сдѣлай одолженіе, извѣсти меня обо всемъ; Ты пересталъ ко мнѣ писать такъ давно; я самъ два года съ половиной живу такъ далеко ото всего, что не знаю: ни гдѣ ты былъ, ни что дѣлалъ, ни что съ тобой дѣлали; а коли ты все это мнѣ разкажешь, ты удовлетворишь желаніе истинно-пріятельское. Отъ меня не жди новостей: живу я въ лѣсу, въ дичи, въ глуши, въ одиночествѣ, въ скукѣ и стиховъ рѣшилъ не писать: *carmina pulla sapant*. Но и монахини (разумѣется честныя), давшія небу обѣтъ не любятъ, охотно слушаютъ про дѣла любовныя; я въ томъ же положеніи и съ отмѣннымъ удовольствіемъ проглотилъ г-на Евгенія (какъ по отчеству?) Онѣгина. Кромѣ прелестныхъ стиховъ, я нашелъ тутъ тебя самого, твой разговоръ, твою веселость и вспомнилъ наши вазармы въ Миліонной. Хотѣлось бы мнѣ потребовать отъ тебя въ самомъ дѣлѣ исполненія обѣщанія шуточнаго: написать поэмѣ, пѣсенъ въ двадцать пять; да не знаю, каково теперь твое расположеніе; любимыя занятія наши иногда становятся противными. Впрочемъ, кажется, въ словесности тебѣ неудовольствій нѣтъ, и твой путь на Парнасъ устланъ цвѣтами. Еще разъ, милый Александръ Сергѣевичъ, повторяю мою просьбу: увѣдоми меня обо всемъ, гдѣ Ты, какъ Ты, что съ Тобою, какъ писать къ Тебѣ и прочее.

Желаю тебѣ успѣха и отъ бѣдъ избавленія; остаюсь по прежнему весь Твой Павелъ Катенинъ.

Маія 9-го 1825. Кологривъ.

159.

Н. Н. Раевскій-сынъ — Пушкину.

(Черновое).

Biela-Tserkow, le 10 de Mai [1825].

Pardon, mon cher ami, si j'ai passé tant de tems sans vous écrire; mais les occupations de service, le manque de tems et de société qui puisse tirer mon esprit de son engourdissement m'ont

empêché d'écrire une seule lettre depuis six mois. C'est pour vous le premier que je romps le silence.

Merci pour votre plan de tragédie. Que pourrais-je vous en dire? Ce n'est pas les conceptions brillantes qui vous manquent, mais la patience dans l'exécution. Il vous sera donc donné d'ouvrir encore la carrière d'un théâtre national. — Quant à la patience, j'aurais voulu vous voir consulter les sources, où Karamsine a puisé, au lieu de vous en tenir à son seul récit. N'oubliez pas que Schiller fit un cours d'astrologie avant d'écrire son „Wallenstein“. Je vous avoue ne pas trop comprendre pourquoi vous voulez n'employer que les vers blancs dans votre tragédie. Moi, je croirais au contraire que ce serait bien le cas de faire usage de toutes les richesses de nos nombreux rythmes. Bien entendu en ne cherchant pas à les combiner ensemble, comme le prince Chakovskoï, mais en ne vous restreignant pas à suivre pour chaque scène, le rythme adopté dans la première. — Que votre tragédie soit bonne ou mauvaise, j'y prévois d'avance d'importans résultats pour notre littérature; vous donnerez de la vie à notre hexamètre qui jusqu'à présent est si lourd, si inanimé; vous prêterez au dialogue un mouvement qui le fera ressembler à une conversation et non pas à des phrases de vocabulaire comme jusqu'à présent. Vous achèverez de populariser chez nous, ce langage simple et naturel que notre public est encore à ne pas comprendre, malgré les beaux modèles de Цыганы et des Разбойники. Vous achèverez de faire descendre la poésie de ses échasses. —

Le Père et la mère de votre Comtesse Natalie de Cagoul sont ici depuis une semaine. Je leur ai lu en séance public votre Ояѣгняъ; ils en sont enchantés. Mais moi j'en ai fait une critique que j'ai gardée pour moi. Chakovskoï ne pourra pas en faire une Octologie.

Votre fragment des Цыганы qui a paru dans la Полярная Звѣзда avec une suite que je ne connaissais pas, est peut-être le tableau le plus animé, du coloris le plus brillant que j'aie jamais lus dans aucune langue. Bravo, Bravissimo! Votre Кавказскій Пленникъ, qui n'est point un bon ouvrage, a ouvert une carrière qui sera l'écueil de la médiocrité. Je ne suis point un partisan de longs poèmes; mais ces espèces de fragmens demandent toute la richesse de la poésie; la forte conception d'un caractère et d'une situation. Войнаровскій est un ouvrage en mo-

saique composé de fragmens de Byron et de Пушкинъ, rapportés ensemble sans beaucoup de réflexion. Je lui fais grâce pour la couleur locale. C'est un garçon d'esprit, mais ce n'est point un poète. Il y a plus de mérite dans les fragmens de Наливайко. Il y a de la véritable sensibilité, de l'observation (j'allais dire de la connaissance du cœur humain), une intention heureuse et bien exécutée, enfin un style pur et de la véritable poésie dans le Чернецъ, tant que Козловъ parle d'après lui-même; mais pourquoi a-t-il pris pour cadre une parodie du Ghiaour et finit-il par une longue paraphrase d'un passage de Marmion? Il a imité, et parfois très heureusement, votre narré rapide et les tours de phrase de Жуковский. Il doit savoir l'Anglais et avoir étudié Coleridge.

Excusez, mon cher ami, l'ennuyeux de ma lettre, je vous écris par devoir et non d'abondance de cœur, je suis trop engourdi pour cela. Je vois autant moi-même les fautes de français et d'orthographe que je fais, sans avoir le courage de les corriger. Je n'écris pas par affaire d'amour-propre; mais j'aurais voulu vous dire quelque chose de plus intéressant. Imprimez donc plus vite vos Цыганы, puisque vous ne voulez pas me les envoyer en manuscrit; écrivez moi de grâce et faites mes complimens à votre frère que j'aime beaucoup, malgré que je n'ai fait que l'intrevoir.

Je vous écrirai une autre fois plus en ordre sur votre tragédie.

160.

А. Г. Родзянко — Пушкину.

Лубны, 10-го мая 1825 года.

Виновать, сто разъ виновать предъ тобою, любовный и дорогой мой Александръ Сергѣевичъ, не отвѣчая три мѣсяца на твое неожиданное и пріятнѣйшее письмо. Излагать причины моего молчанія и не нужно, и излишне: лѣнь моя главною тому причиною, и ты знаешь, что она никогда не перемѣнится, хотя Анна Петровна ужасно какъ моетъ за это выраженіе мою грѣшную головушку; но не взирая на твое хорошее мнѣніе о моихъ различныхъ способностяхъ, я становлюсь въ тупикъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, и во первыхъ, въ отвѣтѣ къ тебѣ. Но сдѣлай

милость, не давай воли своему воображенію и не дѣлай общему моей неодолимой лѣни; скромность моя и молчаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны стоять вмѣстѣ обвинителями и защитниками ея. Я тебѣ похваляюсь, что благодаря этой же лѣни, я постоянноѣ всѣхъ Амадисовъ и Польскихъ и Русскихъ. И такъ одна трудность перемѣны и искренность моей привязанности составляютъ мою добродѣтель: слѣдовательно, говорить Анна Петровна, немного стоитъ добродѣтель ваша; а она соблюдаетъ молчаніе, знакъ согласія, и справедливо. Скажи пожалуй, что вздумалось тебѣ такъ клепать на меня? За какія проказы? За какія шалости?

Но довольно, пора говорить о литературѣ, съ тобою нашимъ Корифеемъ.

Дайте рукою А. П. Кернъ, въ серединѣ письма: „Ей Богу, онъ ничего не хочетъ и не намѣренъ вамъ сказать! Насилу упростила! Если бы вы знали, чего мнѣ это стоило! Самой бездѣлки: придвинуть стулъ, дать перо и бумагу и сказать — пишите. Да спросите, сколько разъ повторить это должно было. *Repititia est mater studiorum*“.

Зачѣмъ же во всемъ требуютъ уроковъ, а еще болѣе повтореній? Жалуюсь тебѣ, какъ новому Оберону: отсутствующій, ты имѣешь гораздо болѣе вліянія на нее, нежели я со всѣмъ моимъ присутствіемъ. Письмо твое меня гораздо болѣе поддерживаетъ, нежели все мое краснорѣчіе.

Рукою А. П. Кернъ: „Je vous proteste qu'il n'est pas dans mes fers“....

А чья вина? Вотъ теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Федоровичемъ: снова пришло давно остывшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропала. Тогда можно было извиниться молодостію и неопытностію, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ.

Рукою А. П. Кернъ: „Ей Богу я этихъ строкъ не читала!“

Но заставила ихъ прочесть себѣ 10 разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувстви-

тельностью образованной женщины, она изобилует такими дѣтскими хитростями. Но прощай, люблю тебя и удивляюсь твоему генію и восклицаю:

О, Пушкинъ, мотъ и расточитель
 Даровъ поэзіи святой,
 И молодежи удалой
 Герофантъ и просвѣтитель,
 Любевный женщинамъ творецъ,
 Пѣвецъ Разбойниковъ, Цыгановъ,
 Безумцевъ, рыцарей, Руслановъ,
 Скажи, чего ты не пѣвецъ?

Моя поэма Чуйка скончалась на тѣхъ отрывкахъ, что я тебѣ читалъ, а двѣ новыя сатиры пошлю въ Мартѣ напечатать. Аркадій Родзянко.

 161.

К. Ѡ. Рылѣевъ — Пушкину.

12-го мая 1825 г. [Петербургъ].

Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о Думахъ и Войнаровскомъ. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ нетерпѣніемъ. Ты ни слова неговоришь о Исповѣди Наливайки, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди — мысли, чувства, истины, словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удалства Наливайки, хотя, наоборотъ, въ удалствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что Звѣздочка отниметъ у меня много времени. Петербургъ тошенъ для меня; онъ студитъ вдохновеніе; душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что-либо, достойное вѣка нашего, но какъ бы на зло желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты обѣщаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обзорѣніе, обѣщавъ прислать свое опроверженіе на Байрона и Бовля — и вѣрно все это отложивъ въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ

пѣсняхъ Онѣгина, но по извѣстнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ-Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ и выше добродѣтелей. Пушкинъ, ты приобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій и ты опередишь его: тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, неподражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Еслибъ ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе. Прощай, чудотворецъ. Рылѣевъ.

Бестужевъ еще въ Москвѣ.

Мая 12 дня
1825.

На оборотѣ: Александру Сергѣевичу Пушкину.

Ко мнѣ адресъ: въ домѣ Американской Компаніи, у Синяго моста.

162.

В. А. Жуковскій — Пушкину.

[Вторая половина мая 1825 г. Петербургъ].

Мой милой другъ, прошу тебя отвѣчать какъ можно скорѣе на это письмо, но отвѣчай человѣчески, а не сумасбродно. Я услышалъ отъ твоего Брата и отъ твоей Матери что ты боленъ: Правда-ли это? Правда-ли, что у тебя въ ногѣ есть что-то похожее на аневризмъ, и что ты уже около десяти лѣтъ угощаешь у себя этаго постояльца не говоря никому ни слова. Причины такой таинственной любви къ аневризму я не понимаю и никакъ не могу ее раздѣлять съ тобою. Теперь это уже не тайна и ты долженъ позволить друзьямъ твоимъ вступить въ домашнія дѣла твоего здоровья. Глупо и низко неуважать жизнь. Отвѣчай искренно и не безумно. У васъ въ Опочкѣ некому

хлопотать о твоёмъ аневризмѣ. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь сдѣлать, что бы ты переѣхалъ на житье и леченье въ Ригу. Согласись, милый другъ, обратитъ на здоровье свое то вниманіе котораго требуютъ отъ тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты долженъ, долженъ, долженъ взять (теперешняя — никуда не годится, не годится не потому единственно, что другіе признають ее такою, нѣтъ болѣе по тому что она не согласна съ твоимъ достоинствомъ); ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность — теперь ты получилъ только первенство по таланту; присоедили къ нему и то что лучше еще таланта — достоинство! Боже мой, какъ бы я желалъ, пожить вмѣстѣ съ тобою, что бы сказать искренно что о тебѣ думаю и чего отъ тебя требую. Я на это имѣю болѣе многихъ права и мнѣ ты долженъ вѣрить. Дорога, которая передъ тобою открыта ведетъ прямо къ великому; ты богатъ силами, знаешь свои силы и все еще будущее твое. Не ужели изъ этаго будутъ одни жалкія развалины? — Но прежде всего надобно жить! Напиши ко мнѣ немедленно о своемъ аневризмѣ. И я тотчасъ буду писать къ Паулуччи. Съ нимъ уже я имѣлъ разговоръ о тебѣ и можно положиться на его доброжелательство. Обнимаю тебя душевно. —

Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ! Но милый другъ какая цѣль! Скажи чего ты хочешь отъ своего гения? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству которому такъ нужно высокое? Какъ жаль что мы ровны!

Скорѣе, скорѣе отвѣть. Жуковский.

На оборотъ: Александру Сергѣевичу Пушкину.

163.

Князю П. А. Вяземскому.

25-го мая [1825 г. Михайловское].

Ты спрашиваешь доволенъ-ли я тѣмъ что сказалъ ты обо мнѣ въ Тел. — Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки

въ нашихъ журналахъ! а твоимъ перомъ водятъ и вкусъ и пристрастїе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Ж. Я не слѣдствіе а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный.

Переводы избаловали, излѣнили; онъ не хочетъ самъ созидать — но онъ, какъ Voss, Геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаеть. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ твое о Чернецѣ, ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма конечно полна чувства и умнѣе Войн., но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какойто тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ. За то думы дрянъ и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго *him* а не отъ Польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Неелова прелесть, не даромъ я назвалъ его нѣкогда *le chante de la m<...>*! (Это между нами и потомствомъ буди сказано). Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Не ужъ то онъ обижається моими стихами? вотъ ужъ тутъ то я невиненъ, какъ барашекъ! спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ что увидѣвъ у меня имя Кн. Ш. онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ — я было и послушался, да стало жаль, *et j'ai remis bravement Chalikof!* Это могу доказать черною бумагою. Твои калембуры очень милы — здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir (какъ бы выкраить изъ него *Salembourg?* выгадай-ка). Ты, кажется, любишь Казимира, а я такъ нѣтъ. Конечно онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... далеко кулику до орла! — Первый Геній тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Къ стати: я замѣтилъ что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое тѣмное понятіе о Романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на до-

сугѣ потолковать но не теперь; мочи нѣтъ усталъ. Писалъ ко всѣмъ — даже и къ Булгарину.

25 мая.

Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полевова. Дѣло въ томъ что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполняю — слѣдств. и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты, смотри за нимъ — ради Бога! и ему случается завираться. Напримѣръ, Донъ-Кихоть изкоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!! — Въ Италиа, кромѣ Dante единственно, не было Романтизма — А онъ въ Италиа то и возникъ. Что же такое Ариостъ? а предшественники его начиная отъ *Viuvo d'Antona* до *Orlando inamogato*? какъ можно писать такъ на обумъ! А ты не пренебрегай журнальными мѣлочами: Наполеонъ ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа (какъ замѣтилъ, помнится, Фуше).

На оборотъ: Вяземскому, который на дняхъ у васъ будетъ. Не то отдать А. И. Тург. для доставленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, Мусье Lion, за то, что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

Притиска Л. С. Пушкина. Левъ Пушкинъ проситъ прощенія въ томъ, что письмо разпечатано; не взглянувъ на конвертъ онъ думалъ что оно къ нему. —

164.

К. Ѡ. Рылѣву.

[Конецъ мая 1825 г. Михайловское].

Думаю ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ гдѣ я ничего не сказалъ должно подразумевать похвалу, знаки возклипанія, прекрасно и проч. Полагая

что хорошее писано тобою съ умыслу не счелъ я за нужное отмѣчать его для тебя.

Что сказать тебѣ о думахъ? во всѣхъ встрѣчаются стихи живыя, окончательныя строфы Петра въ Остр. чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобретѣніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой. Составлены изъ общихъ мѣстъ (*Loci topici*) описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь Героя и — нравоученіе. Національнаго, Рускаго нѣтъ въ нихъ ничего кромѣ именъ (исключая Ив. Сусанина, первую думу, по коей началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ). Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ Герба Россіи. Древній Гербъ, С. Георгій, не могъ находится на щитѣ язычника Олега; новѣйшій, двуглавый орелъ, есть Гербъ Византійскій и принятъ у насъ во время Іоанна III, не преждѣ. Лѣтописецъ просто говоритъ: Тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.

Объ исповѣди Наливайки скажу что мудрено что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ разтянутымъ, но и тутъ конечно наложилъ ты свою печать.

Тебѣ скучно въ Петерб. а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть. Прощай поэтъ — когда-то свидимся?

165.

И. И. Козловъ — Пушкину.

St.-Petersbourg, le 31 Mai 1825.

Mon cher Pouchkine,

Il m'est impossible de vous exprimer, l'extrême plaisir que m'ont causé vos charmants vers; ce fut vraiment un délicieux instant dans ma vie et je vous en remercie chaudement. Ce n'est

pas le peu de talent que je puis avoir, mais mon admiration pour le vôtre et le sincère attachement que je vous porte, qui justifient le premier hémistiche du 7-e vers; encore une fois merci et grand merci: il a 'eté droit à mon coeur!

J'ai lu le 2-d chant de *Эвреніѣ Онегинѣ*; c'est un charme; j'ai lu aussi les poésies fugitives; parmi celle que je ne connaissais pas encore, j'en ai trouvé qui me paraissent inimitables: La fille de Czerni-Georges, les versets du Coran et deux *Elégies* surtout m'ont tourné la tête. Quand je veux faire des vers, je lis mon Byron, Joukovsky et vous, et tant bien que mal notre imagination fermente et je me mets à chanter. J'espère que votre triple inspiration ne m'abandonnera pas dans mon nouveau petit poème, c'est la *Princesse Dolgorouky-Chérémétieff*: je trouve que ce sujet est infiniment touchant. Je n'ose pas dire que la *Дума* de Reilleeff, qui porte ce nom, soit sans mérite; mais il me semble qu'elle n'empêche pas de tenter un petit Poème de 7 à 800 vers. Mon plan est fait et quelques fragments aussi, mais avant tout c'est ma *Fiancée d'Abydos*, qui viendra se présenter à votre porte.

Je vois votre frère et tous nos amis très souvent; *Baratinsky* nous arrive, dans quelques jours, ainsi que *Viazemsky*, mais en revanche *Tourguéniéff* part; c'est une perte irréparable. Si vous lisez nos journaux, vous verrez que *Boulgarine* ne se rappelle plus qu'une seule chose, concernant *Tourguéniéff*, c'est qu'il prend beaucoup de café et gobe des mouches en avalant ses crâquelins. Nos journalistes deviennent de jour en jour plus plats. Vos deux *Epigrammes* contre celui de *Moscou* font mourir de rire, sur-tout *Basile* et *Michel*; ceux d'ici en mériteraient de semblables; Mais si vous voulez du verbiage français dans un autre genre, lisez le nouveau poème de *Lamartine* sur *Harold*; malgré quelques beaux vers, c'est de ce galimatias double dont parle *Beaumarchais*. Je finis cette lettre peut-être beaucoup trop longue: pardonnez si j'ai osé vous traiter comme une ancienne connaissance, je vous demande votre amitié, cher *Pouchkine*, et fais de vœux ardents pour votre bonheur.

Датье рукою самого Козлова: „Je vous embrasse de tout mon coeur et suis à jamais tout à vous *Jean de Kasloff*“.

166.

В. А. Жуковскому.

[Конецъ мая — начало юня 1825 г. Михайловское].

Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божіей помощію могу проносить еще года 3. Слѣдств. дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Еслибы Царь меня до излѣченія отпустилъ за границу, [въ Евр.] то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяз. пишеть мнѣ что друзья мои въ отношеніи Властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. два года ничего не писать противу Правительства и не писалъ. Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставить въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рифмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны, ни въ поступкѣ ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по франц. потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ да будетъ Воля Твоя; если покажется это непристойнымъ то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня.

Все это тринь-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотв. За чѣмъ слушаешься ты Маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, [унижая] уничтожая самовластно онъ не исключилъ изъ Собранія посланія къ нему произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И <....> его <....>.

Надпись къ Гёте, ахъ еслибъ мой милый, Генію все это прелесть; а гдѣ она? Знаешь что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напѣчатаютъ съ ошибками и съ приобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя [произведен] занятія — Жалѣю что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ — или хоть присутствія — оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза. Ты спрашиваешь какая цѣль у Цыгановъ? вотъ на? Цѣль поэзіи — поэзія — какъ говорить Дельвигъ (если не укралъ этаго). Думы Рылѣева и цѣлѣть а все не въ попадѣ.

На оборотѣ: В. А. Жуковскому.

167.

Императору Александру I.

Черновое.

[Конецъ мая — начало іюня 1825 г. Михайловское].

(J'avais 20 ans en 1820). Des propos inconsiderés, des vers satiriques [me firent remarquer repandre dans le public]. Le bruit se répandit, que j'avais été traduit et f. à la ch. s.

Je fu le dernier à apprendre ce bruit qui étoit devenu général; je me vus flétri [decouragé] dans l'opinion. Je fus découragé; je me battais, j'avais 20 ans. Je délibérais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassiner Vor. Dans le 1 cas je ne faisais qu'à confirmer un bruit, qui me déshonorait; dans le second je ne me vengeais pas, parce qu'il n'y avait pas d'outrage: je comettois un crime, je sacrifiais à l'opinion d'un publique, que je méprisais, un homme au quel tenoit tout et dont j'avois été l'admiration involontaire. Ces réflexions me déterminèrent.

Tels furent mes réflexions. Je les communiquais à un ami qui fut parfaitement de mon avis. Il me conseilla des démarches de

justification envers l'autorité. J'en sentis l'inutilité. Je résolu de mettre tant d'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligé de me traiter en criminel: j'aspirais la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation.

La conduite magnanime, libéral de l'autorité me toucha profondement, en déracinant entierement une ridicule calomnie, jusque à ma disgrâce. Depuis, s'il m'est quelques fois échappé des plaintes contre un ordre des choses reçu, si quelques fois je m'abandonnais à jeunes declamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans mes écrit, soit dans mes discours, la personne de V. M.

Sire, on m'accuse d'avoir compté sur la générosité de votre caractère; je vous ai dit la verité avec une franchise dont il seroit impossible d'être capable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui je recourre à cette générosité. [Ni ma campagne] Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse; un anevrisme de coeur exige une prompte operation, un traitement prolongé; la ville qui m'en était assignée ne peut me procurer aucun secours. Je supplie V. M. de me permettre le sejour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe ou je puis prendre soin de mon existence....

Черновое.

(Вторая редакция).

[Obligé de reconnaître l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce] Je me [fer.] serois fait un devoir de [la] supporter ma disgrâce dans un respectueux silence si la necessité [seule peut me contraindre] ne me contreignit a le rompre.

Ma santé a été fortement alterée dans ma première jeunesse, jusqu'à present je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une disaine d'année exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la verité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compter sur la générosité de votre caractère, j'avoue qu'aujourd' hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie votre majesté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

168.

А. А. Бестужеву.

[Конецъ мая — начало іюня 1825 г. Михайловское].

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего взгляда. У Римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку геніевъ — грѣхъ отнять это титло у таковыхъ людей, каковы Virgilій, Гораций, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій хотя они (виновать! Гораций не подражатель) — кромѣ двухъ послѣднихъ, шли столбовою дорогою подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италиі Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту, сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Addisona и Pope, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Skott, Moore и Byron — изъ этаго мудрено вывести какое-нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполне можно примѣнить къ одной Французской литературѣ.

У насъ есть критика а нѣтъ литературы. Гдѣ-жъ ты это нашелъ? имянно критики у насъ и недостаетъ. Отселѣ репутаціи Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка но конечно не великаго поэта. Онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга) и Хераскова и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина [полу-золотой полу-свинцовой] $\frac{1}{4}$ золотой $\frac{3}{4}$ свинцовой донинѣ еще не оцѣненъ. Ода къ Фелицѣ стоитъ на ряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой на см. Мещ., ода къ Zubovu недавно открыта. Княжнинъ безмятежно

пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитриевъ также. Мы не имѣемъ ни одинаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ, Крыловъ который [въ баснѣ] столь же вышѣ Лафонтена, какъ Держ. выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? библиографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся что это все не можетъ установить какого-нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почестся уложеніемъ вкуса. У одного только народа критика предшествовала литературѣ — у германцевъ. Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны — вотъ все что можно сказать объ васъ — но гдѣ-же критика? Нѣтъ, фразу твою скажемъ на оборотъ: литература кой какая у насъ есть а критики нѣтъ. — Впрочемъ ты самъ немного нижѣ съ этимъ соглашаешься.

Отъ чего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ? Во первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ — во вторыхъ гдѣ-же бываетъ много талантовъ.

Ободренія у насъ нѣтъ — и слава Богу! Отъ чего-же нѣтъ? Державинъ, Дмитриевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній: отъ этого онъ еще не нижѣ другаго. Карамзинъ кажется ободренъ; Жуковский не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя да Баратынскаго — и не говорю слава Богу!

Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарованія. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго Генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха; Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика — — — Держ-

жавину покровительствовали три Царя.— Ты не то сказалъ что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.— Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ ними отличается что не носитъ она на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести — а какъ онъ льстилъ?

О вспомни, какъ въ томъ восхищенъи

Пророча, я тебя хвалилъ:

Смотри, я рекъ, триумфъ минуту

А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Прочти посланіе къ А. (Жук. 1815 году) вотъ какъ рускій поэтъ говоритъ Рускому Царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ.... Объ нашей-то лирѣ можно сказать что Мирабо сказалъ о Сіесѣ. *Son silence est une calamité publique*. Иностранцы намъ изумляются — они отдають намъ полную справедливость — не понимая какъ это сдѣлалось — Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества — Аристократическая гордость сливается у нихъ съ Авторскимъ самолюбіемъ мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего подлець Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ что рускій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою — а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шести сотъ лѣтній дворянинъ — дьявольская разнища.

Все что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестр. и междуусобныхъ (прелесть!) подражателяхъ — прекрасно, выражено сильно, и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ. Вообще мысли въ тебѣ кипятъ.— Объ Онѣг. ты не высказалъ всего что имѣлъ на сердцѣ; чувствую по чему и благодарю — но за чемъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? — покаместъ мы будемъ [удерживаться] руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ — а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ напоминаетъ Турниры W. Scotta. Брось этихъ нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ; да полно тебѣ пи-

сать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами — это хорошо для поэмы Байронической. Романъ требует болтовни; высказывай все на чисто. Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драммы, смотритъ на солнце въ полночь (стр. 330), etc. Но описаніе стана Литовскаго, разговоръ плотника съ час. прелестъ, конецъ такъ же. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость.

Рылѣевъ покажетъ конечно тебѣ мои замѣчанія на его Войнаровскаго а ты перешли мнѣ свои возраженія. Покажѣсть обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности — а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. — Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

169.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

7-го іюня [1825 г. Остафьево].

Я получилъ вторую часть Онѣгина и еще кое-какія бездѣлки. Онѣгинымъ я очень доволенъ, т. е. многимъ въ немъ; но въ этой главѣ менѣе блеска чѣмъ въ первой и потому не желалъ бы видѣть ее напечатанною особнякомъ, а развѣ съ двумя, тремя, или покрайней мѣрѣ еще одною главою. Въ цѣломъ или въ связи со слѣдующимъ она сохранить въ цѣлости свое достоинство, но боюсь чтобы она не выдержала сравненія съ первою, въ глазахъ свѣта, который не только равнаго, но лучшаго требуетъ. Говорятъ, что Цыгане твои прелестъ, а я все ихъ не вижу, я который имѣю столько правъ и на стихи твои и на Цыганъ потому что безъ ума отъ тѣхъ и отъ другихъ. Я упивался твоими стихами и часто бывалъ пьянъ у Цыганъ. Что скажетъ объ этомъ признаніи потомство, если письмо попадется ему въ руки и если оно будетъ такой-же чопорный Бригадиръ какъ и настоящее? *Ce qui me dégoûte de l'histoire,*

disoit madame Sévigné, c'est que ce que nous voyons aujourd'hui, sera un jour de l'histoire. 12-го числа отправляюсь въ Петербургъ, или лучше сказать въ Царское-Село, проживу тамъ до 29-го, а послѣ отправлюсь въ Ревель купаться въ морѣ. Говорятъ, что и тебя готовятъ въ прокъ посолить. Правда-ли что у тебя аневризмъ въ ногѣ? Дай Богъ, чтобы не въ правой рукѣ. Охота тебѣ была печатать une réclamation на Телеграфѣ у подлеца Булгарина! Телеграфъ очень огорчился, а виноватъ былъ во всемъ я. Миѣ казалось осторожнѣе прибавить Журнальнымъ, потому что у тебя пріятелей много и могли бы попасть не въ попадь. Надобно совершенно разорвать съ Петербургскими журналистами. Вотъ тебѣ письмо отъ Телеграфѣ. Давай ему стиховъ и скажи чего хочешь, только не дорожись и не плутуй. Я буду Вашимъ сводникомъ. Отдаю ему твоего Курилку, только боюсь, чтобы ценсура не уморила его. Я очень радъ твоимъ стихамъ Козлову и какъ стихамъ и какъ чувству. Если: Ахъ тетушка! ахъ Анна Львовна! попадетъ на глаза Василью Львов., то заготовь другую пѣсню, потому что онъ вѣрно не перенесетъ удара. Сказываютъ, у Васъ умеръ еще добрый человекъ Петръ Львовичъ и оставилъ хорошее наследство. Смотри не перестань писать съ счастья: наследства такъ и падаютъ Вамъ на голову. А напротивъ, тебѣ надобно теперь еще прежняго быть умнѣе и одному поддерживать славу Пушкинскаго рода. Бѣдный и любезный нашъ Алексѣй Михайловичъ умеръ и снесъ въ могилу неистощимый запасъ шутокъ своихъ на Василья Львовича. Не выдавши ихъ вмѣстѣ, ты точно можешь жалѣть объ утратѣ оригинальныхъ и высококомическихъ сценъ. Намъ ужъ такъ сладко не смѣяться! Были выходки классическія! — Чтò скажешь ты о глупой войнѣ за и противъ Грибоѣдова? Наши умники такъ глупы, что моченьки нѣтъ: нѣтъ мочи хотя и много въ нихъ мочи.

Прощай, голубчикъ! Что-же ты голубчикъ не весело поешь? Жена тебѣ дружески кланяется, а я тебя обнимаю и желаю здоровія, терпѣнія и благоразумія, хорошихъ стиховъ желать нечего, потому что они и сами напрашиваются. Каково тонко и сладко сказано?

170.

Барону А. А. Дельвигу.

[Первая половина іюня 1825 г. Михайловское].

Жду, жду писемъ отъ тебя — и не дождусь — не принялъ-ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту — или ждешь оказіи? — проклятая оказія! ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь что я имѣлъ несчастіе потерять Бабушку Чичерину и дядю Петр. Льв. — получилъ эти извѣстія безъ приуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи — утѣшь меня, это священной долгъ дружбы (сего священнаго чувства).

Что дѣлаютъ мои Разн. Стих.? видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? отъ Плетнева не получаю ни единой строчки; что мой Онѣгинъ? продается-ли? къ стати: скажи, Плетневу чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи а не на комиссіи мои — потому что это напрасно: Такова безсовѣстнаго комиссіонера нѣтъ и не будетъ. — По твоимъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни Руской грамоты ни духа Рускаго языка. — (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова) — онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія. — Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. — Онъ не только не выдерживаетъ оды но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Чтожъ въ немъ: мысли картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей богу, Его Геній думалъ по татарски — а руской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ со временемъ переведенный изумить Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего что мы знаемъ объ немъ (не говоря ужъ о его министерствѣ) у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ а прочее сжечь — Геній его можно сравнить съ Ге-

ніемъ Суворова — жаль что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ — довольно объ Державинѣ — что дѣлаеть Жуковский? — Передай мнѣ его мнѣніе о 2-ой главѣ Онѣг., да о томъ что у меня въ пальцахъ. — Какую Крыловъ выдержалъ операцію? дай Богъ ему многія лѣта! Его мѣльникъ хорошъ какъ Демьянъ и Тока. — Видѣлъ-ли ты Н. М.? идетъ-ли впередъ Исторія? гдѣ онъ остановится? Не на избраніи-ли Ром.? Не благодарные! 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургѣ, въ Имп. Публ. Библіотеку.

171.

Н. Ѡ. Рылѣевъ — Пушкину.

[Первая половина іюня 1825 г. Петербургъ].

Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно; особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филиппики за нашего Великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова. Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого лѣнтяя, какъ я; лучше написать что нибудь новое. О Думахъ я уже сказаль тебѣ свое мнѣніе. Бестужевъ собирается отвѣчать тебѣ — и, правда, ему есть объ чемъ поспорить съ тобой касательно мнѣній твоихъ объ его Обзорѣніи. Главная ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе, и покровительство принимаешь за одно и то же. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія

твоего письма; но какое ободреніе? Полагаю, что характеръ и обстоятельства генія опредѣляютъ его. Можетъ быть, Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ куска хлѣба; Байрона подстрекало гоненіе и вражда съ родиной, Тасса — любовь, Петрарка — также; иначе быть не можетъ, и покровительство въ состояніи оперить, но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія. Пусть онъ производитъ свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденовъ, ни ключей камергерскихъ, тогда онъ не будетъ безъ денегъ, слѣдовательно, — безъ пропитанія; онъ тогда будетъ обезпеченъ. Геній же немного и требуетъ въ жизни. Тогда потерпять, быть можетъ, только одни самозванцы-геніи. Прощай, геній. Твой Рылѣвъ.

Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія. Войнаровскаго вышлю съ слѣдующею почтою.

Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ. Ты самъ по себѣ молодецъ.

172.

К. Ѡ. Рылѣву.

Черновое.

[Вторая половина іюня 1825 г. Михайловское].

Мнѣ досадно, что Рылѣвъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ; и что — слава Богу? Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы; въ теченіе шести лѣтъ посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ,

сколько разъ меня хвалили по-дѣломъ и по-напрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма тако-то журналиста, нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся, никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ уже лучше даромъ быть благороднымъ человекомъ. Ты сердисься за то, что я хвалюсь шестисотлѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отсель — гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромя меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ графъ Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего — такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего — такъ служи да не сочиняй. Милый мой! Ты — поэтъ, и я — поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

 173.

В. А. Жуковскому.

[Юнь — июль] 1825 г. Михайловское.

Неожиданная милость Его Величества тронула меня несказанно, тѣмъ болѣе что здѣшній Губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ; но я строго придерживался повелѣнію высшаго начальства —

Я справлялся о Псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по Ветеринарной части и извѣстнаго въ ученѣмъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей.

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ,

тѣмъ не менѣ чувствуя отеческую снисходительность Его Величества.

Боюсь чтобъ медленность мою пользоваться Монаршей милостию не почли за небреженіе или возмутительное упрямство. — Но можно-ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ что 10 лѣтъ не думавъ о своемъ Аневризмѣ, не вижу причины вдругъ объ немъ расхлопотаться — Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца Императора, авось-либо позволить онъ мнѣ со временемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкаря по довѣрчивости собственнаго разсудка а не по приказанію вышшаго начальства —

Обнимаю тебя горячо. А. Пушкинъ.

1825 1).
Михайл.

На оборотъ: В. А. Ж.

174.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало іюля 1825 г. Михайловское].

Думаю что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему что тебѣ попадется (кромѣ Онѣгина) если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный — но враль и невѣжда; а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть

1) Мѣсто съ датой мѣсяца вырвано съ печатью.

эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею; пожалуй, я подряжусь выставить по столыку-то піэсъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ возхошетъ Богъ да Бируковъ. — Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мѣлочную, лавку № 1, запираю. Къ тому же, между нами, братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на дѣвокъ да на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается и дай Богъ имъ обоимъ разторговаться съ моею легкой руки. *A demain les affaires sérieuses...*

Какую пісню изъ *Veranger* перевелъ дядя В. Л.? Ужъ не *Le bon Dieu* ли? Объяви ему за тайну что его въ томъ подозрѣваютъ въ П. Б. и что готовится уже слѣдственная комисія, составленная изъ Гр. Хвостова, Магницкаго и Г-жи Хвостовой (автора Камина, и слѣдств. соперницы В. Л-ча)— Не худо уведомить его что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если не чрезвычайная извѣстность (*extrême popularité*) его опаснаго сосѣда. Опасаются шума! — Какъ жаль что умеръ А. М! и что не выдалъ я Дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно. — Я послалъ въ Пчелу, а не въ Тел., мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я недаромъ отозвался, *et le diable n'y perd rien*. Вотъ еще Эпиграмма на Благон. который говорятъ критиковалъ моихъ приятелей.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей,
Журнальный Шутъ объ нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи-жъ злодѣй!
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ Пол. Ты уже думаю, босо-ножка, полощешься въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею Псковскаго неба и жду чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ и золотыя дожди остановились—Ойта въ сторону, у насъ холодно и грязно—Жду разрѣшенія моей участи.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

175.

Князю П. А. Вяземскому.

13-го іюля [1825 г. Михайловское].

Братъ писалъ мнѣ что ты въ Ц. С. что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду жду письма и не дождусь — что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? и что твой Байронъ или Бейронъ (Toi, dont le monde encor (sic) ignore le vrai nom!). Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса на замѣчанія Наполеона — чудо — хорошо! Твой слогъ живой и оригинальной тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ что заступился явно за галлицизмы. Когда нибудь должно же въ слухъ сказать что Руской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобіи Французкаго; (яснаго точнаго языка прозы—т. е. языка мыслей—). Объ этомъ есть у меня строфы 3 и въ Онѣг. За твоей статьею слѣдуетъ моя о M-d de Stael. Но не разглашай этаго: тутъ есть одно Великодушіе поставленное вопервыхъ ради Цензуры а вовторыхъ для вящшаго анонима (родъ онанизма журнальнаго). Вѣроятно ты уже знаешь Царскую ко мнѣ милость и позволеніе приѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволожскаго, очень искуснаго коновала;

увидимъ. Покаместъ душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ за который ты меня разцалуешь: Романтическую Трагедію! — смотри молчи-же: объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди объ немъ какъ Езуитъ — по намѣренію. Милый мой! мое намѣреніе обнять тебя но плоть немощна. Прости, прощай. — Съ тобою-ли твоя Княгиня-лебедушка? клапайся ей отъ Арзамасскаго гуся.

13-го іюля.

Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть чтобъ не написать ея заглавія: Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о Ц. Борисѣ и о Гришкѣ Отр. Писалъ рабъ Божій Алекс. сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ. Каково?

На оборотъ: Его Превосходительству Николаю Михайловичу Карамзину. Въ Царскомъ Селѣ. Пр. дост. Князю П. А. Вяземскому.

176.

Плетневъ — Пушкину.

18 Іюля, 1825. С. П. бургъ.

Дѣло объ отпускѣ твоемъ еще не совсѣмъ рѣшилось. Очень вѣроятно, что при докладѣ сдѣлана ошибка. Позволено тебѣ не только съѣздить, но, если хочешь, и жить въ Псковѣ. Изъ этаго видно, что просьбу объ отпускѣ для излѣченія болѣзни поняли и представили, какъ предлогъ для нѣкотораго разсѣянія, въ которомъ ты вѣроятно имѣешь нужду. А то извѣстно, что въ Псковѣ операціи сдѣлать некому. И такъ на этихъ дняхъ будутъ передокладывать, что ты не для разсѣянія хочешь выѣхать изъ Михайловскаго, но для операціи дѣйствительной. Вотъ, почему никто тебѣ объ этомъ и не пишетъ. Сдѣлай милость, ты успо-

койся. Тебя всѣ твои друзья и братья любятъ. Льву я не показывалъ твоихъ послѣднихъ двухъ писемъ и не говорилъ, что ты писалъ ко мнѣ. Онъ, можетъ быть, по молодости лѣтъ и разсѣянъ, но тебя очень любитъ. Твое ожесточеніе огорчило бы его. Что жъ за радость мнѣ быть причиною вашей ссоры, которая произошла отъ недоразумѣнія? Напиши ему просто, что бы онъ скорѣе кончилъ переписку разн. стих. По твоему желанію посылаю Руслана и Кавказ. Плѣн. съ нѣмецкимъ переводомъ, потому что перваго изданія нигдѣ нѣтъ.

Когда будетъ тебѣ нужда въ деньгахъ, напиши ко мнѣ только: пришли (имярекъ рублей)! Я всегдамог у для тебя достать.

Объ изданіи поэмъ напиши только, въ какомъ форматѣ печатать. Не взять ли форматъ изданія французскихъ поэтовъ XIX вѣка у *Ladvozat* въ 16-ю большую долю. Дельвигъ тебѣ писалъ обо всемъ, что ты отъ него хотѣлъ знать.

Прилагаю письмо для П. А., полагая, что она еще не уѣхала. Старина русская посылается ей же. Плетневъ.

Въ концѣ страницы рукою Пушкина написано:

Не курится тамъ огонекъ малешенекъ

• • • — | • • • | • — • — • •

177.

Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

21-го іюля [1825 г. Михайловское].

Je vous écris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hebien! êtes-vous à Riga? avez-vous fait des conquêtes? vous mariez-vous bientôt? Avez vous trouvé des Houlans? mandez-moi tout cela dans le plus grand détail, car vous savez que malgré

mes mauvaises plaisanteries, je m'intéresse véritablement à tout ce qui vous concerne — Je voulais vous gronder mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse — Pour de la moral et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien — 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis (au masculin) ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte au lieu que les amies vous feront du tort; car mettez vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-mêmes. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les temps, quand même ce serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque temps, mais ¹⁾ n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit, что съ вами нездорово вальсировать, ne riez pas, ne minaudiez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous ²⁾, détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la d-re éd. de Byron.

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc. . . . et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier — où donc avais-je ma tête? Sur ce, parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante Не мила ей прелесть NB: ночи, et celà me serre le coeur, hier M-r Alexis et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup! innui? ³⁾ Conformité de sentiment? Je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: elle était là — la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table, auprès d'une heliotrope fanée; j'écris beaucoup de vers — tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais

1) Здѣсь зачеркнуто какое то слово.

2) Послѣ «vous» зачеркнуто одно слово.

3) Такъ въ подлинникѣ.

amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué — — — cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir éveillé, occupé son imagination je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse, que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse — — non cette idée m'est insupportable, dites lui que j'en mourrai, — non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette délicieuse créature! Mais dites-lui que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancholique et mystérieux¹⁾, je la méprise, entendez-vous? oui je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, M-lle la Baronne, recevez l'hommage de votre pro-saïque adorateur.

21 juillet.

P. S. Envoyez moi la recette que vous m'avez promise; j'ai fait tant de farces que je n'en puis plus — Maudite visite, maudit départ!

178.

Барону А. А. Дельвигу.

23-го іюля [1825 г. Михайловское].

Сей часъ узнаю что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня недошло, дай Богъ чтобъ новой Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя беспокоюсь; не сказалъ ли ты чегонибудь лишняго или необдуманнаго; участіе дружбы можно пере-

1) Здѣсь зачеркнуто какое-то слово.

толковать въ другую сторону — а я боюсь быть причиною неприятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Во Псковѣ конечно есть лѣкаря — чего-жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входить не намѣренъ — Онъ знаетъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копейки денегъ въ минуту нужную, я незнаю когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени — Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того чтобъ читать ихъ на ужинахъ, и украшать ими Альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ — если нѣтъ то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ а ты ужъ похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ Августѣ поздравляю мой милый — будь щастливъ хоть это чертовски мудро — Цалую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига.

28 июля.

П. А. уѣхала и я одинъ.

За чѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность?.... Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость —

Нѣкто Либій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ Римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безводномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря что человѣка, коему дарована жизнь недолжно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! — Чѣмъ болѣе читаю Тацита тѣмъ болѣе мирюсь съ

Тибериѣмъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ Государственныхъ умовъ древности —

На оборотѣ: Б. Дельвигу.

179.

А. П. Кернъ.

25-го июля [1825 г. Михайловское].

J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous, l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au désir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé un impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленинъ. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que Vous ayez de la pitié dans l'âme—mais la frivolité est toujours cruelle, en vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à-travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu, divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ерм. Фед. et mes compliments à M-r Voulf.

25 j-llt.

Je reprend la plume [pour] car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de Vous. J'espère que vous lirez cette lettre en cachetie — la cacherez-vous encore dans votre sein? me répondrez-vous bien longuement? écrivez-moi tout ce qui Vous passera par la tête — je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon cœur saura vous reconnaître.

Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal. — Savez-vous bien qu'en rélisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental — que dira Ан. Никол.? Ахъ, вы, чудотворка или чудотворца!

Savez-vous quoi? écrivez-moi.

Поперекъ письма слѣдующая притиска другою рукой: «Comme cela et comme cela, c'est si joli».

180.

П. А. Осиповой.

25-го июля [1825 г. Михайловское].

Voici, Madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et étoit incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres vous serez arrivée à Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Petersburg étoient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'écrit une nouvelle assez étrange: la décision de S. M. leur a paru un malentendu et l'on est résolu de lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlüsselbourg où certes je n'aurois pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiemment de vos nouvelles — donnez m'en, je vous en supplie — je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 juillet.

181.

Л. С. Пушкину.

28-го іюля [1825 г. Михайловское].

Еслибъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался какъ на брата — между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячь 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ-ли остальные 500, и осталось-ли что-нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ — онѣ еще не собраны, не цензурованы — ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ Моск. публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году — а я на тебя полагался. Упрекать тебя не стану, а благодарить ей Богу не за что.

28 іюля.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами: прошу единственно вполне истолковать Плетневу мои обстоятельства — полагаюсь на его дружбу. Если-жъ ты захочешь продиктовать Цыгановъ для отдачи въ Цензуру, покаместъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены-ли Вяземскому 600 р.?

На оборотной сторонѣ рукою Н. В. Всеволожскаго написано: „Въ Февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ Апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ по особенной моей просьбѣ свою черную тетрадь: думаль-ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради, или нѣтъ?“

182.

И. Ф. Моеру.

29-го іюля 1825 г. Михайловское.

Сей часъ получено мною извѣстіе что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ приѣхать во Псковъ для совершенія операціи; нѣтъ сомнѣнія что вы согласитесь; но умоляю Васъ, ради Бога не приѣзжайте, и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція требуемая аневризмомъ слишкомъ маловажна чтобъ отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопробыванія. Благодареніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти. Я не долженъ и не могу согласиться принять его; смѣло ссылаюсь на собственный Вашъ образъ мыслей и на благородство Вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать Вамъ мое глубочайшее уваженіе какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго. Александръ Пушкинъ.

С. Михайловское. 29 іюля 1825.

На оборотъ: Его Превосходительству Милостивому Государю Г-ну Моеру. Въ Дерптъ.

183.

П. А. Осиповой.

29-го июля [1825 г. Михайловское].

Vous-avez reçu, Madame, de Pskov une lettre inutile que j'ai anéantie. — Je vous envoie une autre de Batova et une autre de ma mère. Vous verrez quelle belle âme est ce Жуковский. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire faire l'opération par Moer je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskov. Je ne sais d'où viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

Rokotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au château de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poétique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir — Ses aimables hôtes devraient bien se hâter d'y retourner, mais ce souhait tient trop à mon égoïsme de famille; si Riga vous amuse, amusez-vous et souvenez-vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à d. de Michailovsky) vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 juillet.

Au nom du ciel, Madame, n'écrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moer. Cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

184.

Н. Н. Раевскому.

(Черновое).

[Конецъ юля — начало августа 1825 г. Михайловское].

Où êtes-vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: Mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter; ma mère a écrit à S. M., et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allois voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vielle bonne et ma tragedie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'écrivant, j'ai réfléchi sur la tragedie en general [et si je me melais de faire une préface, elle seroit piquante]. C'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la vraisemblance, et c'est justement [la vraisemblance] elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc., quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés, dont l'une est occupée par deux mille personnes qui sont sensés n'être pas vus par ceux qui sont sur les planches; 2) la langue. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends les doux sons de la langue Grecque, etc. Voyez les anciens: leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est il pas [pourtant] une invraisemblance conventionnelle? 3) le tems, le lieu etc., etc. Les vrais génies de la tragedie [Shakespeare et Corneille] ne se sont jamais soucié de la vraisemblance.

Voyez comme [ce dernier] Corneille a bravement [traité] mené le Cid. Ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit, et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus [ridicule] inutile à mon avis que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'a-partie, il le supprime et là dessus allonge le monologue et pense avoir fait faire [un pas énorme à] une révolution dans le système de la tragédie [comme si le monologue avoit plus de vraisemblance que l'a-partie!] quelle [petitesse] puérité!

[Le développements des passions et des caractères du] La vraisemblance des situations et la vérité [du costume] du dialogue — voilà la [seule] véritable règle de la tragédie [Sch. à saisi les passions; Göthe — le costume]. Je n'ai pas lu Calderon, ni Vega, mais quel homme que ce Sch.? Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu [de] qu'un seul caractère [excepté. et c'est le sien] (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pour quoi il est si facile [au poète] de les peindre), ce Byron donc [dans la tragédie] a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un; sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc., et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie.

[Chaque homme aime, hait, s'attriste, se réjouit — mais chaque un à sa manière — et là dessus lisez Sch.]. On a encore une manie [manie digne d'un roman d'Au. Lafontaine]: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus [triviales] étrangères, [à ces passions] en porte essentiellement l'empreinte (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding). Un consp. dit Donnez moi [de la soupe] à boire en conspirateur — ce n'est que ridicule [le poète a peur. le caractère se laisse voir seulement dans]. [Par ex.]. Voyez le Haineux de Byron (ha pagato!) — cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce [dans] la nature

[est-ce la vie? et là dessus]? De là cette gêne et cette timidité de dialogue. Lisez Sch. [c'est mon refrain] il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en tems et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie, est-elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai taché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développé, je puis créer.

185.

П. А. Осиповой.

(Отрывокъ).

[Конецъ юля — августъ 1825 г. Михайловское].

Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante.

186.

П. А. Осиповой.

1-го августа [1825 г. Михайловское].

J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc. voici toutes les nouvelles

que je puis vous donner; je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 Août.

187.

Н. А. Полевому.

2-го августа [1826 г.]. Михайловское.

Милостивый Государь!

Виновать передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо, хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа, и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи — это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему Журналу (конечно лучшему изъ всѣхъ нашихъ Журналовъ). Я писалъ К. Вяземскому, чтобъ онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней.

Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ онѣ понравились нашей публикѣ.

Свидѣтельствую вамъ искреннее свое уваженіе. Александръ Пушкинъ.

2 Августа, Михайловское.

188.

П. А. Плетневу.

[Начало августа 1825 г. Михайловское].

Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье
(въ посвященіи Н. Р. послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.

Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, дѣсь шумитъ, шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондомерскаго речитатива; я общалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo e scritto in presenza della donna, come ognun può veder. Addio, caro poeta. Scrivetemi, vi prego.

Tutto il vostro.

На оборотѣ: П. А. Плетневу.

189.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

4-го августа [1825 г.]. Ревель.

На дняхъ получилъ я твое письмо отъ 15-го іюля, а передъ тѣмъ еще. Я радъ, что ты ѣдешь въ Псковъ, во первыхъ для

здоровья, а во вторыхъ и для будущаго. Только ты сдѣлай милость, не ступи этаго перваго шага лѣвшею, какъ Людовикъ 18-й выходя изъ корабля въ Кале; такъ что говорили, que c'étoit la première gaucherie de la Restauration. Пусть будетъ этотъ первый шагъ правый, твердый и прочный. Ты довольно вилять, но какъ ни виляй,

Все придешь къ тому-же горю,
Что велить намъ умереть! . .

Право, образумся, и вспомни — собаку Хемницера, которую каждый разъ короче привязывали, есть еще и такая привязь, что разомъ угомонить дыханіе; у султановъ она называется почетнымъ снуркомъ, а у насъ этотъ поясъ называется Уральскимъ хребтомъ. Надѣюсь, а пуще желаю, чтобы Псковъ принесъ тебѣ пользу. Я русскихъ журналовъ здѣсь не вижу и потому ни себя ни тебя не читалъ въ Телеграфѣ. Вѣрно и меня пощипала ценсура. Я полагалъ что буду здѣсь много заниматься и много творить: выходить что ничѣмъ и ничего. И мой Бай, или Бей-ронъ бай бай! За то самъ байронствую сколько могу. Ныряю и прядаю! Здѣсь есть природа, а особливо для насъ, плоскихъ Москвичей. Есть будто море, будто солнце, суть будто скалы.

И тайною тоской и тайной нѣгой полный
Гляжу на облака, луга, скалы и волны!

Здѣсь есть и Льва Сергѣича сестра, милое, умное, доброе созданіе, съ которою видимся разъ десять въ день и говоримъ о племянникѣ Василья Львовича. У меня до сей поры твоихъ стиховъ только вторая часть Онѣгина, вторая часть Хвостова и еще двѣ бездѣлки. О другихъ стихахъ слышу, но рука неметъ. Недѣли черезъ двѣ буду въ Питерѣ и вырву ихъ самъ изъ когтей Львиныхъ. Его Величество, царь звѣрей и царь твоихъ стиховъ читалъ мнѣ Цыганъ. Ты ничего жарче этаго еще не сдѣлалъ, и можешь взять въ эпиграфъ для поэмы, стихи Державина изъ Цыганской пѣсни:

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Шутки въ сторону, это, кажется, полнѣйшее, совершеннѣйшее, оригинальнѣйшее твое твореніе. Твоего Шенъе въ темницѣ не знаю, но благодарю уже за одно заглавіе. Предмѣтъ прекрасный! Шенъе въ своей школѣ единственный поэтъ Французскій: онъ показалъ, что есть музыка, т. е. разнообразіе тоновъ въ языкѣ Французскомъ. Спасибо и за трагедію, о которой мнѣ Жуковский уже говорилъ: тутъ есть ночь знаменитая! Впередъ! Неужели Дельвигъ сердился на меня за молчаніе? Я хоронилъ и умиралъ, вотъ причины моей невѣжливости. Онѣ достаточны. Оправдай меня передъ нимъ, хотя и самъ я съ нимъ видѣлся и извинялся. Для Цвѣтовъ дамъ ему своей ромашки. Вотъ пожалуй что вылилось у меня здѣсь! Только надобно кое-что исправить. Замѣть и доставь мнѣ замѣчанія.

Нарвскій водопадъ.

Несись съ неукротимымъ гнѣвомъ
Сердитой влаги Властелинъ, — *сла сла!*
Надъ тишиной окрестной, ревомъ
Господствуй бурный исполинъ!

Жемчужною, *кипащей* лавой студеной.
За валомъ низвергая валь
Мятежный, дикій, величавый
Перебѣгай ступени скалъ!

Дождь брызжетъ съ непрерывной сшибки
Волны сразившейся съ волной
И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій
Вдали твой предъявляетъ бой!

Все разъяреннѣй, все угрюмѣй
Летишь, какъ Геній непогодъ
И мыслью погружаюсь въ шумъ
Твоихъ междоусобныхъ водъ.

Но какъ вокругъ все безмятежно
И утомленныя тобой,
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно
Любуясь сельской тишиной.

Твой ясный берег чуждъ смятеню,
 На немъ цвѣтетъ Весны краса
 И вмѣстѣ миру и волненю
 Свѣтлѣють тѣ же небеса.

Но ты питомецъ тайной бури,
 Игралище глухой войны
 Ты не зеркало ихъ лазури
 Вотще блестящей съ вышины;

Подъ грознымъ знаменемъ свободы
Несешь залогомъ бытія таишь
 Зародышъ вѣчной непогоды
 И вѣчнобьющаго огня!

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный
 Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
 Какъ средь пустыни вихоръ знойный,
 Какъ страсть въ святилищѣ души!

Какъ ты внезапно разгорится,
 Какъ ты растетъ она въ борьбѣ,
 Терзаетъ лоно гдѣ родится
 И поглощается въ себѣ.

Я доволенъ тутъ однимъ нравственнымъ примѣненіемъ, но стихи что-то холодны! Я совсѣмъ отвыкъ отъ стиховъ. Я говорю, какъ на иностранномъ языкѣ: можно угадать мысли и чувства, но нѣтъ для слушателей увлеченія краснорѣчія. Неправильно? Признайся! Я въ стихахъ Франклинъ на Французскомъ языкѣ: сдается какое-то чужезычье. — Женя со мною нѣтъ. Она въ Остафьевѣ, гдѣ и я буду въ началѣ Сентября. Авось тамъ примусь баять о Байронѣ. Между тѣмъ все эта мысль гнѣздится у меня въ головѣ и собираю всѣ возможные материалы. Прости. Пиши и лѣчись; вылѣчись, но не выпишишь, развѣ выпишишь изъ ссылки. Объ Одессѣ ничего не знаю, кромѣ того, что Графъ Воронцовъ навезъ съ собою изъ Петербурга дождь милостей и что Яковъ Сабуровъ къ нему опредѣлился.

Здѣсь есть пріятельница сестры твоей, Дорохова, въ которую влюбилъ и которую воспой непремѣнно, когда познакомишься. Бѣлокурая Вакханка, полуденная нѣга на сѣверной

почтѣ, виноградъ на ошѣгу, чего-то нѣтъ, но многое что есть: небрежность! Голосъ пріятный, а поеть, то-есть, сказываетъ стихи на рускій ладъ нашихъ барышень. Напримѣръ изъ твоей Молдавской гѣсени:

Однажды я созвалъ нежданныхъ гостей.

Это сочетаніе двухъ словъ — самое нѣльзя прелести! Я сказывалъ ей, что увѣдомляю тебя о поправкѣ стиха. Сдѣлай одолженіе, душа, напечатай его такъ въ полныхъ своихъ стихотвореніяхъ. Здѣсь на водахъ былъ у насъ Дубенскій, пріятель твоего отца. Онъ однажды говорилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ: *j'ai coulé des jours fils d'or et de soie, comme disoit M-dme Sévigné.* — Это напомнило мнѣ *le flagrant délit, comme disoit Napoléon Чернышева.* Помнишь-ли?

190.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

5 августа, 1825. С. П. б.

Ты напрасно думалъ, что книгопродавцы наши согласятся на твое выгодное для нихъ предложеніе. Они такіе еще варвары, что не смѣю и сказать, на какихъ условіяхъ желали бы они пріобрѣсть право изданія поэмъ твоихъ. Оставимъ ихъ. Поспѣшимъ лучше сами все приготовить и начнемъ сами печатать. Мнѣ очень жаль, что я не могу много прислать тебѣ денегъ. Впрочемъ на этой почтѣ я приказалъ Сленину отправить къ тебѣ все, что у него по моему послѣднему съ нимъ счету оставалось, т. е. 725 руб. Покажѣсть поживи ими, а осенью будутъ новыя для тебя деньги, когда возвратятся кушны съ Макарьевской яр. Между тѣмъ вотъ и отчетъ въ этихъ деньгахъ.

28 Марта, при посылкѣ 1000 руб., я сказывалъ тебѣ, что на книгопродавцѣ осталось 7 р. 50 к. Онъ показавъ, что 7 руб. имъ издержаны на разныя посылки по твоимъ коммисіямъ. Вновь же Ошѣгина продано (кромѣ тѣхъ, о которыхъ я уже тебя увѣдомлялъ, т. е. къ 1-му Марта 700 экз., да къ 28 Марта 245 экз.)

161 экз., т. е. на 724 руб. 50 к., а прибавь къ этому бывшія на книгопродавцѣ 50 к., получить ты и долженъ ровно 725 р. И такъ, что бы привести въ ясность тебѣ весь ходъ этой торговли, я повторю: Напечатано 2400 экземпляровъ; за деньги изъ нихъ прод: 1106 экз., а безъ денегъ вышло для разныхъ лицъ 44 экз. Слѣдовательно продать осталось еще 1250 экз. И ихъ-то я рѣшился для скорѣйшей продажи уступать книгопродавцамъ по 20 процентовъ, т. е. что бы тебѣ съ нихъ за экземпляръ брать по 4 руб., а не по 4 р. 50 к., какъ было прежде. Доволенъ ли ты моими распоряженіями?

По твоему желанію я послалъ тебѣ Руслана, Плѣнника и Пенинскаго Грам. Я бы желалъ, что бы меня обстоятельно извѣщалъ, что получаешь отъ меня по своимъ порученіямъ. Иначе меня могутъ обмануть. Я не могу самъ все доставлять на почту, а предписываю книгопродавцу, который радъ все писать на счетъ, а ничего не выполнять, буде есть возможность.

Сдѣлай милость, заключи мировую съ Левушкой. Онъ ничего не знаетъ, и въ надеждѣ, что ты съ нимъ по прежнему, отшучивается, когда ему говорю, какъ онъ спѣшитъ перепискою разн. стих. Прикрикни на него по старому, и онъ разомъ отдаетъ мнѣ тетрадь готовую для Цензора. Мы всѣ отъ себя обезденеживаемъ. Говорятъ, куй желѣзо, пока горячо, а у насъ оно стынетъ. Да приготавливай поскорѣе предисловія и поправки ко всѣмъ поэмамъ. Я ихъ разомъ тисну, и приплю тебѣ послѣ этаго черезъ недѣлю то, за что ты ихъ хотѣлъ совсѣмъ продать. Слова Богу, что купцы-то еще глупы, а то тебѣ разоренье съ ними.

Для операціи къ тебѣ приѣдетъ изъ Дерпта Моэль (если не ошибаюсь), который былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. Когда онъ услышалъ, что у тебя аневрисмъ, то сказалъ: Я готовъ всѣмъ пожертвовать, что бы спасти перваго для Россіи поэта. Это мнѣ сказывала Воейкова, которая къ нему о тебѣ писала: а ты не хочешь ей пожертвовать для Альбома ни однимъ стихомъ. Грѣшно!

Жчковскій тебя обнимаетъ. Онъ къ тебѣ самъ напишетъ. Ты не повѣришь, съ какимъ онъ участіемъ всегда говоритъ о тебѣ. Напрасно ты мизантропствуешь. Карамзинъ и всѣ твои прежніе друзья остались къ тебѣ разположены по прежнему. Ты только люби Поэзію, а тебя всѣ не перестанутъ и любить

и почитать. Ты вѣрно живѣе каждаго чувствуешь: чего здѣсь и желать можно, кромѣ славы, спокойствія самодовольной души и добрыхъ друзей?

191.

П. А. Осиповой.

8-го августа [1825 г. Михайловское].

C'est hier que j'ai reçu, Madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivé à Riga — Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible. Elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. Ан. Богд. m'a dit qu'on vous y attendoit vers la mi-août. Je n'ose l'espérer.

Que vous disoit donc M-r K. concernant la surveillance paternelle de M-r A. à mon égard? sont-ce des ordres positifs? M-r K. y est-il pour quelque chose? ou ne sont-ce que des bruits publics?

Je suppose, Madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles Européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg je ne sais rien de ce qui s'y passe. Nous attendons l'automne, mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenêtre.

Adieu, Madame. Recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté. C'est vous qui m'avez fait apprécier le charme de la première.

8 août.

На оборотѣ: à Madame Madame Ossipof à Riga.

192.

В. А. Жуковскій — Пушкину.

9-го августа 1825 г. [Петербургъ].

Прошу тебя, мой милый другъ, отвѣчать немедленно на это письмо. Рѣшился ли ты дать сдѣлать себѣ операцію и согласишься ли поѣхать для этаго во Псковъ? Операторъ готовъ. Это Мойеръ, Дерптскій профессоръ, мой родня и другъ. Прошу въ немъ видѣть Жуковскаго. Онъ тотчасъ къ тебѣ отправится, какъ скоро узнаетъ, что ты его ожидаешь. И такъ увѣдоми меня съ точнѣйшею точностію, когда будешь во Псковѣ. Сдѣлай такъ, чтобы на той квартирѣ, которую займешь для себя была горница и для моего Мойера. А я обо всемъ, что къ тебѣ пишу, нынче же извѣщу его. Прошу не упрямиться, не играть безразсудно жизнію и не сердить дружбы которой твоя жизнь дорога. До сихъ поръ ты тратилъ ее съ недостойною тебя и съ оскорбительною для насъ расточительностію, тратилъ и физически и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграммою но должна быть возвышенною поэмою. Не хочу по пустому ораторствовать; лучший для тебя ораторъ есть твоя судьба; ты самъ ее создалъ и самъ же можешь и долженъ ее перемѣнить. Она должна быть достойна твоего Генія, и тѣхъ, которые какъ я знаютъ ему цѣну, его любятъ и потому тебя не оправдываютъ. Но это еще впереди. Теперь намъ надобна твоя жизнь. Нельзя ли взять на себя трудъ объ ней позаботиться хотя изъ нѣкотораго вниманія къ друзьямъ своимъ. Отвѣчай мнѣ немедленно: А я обнимаю тебя сердечно. Твой Жуковскій.

Мой адресъ: въ Аничковскомъ дворцѣ отдать для доставленія швейцару.

193.

Князю П. А. Вяземскому.

10-го августа [1825 г. Михайловское].

Накупался-ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? напиши пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что твой Байронъ? перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ-ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго, хотъ эпиграммъ? Знаешь-ли его лучшую эпиграмму; Что нужды? говорить разчетливый etc. Винавать! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ 1, 2, 3—7, 8—4, 5, 6.— Не напечатать-ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ, если Цензура не пропуститъ осьмаго стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: Я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелестяѣ послѣ посвященія Войнаровскаго — на которое мой Дельвигъ уморительно сердится.

Что Карамзины? я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія — а все люблю ихъ отъ всего сердца. Ж. со мной такъ проказить что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словѣсность? настоящій <.....>! Мнѣ жаль, что отъ Кюх. отбили охоту [отъ] къ журналамъ, онъ человекъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ — хотъ и сумазбродъ. Жду разбора Шихматова, то-то вранья, чаю! Сей часъ прочелъ Анти-критику Полевова. Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! — Разборъ новой пятайки басенъ — вотъ критика. Когда-то мы возьмемъ за журналъ! Мочи нѣтъ хочется а покамѣсть смотри хотъ за Полевымъ. — Чѣмъ мнѣ тебя поподчивать? вотъ тебѣ мои бон-мо (Ради соли, вообрази что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26): Qu'est ce que le sentiment? — Un supplement du temperament.

Что болѣе вамъ нравится? запахъ розы или резеды? — Запахъ селедки.

10 Авг.

На оборотѣ: Кн. П. А. Вяземскому.

194.

П. А. Осиповой.

11-го августа [1825 г. Михайловское].

Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, Madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent autant que vos soins généreux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais c'est que les sentimens que je vous ai voués seront éternellement les mêmes — J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Je crois comme vous, Madame, que les bruits qui sont venus à M-r Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger. Ces jours-ci j'ai été chez Pechtchourof l'avocat patelin — comme vous l'appellez — il me croyoit à Pskov (NB) — Je compte voir encore mon vieux nègre de Grand' Oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matin et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je presente mes respects à toute l'aimable famille et suis Madame votre tout dévoué.

11 août.

195.

В. И. Туманскому.

13-го августа [1825 г. Михайловское].

Буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда. Милый мой Туманскій, у меня до тебя просьба, надѣюсь что не откажешься оказать мнѣ истинное одолженіе. Вотъ въ чемъ дѣло: за нѣсколько дней предъ моимъ отъѣздомъ изъ Одессы, Савеловъ и я играли у Лучича; Лучичъ проигралъ мнѣ 900 р. изъ коихъ 300 заплатилъ мнѣ на другой же день, а остальные 600 перевелъ на Савелова, который и согласился. При моемъ внезапномъ отъѣздѣ я занялъ эти [900] 600 р. у Кн. Вяземской (съ согласія же Савелова). Послѣ, узнаю что онъ отрекается отъ своего долга. Деньги эти пропали, такъ и быть, но боюсь чтобъ это не перетолковали мои приятели, которыхъ у меня много, и всѣ охотники до толковъ. Расскажи это просто *par manière de conversation*, Лучичу. Онъ человѣкъ честной и вѣрно не солжетъ въ дѣлѣ касающемся до чести. Повторяю что денегъ этихъ мнѣ не нужно, и что даже возиться съ Савеловымъ я не намѣренъ. Отпиши мнѣ отзывъ Лучича, вотъ и все.

— Объ Одессѣ кромѣ Газетныхъ извѣстій, я ничего не знаю, напиши мнѣ что нибудь. О себѣ скажу тебѣ что я совершенно одинъ; Царь позволилъ мнѣ ѣхать во Псковъ для операціи моего аневризма и Моэръ хотѣлъ ко мнѣ приѣхать — но я просилъ его не беспокоиться и думаю не тронусь изъ моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали противъ воли моей, и кажется, только испортили мою участь. Что ты? что твоя поэзія? Изрѣдко и слишкомъ рѣдко, попадаютъ мнѣ твои стихи. Сдѣлай милость, не забывай своего таланта. Боюсь чтобъ Проза жизни твоей не одолѣла поэзіи души. Дѣвушка вл. поэту — прелесть! сидя съ Авторами одно не хорошо.

Не такъ-ли:

Со мной ведете ль разговоры
Вамъ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего
Безъ выраженья ваши взоры

etc. Кланяйся всѣмъ бывшимъ моимъ товарищамъ, свидѣтельству мое почтеніе В. Д. и А. И. Прощай, мой милый. 13 авг.

Адресъ мой: въ Опочку въ село Тригорское. Ея Высокор.
Прасковьи Александр. Осиповой.

196.

А. П. Кернъ.

14-го августа [1825 г. Михайловское].

Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!... et puis: ахъ, мерзкая! — Pardon, belle et douce, mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par ex., que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous convenir et vous plaire (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous-entendu, je ne conçois pas ce que vous désirez. Me demandez-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty. Allons, gardez toujours le «не скоро, а здорово», pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky — et parlons d'autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère. Que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal — est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds—(j'y aurais joint le cœur, mais votre cousine a

trop décrié ce mot). Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous vouliez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve: je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans — c'est indigne, mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez moi... Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force, ni émotion, et un refus n'a ni grace, ni volupté. A revoir donc — et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r Votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le sur lendemain de votre arrivée. По дѣломъ ему! Si vous saviez quelle aversion mêlé de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du Ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte! C'est m'a seule espérance!

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible *si* que je n'avais pas remarqué d'abord: si ma cousine reste je viendrai cèt automne etc. Au nom du Ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-la en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas celà au moins; par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites-vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez-le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r K., un homme sage, prudent etc., il n'a qu'un seul défaut — c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? C'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. Aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de Vous, cela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien, le plus injustement du monde: j'aurais dû être reconnaissant pour la fois passée,

je le sais; mais que voulez-vous? je vous supplie, Divine — compatissez à ma faiblesse, écrivez moi, aimez moi, et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, дайте ручку.

14 août.

197.

Князю П. А. Вяземскому.

14—15-го августа 1825. Михайловское.

14 авг.

Мой милый, поэзія твой родной языкъ, слышно по выговору, но кто жъ виновать что ты столь-же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807-го года на славяно-роскомъ. И нѣтъ надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки или иной няни Василисы чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте де браниться въ рифмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ — Благодарю очень за водопадъ. Давай мутить его сей часъ же.

— — — съ гнѣвомъ
Сердитый влаги властелинъ—

Вла Вла звуки музыкальные, но можно-ли, на пр. сказать о молніи властительница небснаго огня? Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемени какъ нибудь, валяй его съ какихъ нибудь стремнинъ вершинъ и тому подобное.

2 строфа — прелесть! —

Дождь брызжетъ отъ (такой-то) спибки
Твоихъ междуусобныхъ волнъ.

Междуусобный значитъ *mutuel*, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора — должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ.

5-ая и 6-ая стр. — прелестны —

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель—и то не хорошо—не соперникъ-ли? Тайной о гремящемъ водопадѣ говоря не годится—о бурѣ физической—также. Игралище глухой войны—не совсѣмъ точно. Ты не зеркало и проч. Не ясьѣ-ли, и не живѣ-ли (впрочемъ, это придирка—): Ты не приемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала-бы не отражаешь. Но твое повтореніе ты, тутъ нужно.

Подъ грознымъ знаменемъ etc. Хранишь etc. но вся-строфа сбивчева. Зародышъ непогоды въ водопадѣ: темно. Вѣчнобьющій огонь, тройная метафора. Не вычеркнуть-ли всю строфу?

Ворвавшись—чудно-хорошо. Какъ средь пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманія—да и сравненіе не точно. Вихорь и пустыню уничтожь-ка—посмотри что выйдетъ изъ того:

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь-ли? Ты сказалъ объ водопадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающій какъ огонь а здѣсь ужъ переносишь къ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты понимаешь меня). И такъ, не лучше ли:

Какъ ты, пустынно разразится etc.

а? или что другое—но разгорится слишкомъ натянуто. Наниши-же мнѣ: въ чемъ ты со мною согласишься.

Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини; какъ похотливое кокетство Ита-

ліанки. Пиши мнѣ, во Псковѣ это для меня будетъ благодѣянье. Я созвалъ не жданныхъ гостей, прелесть — не лучше-ли еще: незванныхъ. — Нѣтъ, *celà seroit de l'esprit.*

На оборотъ: Князю Вяземскому.

При семь дѣловая бумага, ради Бога употреби ее въ дѣло.

На отдѣльномъ листѣ: 1811 года Дядя мой Василій Львовичъ, по благоразположенію своему ко мнѣ и ко всей семьи моей, во-время путешествія изъ Москвы въ С. П. Б., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассигн., данныхъ мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетужкой Анной Львовною. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканія выше упомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ; что составляетъ болѣе 200 рублей) то униженно молю Его Высокоблагородіе, Милостиваго Государя дядю моего заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому — получить же оныя деньги уполномочиваю Князя Петра Андреевича Вяземского, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ.

15 августа
1825

Село Михайловское.

198.

В. А. Жуновскому.

17-го августа [1825 г. Михайловское].

Отче, въ рупцѣ твои предаю духъ мой — Мнѣ право совѣстно что жилы мои такъ всѣхъ васъ беспокоять — операція аневризма ничего не значить, и ей богу первый Псковской капаваль съ нимъ бы могъ управиться. Во Псковъ поѣду не преждѣ какъ въ глубокою осень, оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. — На дняхъ видѣлся я у Пешурова съ какимъ-то докторомъ-аматѣромъ; онъ пуще успокоилъ меня — только здѣсь мнѣ Кюхельбекерно; согласенъ что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина. Къ стати объ элегіяхъ, Трагедія моя идетъ и думаю къ зимѣ ее кончить; въ слѣдствіи чего, читаю только Карамзина да лѣтописи — Что за чудо эти 2 послѣдніе тома Карамзина! какая жизнь! *c'est palpitant comme la gazette d'hier*, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: не лѣзя-ли мнѣ доставить или жизнь желѣзнаго колпака или житіе какого нибудь Юродиваго. Я напрасно искалъ Василя Блаженнаго въ Чет. М. — а мнѣ бы очепь пужно.

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ что Перовскій у Васъ. Щастливецъ! онъ видѣлъ и Римъ и Везувій —

17 авг.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Василю Андреевичу Жуновскому. Въ С.-Петербургъ. Въ Аничковскомъ дворцѣ. Отдать швейцару для доставленія.

199.

А. П. Кернъ.

[Вторая половина августа 1825 г. Михайловское].

Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que vôtre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si intéressante, mais qui ne vaillent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'écrire; quelle mauvaise tête!

Dites moi donc, que vous a-t-il fait, ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? Hé bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas ou (ce qui est bien pire) vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maîtresse . . . d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale, mais encore, on doit des égards au mari, si non — personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier, il est nécessaire de par le monde. Tenez, je vous parle à cœur ouvert. A 400 v. de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux; qu'est ce [que] donc que cela doit être à 4 pas? [(NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r vôtre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de vôtre plume dans votre lettre à moi? sans indiscretion peut-on le savoir?)] *) Pardons, Divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accommoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile. De la douceur, de la coquetterie (et

*) Фраза, заключенная въ скобки, слегка зачеркнута.

surtout, au nom du Ciel, des refus, des refus et des refus) le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme, mais que voulez-vous? Je suis au désespoir du départ d'Annette; quoi qu'il en soit, il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? Répondez-moi, je vous en supplie, et n'en dites rien à A. Vulf. Vous viendrez? — n'est ce pas? — jusque-là ne décidez rien à l'égard de votre mari. Vous êtes jeune, une carrière entière est devant vous, lui . . . Enfin, soyez sûre que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent, quelquefois c'est inévitable, — mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu! Il fait nuit, et votre image m'apparaît, toute triste et toute voluptueuse; je crois voir votre regard, votre bouche entrouverte. Adieu! Je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux, — je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu, et croyez à mon délire; il est ridicule, mais vrai.

200.

A. П. Кернъ.

28-го августа [1825 г. Михайловское].

Voici une lettre pour M-e votre tante. Vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? Comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? Mais comme ce qui est fait est fait — parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennue trop, quittez-le, mais savez-vous comment? Vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez . . . où? à Trigorsky? Pas du tout!

A Michailovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? Vous me direz: «Et l'éclat, et le scandale?» Que diable! En quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose. — Mais avouez que mon projet est romanesque? — Conformité de caractère, haine des barrières, organe du vol très prononcé, etc., etc. — Concevez-vous l'étonnement de M-e votre tante? Il s'ensuivra une rupture. Vous verrez votre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié, moins insipide — et Kern une fois mort — vous êtes libre comme l'air — — — Eh bien, qu'en dites-vous? Quand je vous disais que j'étois en état de vous donner un conseil, hardi et imposant! Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? L'idée que non me fait frissonner. — Vous me direz: consolez-vous. — Fort bien! Mais comment? Devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes — m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés — j'y répugne — — Ha! vos lettres, à propos, comment les recevrai-je? Votre Tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente (et le moyen... à 400 verstes). Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées et puis brûlées en cérémonie. Tâchez de déguiser votre écriture, et je verrai le reste. Mais écrivez moi, et beaucoup, en long et en large et en diagonale (therme de géométrie)*. — Mais surtout donnez moi l'espérance de vous revoir. Si non, je tacherai vraiment d'être amoureux autre part. J'oubliais: je viens d'écrire [ma] à Netty une lettre bien tendre, bien basse. Je raffole de Netty. Elle est naïve — et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes-vous pas naïve? N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? he bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimable, je serai gai lundi, exhalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je

*) Отъ этого слова вверхъ изъ угла въ уголъ написано: «Voilà ce que c'est que diagonales».

serois tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds.
Adieu.

28 août.

Ne décachetez pas la lettre ci-jointe, ce n'est pas bien. M-de votre tante s'en fâcherait.

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M-de O. décachette une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachette une lettre de Netty — et nous y trouvons tous de quoi nous édifier — vraiment c'est un charme!

201.

П. А. Осиповой.

[28-го августа 1825 г.]. Михайловское.

Oui, Madame, honny soit qui mal y pense. Ha! les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! Serait-ce par expérience qu'ils le savent? Mais je leur pardonne, faites-en de même et continuons.

Votre dernière lettre (de minuit) est charmante, j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sévère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années, et elle se corrigera, je vous le promets. Quant à sa coquetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r votre fils, à son cousin! Arrivée à Trigorsky, il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi; ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette providence de ce sacré каторжникъ! Ce n'est pas tout: vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! Ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura,

et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, Madame, croyez-vous sérieusement qu'elle fasse la coquette indifféremment? Elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux, timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, Madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle était trop tendre, et dans les circonstances actuelles ce serait ridicule de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinence qui me caractérise, et décidément je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai tâché de porter le trouble au sein d'une famille, que Ерм. Оед. puisse m'accuser de n'avoir pas de Principes, et que sa femme puisse se moquer de moi. — Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant: «hardie dans» etc. N'est ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini, je ne la croirai plus.

Adieu, Madame! C'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée... nous médions de la Netty du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue, et encore plus de...¹⁾ Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment.

Michailova.

На оборотъ: A madame Ossipof.

202.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

29 Авг. 1825. [Петербургъ].

А прогос: не имянинникъ ли ты завтра? Поздравляю тебя и цѣлую. Всѣ, мною посланныя, книги ты уже долженъ теперь получить. Я нарочно выправлялся и узналъ, что Руская Ста-

1) Нѣсколько словъ зачеркнуто Пушкинымъ.

рина для П. А. отправлена 18 Юля, Русланъ и Плѣнникъ для тебя 21 Юля, а Грамматика Пенинскаго для тебя же 7 Августа. Можетъ быть, не скоро доходятъ до тебя повѣстки изъ вашей Почтовой Экспедиціи. Это надобно разобрать самому тебѣ: а то за что жь пропадать будутъ наши посылки? Слѣнникъ только въ томъ виноватъ передъ тобою, что замедлилъ выслать деньги, о которыхъ я тебя предупѣдомлялъ. Теперь онъ исправился и на одной почтѣ съ моимъ письмомъ ты долженъ получить ихъ, но не 725 рублей, а только 525 р. Остальные же 200 р., съ твоего позволенія, на нѣсколько недѣль я у него взялъ для одной собственной крайней нужды. Надѣюсь, что ты на меня не только не будешь сердиться, но похвалишь, что я безъ церемоніи взялъ у тебя, а не у другаго кого. Впрочемъ ты все-таки увѣдомь меня, когда получишь эти 525 р., а я свой долгъ тебѣ возвращу аккуратно, какъ только у меня случатся деньги. Съ St. Florent не вижу нужды теперь ни въ чемъ условливаться. На будущее время у меня есть другой планъ, о которомъ скажу въ этомъ же письмѣ. Не сердись, что я подробно извѣщаю тебя объ Онѣгинѣ. Аккуратные отчеты — моя слабая сторона. Да это и тебѣ забавно отъ нечего дѣлать. Всеволожскому остальные 500 р. Левъ давно отдалъ, а Вяземскому 600 р. еще нѣтъ, какъ онъ мнѣ сказывалъ. Можетъ быть, послѣ того — не знаю: онъ къ тебѣ вѣрно самъ объ этомъ написалъ уже, или напишетъ. Винится передъ тобой слезно. Поправки твои всё получилъ, и отдалъ Льву, что бы онъ непременно помѣстилъ ихъ при перепискѣ твоихъ раз. стихотвор. У тебя въ Элегіи: Желаніе славы, одинъ стихъ безъ рѣзны:

Желаю славы я, что бъ именемъ моимъ
Твой слухъ... и проч.

Если это съ намѣреніемъ сдѣлалъ ты, такъ извини, что я по невѣжеству не догадался; если же просмотрѣлъ, то не хочешь ли прислать поправки?

Умоляю тебя отстать отъ лѣни и приняться за приготовленіе всѣхъ поэмъ къ новому изданію. Я не могу сдѣлать къ нимъ предисловія и примѣчанія вмѣсто тебя, во 1) потому, что у меня нѣтъ совсѣмъ свободнаго времени; 2) я испортилъ бы все дѣло какою нибудь грубою или глупою ошибкою и проч. Fourrier здѣсь уже нѣтъ: Левъ сказалъ мнѣ, что онъ уѣхалъ. Объ

Онѣгинѣ заговаривалъ было я съ книгопродавцами, что бы они взяли остальные экземпляры съ уступкою имъ за все изданіе 1000 рублей. Никакъ не соглашаются. Они думаютъ, что эта книга уже остановилась, а забываютъ, какъ ее разхватятъ, когда ты напечатаешь еще Пѣснь или двѣ. Мы имъ тогда поспѣемъ дуракамъ. Признаюсь, я радъ этому. Полно ихъ тѣшить намъ своими деньгами. Милый, прими совѣтъ мой! Я буду говорить тебѣ, какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ книго-торговли и совершенно преданный выгодамъ твоимъ, почти столько же, сколько и твоей славы. Желаетъ ли ты получить денегъ тысячь до пятидесяти въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, или даже четырехъ съ начала Сентября до конца Декабря?

Вотъ единственное и вѣрнѣйшее средство: I. Пришли мнѣ (какъ только возможно тебѣ скорѣе) вторую и третью пѣсни Онѣгина, что бы я вмѣстѣ напечаталъ ихъ въ одной книжкѣ въ продолженіе Сентября. Но замѣть, что надобно прислать оригиналь такъ, какъ отдавать его слѣдуетъ въ Цензуру. Въ противномъ случаѣ дѣло затянется, и я уже тогда не отвѣчаю за успѣхъ. Главное условіе: дѣлать все такъ, какъ я предлагаю. II. Велѣть Льву въ половинѣ Сентября непременно отдать мнѣ Разныя Стихотворенія, чисто и съ всѣми твоими послѣдними поправками переписанныя, что бы 1-го Октября взялъ я ихъ отъ Цензора и снесъ въ Типографію. III. Приготовь оригиналы, со всѣми своими давними и новыми поправками, примѣчаніями и проч., всѣхъ пяти поэмъ: Руслана, Плѣнника, Фонтана, Разбойниковъ и Цыгановъ — непременно къ 15-му Октября, что бы я могъ ихъ къ 1-му Ноября взять отъ Цензора и снести въ Типографію. Если это все ты въ состояніи сдѣлать; то я (отвѣчаю честію), не требуя отъ тебя ни копѣйки за бумагу и печатаніе, доставлю тебѣ къ 1-му Генваря 1826 года (какъ хочешь: въ разные ли сроки, или вдругъ къ этому одному сроку) не менѣе 50000 рублей. Въ этомъ

Меня мой разумъ увѣряетъ,
Гласить мое мнѣ сердце то.

Вотъ и расчетъ мой à peu près: Я надѣюсь непременно послѣ изданія 2 и 3 пѣсень Онѣгина продать вдругъ 1-ой Пѣсни его 850 экземпляровъ (за вычетомъ процентовъ книгопродавцу) на 3400 руб.

Потомъ: 2000 экз. 2 и 3 пѣсн. Онѣгина по 4 руб. 50 к. за экз. на	9000 руб.
Далѣе 2000 экз. Разныхъ Стих. также по 4 р. 50 к. за экз. на	9000 „
Наконецъ 2000 экз. Поэмъ всѣхъ, считая хоть по 13 р. за экз.	26000 „

И того 47400 руб.

Ты уже видишь, что не много недостаетъ до 50000. Но я надѣюсь съ помощію новаго плана продажи выиграть менѣе уступки книгопродавцамъ и болѣе сбыть вдругъ экз. прямо на деньги, чѣмъ не только оплатится бумага и печатаніе всѣхъ этихъ книгъ, но и достанетъ дополнить сумму до 50000 рублей. Увѣряю тебя, что это все сбудется: сдѣлай только въ точности по моему разписанію. Если же ты не уважишь моего усердія и почтешь за шутку то, что я пишу отъ чистаго сердца; тогда Богъ съ тобой. Я тебя отдамъ на съѣденіе книгопродавцамъ; потому что, преврѣвши мой совѣтъ, ты конечно либо самъ, либо черезъ кого нибудь другаго, опять обратишься съ новыми условіями къ этимъ варварамъ, которые этаго только и ждутъ. Но я останусь не безъ грусти; она очень понятна, когда чистѣйшую жертву отталкиваютъ. Что стоитъ тебѣ подождать до Января? Ты будешь Крезомъ. Я ужъ не стращаю тебя, что отдамъ твои деньги въ Ломбардъ; нѣтъ, всѣ тебѣ пришло пренесправно. Дѣлай съ ними что хочешь. Понимаешь ли меня? —

По новому плану моему продажи, я, по отпечатаніи новой твоей книги, разсылаю афиши по всѣмъ книжнымъ лавкамъ, гдѣ назначится, какая уступка сдѣлана будетъ, если на чистыя непременно деньги возьметъ у меня купецъ для продажи 50 экз.; если 100, если 250, если 300 и т. д. Монополіи нѣтъ. Они всѣ усердно готовы брать вдругъ болѣе; потому что больше уступки процентовъ. Въ долгъ ни кому ни экземпляра. Сверхъ того объявляю, что эта книга продается въ такой то квартирѣ Плетнева, хоть для близъ живущихъ. На этихъ экземплярахъ мы ни копѣйки не теряемъ процентовъ. Въ Москву и другіе города также на чистыя деньги. Я въ восторгѣ отъ этой мысли высокой.

НВ. Непремѣнно нашли мнѣ официальное письмо, въ которомъ пропиши, что „во избѣжаніе де затрудненій въ продажѣ

ты не согласенъ, что бѣ я отдавалъ твои изданія въ одну лавку, но потребуешь раздачи ихъ по всеѣмъ книгопродавцамъ, да вкушѣ усердствуютъ они тебѣ и себѣ". Это письмо я покажу Слѣнину, чтобъ онъ не подумалъ, что меня подкупили братія его.

P. S. Повторяю: блаженъ будешь, если исполнишь въ точности все, здѣ предложеное.

 203.

А. Н. Вульфъ.

[Конецъ августа 1825 г. Михайловское].

Любезный Алексѣй Николаевичъ.

Я не успѣлъ благодарить Васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ, чортъ съ ними и съ Цензоромъ и съ наборщикомъ и съ tutti quanti — дѣло теперь не о томъ — Друзья мои и родители вѣчно со мною проказятъ. Теперь послали мою коляску къ Мозру съ тѣмъ чтобъ онъ въ ней ко мнѣ приѣхалъ и опять уѣхалъ и опять прислалъ назадъ эту бѣдную коляску — Вразумите его — Дайте ему отъ меня честное слово что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc. —

Vale, mi fili in spirito — Кланяюсь Языкову — я написалъ на дняхъ подраженіе Элегіи его Подите прочь.

 204.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

28 [августа] — 6-го сентября [1825 г.]. Царское-Село.

Спасибо за два твои письма ко мнѣ, но за письмо къ сестрѣ деру тебя за уши и не шутя, а серьезно и больно. Что за го-

рячка? Что за охота быть пострѣломъ и все дѣлать на перекоръ тѣмъ, которые тебѣ доброжелательствуютъ? Что за охота *chercher midi à quatorze heures* въ побужденіяхъ самыхъ чистыхъ, въ поступкахъ самыхъ открытыхъ и простыхъ? Твоя мать узнаётъ, что у тебя аневризмъ въ ногѣ, она совѣтуется съ людьми, явно въ твою пользу расположенными: Карамзиннымъ и Жуковскимъ. Опредѣляютъ что ей должно писать къ Государю, Жуковский вызывается доставить тебѣ помощь Мойера, известнаго искусствомъ своимъ. Какъ было сказано, такъ и сдѣлано: только Государь, который хозяинъ дома, вмѣсто того, чтобы назначить пребываніе твое въ Ригѣ, или въ Дерптѣ, или въ Петербургѣ, назначаетъ тебѣ Псковъ. Кто-же тутъ виновать? Каждый дѣлалъ свое дѣло; одинъ ты не дѣлаешь своего и портишь дѣла другихъ, а особливо-же свои. Отказываясь ѣхать, ты наводишь подозрѣніе на свою мать, что она хотѣла обольстить довѣренность Царя и вымысленнымъ аневризмомъ насильно выхватить твою волю? Портишь свое положеніе для будущаго времени, ибо этимъ отказомъ подаешь новый поводъ къ тысячѣ заключеніямъ о твоихъ намѣреніяхъ, видахъ, надеждахъ. И для насъ, тебя знающихъ, есть какая-то таинственность, несообразимость въ упорствѣ не ѣхать въ Псковъ, — что же должно быть въ умѣ тѣхъ, которые ни времени, ни охоты не имѣютъ ломать голову себѣ надъ разгадываніемъ твоихъ своенравныхъ и сумасбродныхъ логогрифовъ. Они удовольствуются первою разгадкою, что ты — человекъ неугомонный, съ которымъ ничто не беретъ, который изъ охоты идетъ на перекоръ власти, друзей, родныхъ и котораго вѣрнѣе и спокойнѣе держать на привязи подалѣе. Что значить: *mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловски, j'attends qu'on m'en signifie l'ordre*. Да и разумѣется: всѣ любящіе тебя порадуются выпуску твоему изъ Михайловскаго. Ни сестра твоя, ни братъ не поняли смысла этой фразы. Бѣдная сестра твоя только слезъ, а не толку добила изъ твоего письма. Она цѣлый день проплакала и въ слезахъ поѣхала въ Москву. На всякій случай могу тебѣ утвердительно сказать, что твой отецъ даже и не зналъ о письмѣ твоей матушки къ Государю, и слѣдовательно, онъ во всемъ этомъ дѣлѣ не причастенъ. Смотрѣть на Псковъ, какъ на осылку, то все же она не хуже деревни, тѣмъ болѣе, что деревня все еще за тобою остается. Соскучишься въ городѣ, никто тебѣ не запретитъ возвратиться въ Михайловское: все

и въ тюрьмѣ лучше имѣть двѣ комнаты; а главное то, что выпускъ въ другую комнату есть уже нѣкоторый задатокъ свободы. Но главнѣйшее здѣсь въ томъ: что ты боленъ, что нужна операція, что нуженъ хорошій операторъ: все это развязывается въ Псковѣ, зачѣмъ же затыгиваешь новый узелъ и настоящій Гордіановскій узелъ. Не могу понять, да вѣроятно, ты и самъ не понимаешь, а любишь въ суматохѣ: тебѣ хочется жаловаться на судьбу, на людей, и гдѣ они тебѣ благопріятствуютъ, тамъ ты изподтишка путаешь все, что они ни сдѣлаютъ. Будь доволенъ. Ты не на пуховикахъ провѣжилъ свою молодость и не въ оранжереяхъ взрастилъ свои лавры! Можно войти погрѣться въ избу и поваляться на лежанкѣ. Остерегись! Лихорадка бьетъ, бьетъ, воспламеняетъ, да кончить тѣмъ, что и утомить. Уже довольно былъ ты въ раздражительности и довольно искръ вспыхнуло изъ этихъ электрическихъ потрясеній. Отдохни! Попробуй плыть по водѣ: ты довольно боролся съ теченіемъ. Разумѣется не совѣтую плыть по водѣ къ грязному берегу, чтобы запачкаться въ тинѣ; но въ новой стезѣ, открываемой передъ тобою, ничто не задѣнетъ совѣсти твоей, ничто не запятнаетъ характера. Положимъ, что ничто на ней и не льститъ тебѣ, и что глаза твои разгорѣлись на другую стезю, болѣе заманчивую, — но что же дѣлать? Стоить-ли барахтаться, лягаться и упрямиться, стоять-ли надѣлать шума въ окологдѣ, чтобы поставить на своемъ и добро-бы еще поставить на своемъ, а ничуть, чтобы только не уступить, и кому-же? заботливой дѣятельности дружбы! Передъ дружбою не стыдно и поподличать; даже сладостно, въ чемъ можно безъ нарушенія чести, и переломить себя въ угоду ей. Такія жертвоприношенія не унижаютъ души, не оставляютъ на ней смрадныхъ слѣдовъ, какъ жертвоприношенія личнымъ выгодамъ и суетной корысти, а напротивъ возвышаютъ ее окуриваютъ благовоніемъ, которое долго отзовется. Душа должна быть тверда, но не хорошо ей и щетиниться при каждой встрѣчѣ. Смотри, чтобы твоя не смотрѣла въ поросята! Безъ содроганія и безъ унынія не могу думать о тебѣ, не столько о судьбѣ твоей, которая все-таки уляжется, когда-нибудь, но о твоей внутренности, тайности! Ты можешь почерствѣть въ этой недовѣрчивости къ людямъ, которою ты закалиться хочешь. И какое право имѣешь ты на недовѣрчивость? развѣ одну неблагодарность свою! лучшіе люди въ Россіи за тебя; многіе изъ нихъ даже

дѣятельны за тебя; имя твое сдѣлалось народною собственностью. Чего тебѣ не достаетъ? Я знаю чего, но покорись же силѣ обстоятельствъ и времени. Ты ли одинъ терпишь, и на тебѣ-ли одномъ обрушилось бремя невзгодъ, сопряженныхъ съ настоящимъ положеніемъ не только нашимъ, но вообще европейскимъ. Если приперло тебя потѣснѣе другого, то вини свой пьедесталь, который выше другого. Будемъ безпристрастны: не самъ-ли ты частью виноватъ въ своемъ положеніи? Ты сажалъ цвѣты, не сообразаясь съ климатомъ. Морозъ сдѣлалъ свое, вотъ и все! Я не говорю, что тебѣ хорошо; но говорю, что могло-бы быть хуже, и что будетъ хуже, если не станешь домогаться о лучшемъ и будешь перечить друзей своихъ. Осѣкая ихъ попытки въ твою пользу, кончишь тѣмъ, что и ихъ парализуешь. Заклучимъ: отказъ твой ѣхать въ Псковъ для посольствованія съ Мойеромъ есть мѣра противная и благоразумію, потому что она ни на чемъ путномъ не основана, и нравственности, потому что ты оказываешь неблагодарность друзьямъ своимъ и испытываешь ихъ дружбу къ тебѣ до-нелзя, и настоящимъ и будущимъ выгодамъ твоимъ, ибо новою катастрофою запутываешь ходъ своей драмы и углубляешься въ нее, какъ въ лѣсъ или Кюхельбекеръ въ своихъ „Арзивянахъ“, который чѣмъ болѣе писалъ, тѣмъ менѣе зналъ, когда кончить. Положимъ, что поѣздка въ Псковъ не улучшитъ твоего политическаго положенія, но она улучшитъ твое здоровье — это положительный барышъ, а въ барышахъ будетъ и то, что ты уважилъ заботы друзей, не отвергнулъ, изъ упрямства и прихоти милости Царской и не былъ снова на ножахъ съ общимъ желаніемъ, съ общимъ мнѣніемъ. Наклада никакого не вижу: барышъ въ смѣтѣ есть. Въ твоемъ положеніи пренебрегать ничѣмъ не должно, тѣмъ болѣе, когда ничего не рискуешь. Я подозреваю нѣкоторые недочеты въ твоихъ соображеніяхъ. Ты любишься въ гоненіи: у насъ оно, какъ и авторское ремесло, еще не есть почетное званіе, се n'est même pas du tout un état. Оно — званіе только для немногихъ; для народа оно не существуетъ. Гоненіе придаетъ державную власть гонимому только тамъ, гдѣ господствуютъ два раскола общественнаго мнѣнія. У насъ вездѣ царствуетъ одна православная церковь. Ты можешь быть силенъ у насъ одною своею славою, тѣмъ, что тебя читаютъ съ удовольствіемъ, съ жадностію, но несчастіе у насъ не имѣетъ силы ни на грошъ. Хоть будь въ кандалахъ, то одни тѣ-же друзья,

которые теперь о тебѣ жалѣютъ и пекутся, одна сестра, которая и теперь о тебѣ плачетъ, понесутъ на сердцѣ своемъ твои желѣза, но ихъ звукъ не разбудитъ ни одной новой мысли въ толпѣ, въ народѣ, который у насъ мало чутокъ! Твое мѣсто сиротѣть у насъ въ дружескихъ бесѣдахъ и въ родительскомъ домѣ, но въ народѣ не имѣешь ты стула, тебя ожидающаго: у насъ никому нѣтъ мѣста почетнаго. Въ библіотекахъ отведена тебѣ первая полка, но мы еще не дожили до поры личнаго уваженія. Въ государственномъ человѣкѣ уважаютъ кресты и чины, въ авторѣ его книги, и то еще слава Богу; но будь первый безъ крестовъ, другой безъ книгъ, ихъ забываютъ и не знаютъ. Въ дубовомъ лѣсу мы не друиды, а свиньи: дубамъ не поклоняемся, а жремъ одни валяющіеся жолуди. Опозиція — у насъ бесплодное и пустое ремесло во всѣхъ отношеніяхъ: она можетъ быть домашнимъ рукодѣліемъ про себя и въ честь своихъ пенатовъ, если набожная душа отречься отъ нея не можетъ, но промысломъ ей быть нельзя. Она не въ цѣнѣ у народа. Повѣрь, что о тебѣ помнятъ по твоимъ поэмамъ, но объ опалѣ твоей въ годъ и двухъ разъ не поговорятъ, разумѣется, кромѣ друзей твоихъ, но ты имъ не ея дѣрогъ. Не ты же одинъ на черной доскѣ у судьбы: есть тоже имена честныя, но такъ какъ они не подписываются въ журналахъ, то ихъ давно уже нѣтъ въ поминѣ. Нѣтъ сомнѣнія *que la disgrâce ne donne pas chez nous de popularité; elle n'est que le prix des succès*; какія бы ни были удача, торговья-ли, придворныя, карточныя, стихотворныя, Государственныя, но все поклоняемся мы одному счастью, а благородное несчастіе не имѣетъ еще кружка своего въ мѣсяцословѣ народа ребяческаго, немного или много дикаго и воспитаннаго въ однѣхъ гостинныхъ и прихожихъ. Ты судишь о своемъ положеніи по расчисленіямъ ума и сердца и, можетъ быть, находишь людей, которые подтачиваютъ твоимъ итогамъ, но и ты и они ошибаются. Пушкинъ по характеру своему; Пушкинъ, какъ блестящій примѣръ превратностей различныхъ, ничтоженъ въ русскомъ народѣ: за выкупъ его никто не дастъ алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворческая отрывка. Мнѣ все кажется, *que vous comptez sans votre hôte*, и что ты служишь чему-то, чего у насъ нѣтъ. Донъ-Кихотъ новаго рода, ты снимаешь шляпу, кладешь земные поклоны и набожничаешь передъ вѣтренною мельницею, въ которой не только Бога, или святого, но и мельника не бывало.

Молода мельница и что-жъ молола? — ложь!

Какое вспомнилъ я стихъ Сумарокова!

Отъ стиха Сумарокова перейдемъ къ моей мельницѣ, то-
есть, водопаду.

Называя водопадъ властелиномъ влаги, я его лицетворю, забывая этимологию его, и говорю о томъ незримою *poteur*, побудителѣ водяной суматохи. И Жуковский согласенъ со мною; впрочемъ увидимъ. Дождь будетъ по твоему приказанію брызгать отъ, а не съ ради твоихъ прекрасныхъ глазъ и матушки-грамматики. Междоусобныя воды: я и самъ зналъ, что это не совѣмъ правильно, и Жуковский тебя подтверждаетъ. Но междоусобіе имѣетъ полный смыслъ и уже означаетъ смуты: зачѣмъ же дѣлать изъ него прилагательное непосредственное и самостоятельное? Междоусобное не отвѣчаетъ *mutuel*, а *intestin*, которое впрочемъ на французскомъ языкѣ не имѣетъ отдѣльно смысла, мною приписываемаго. Кажется, можно рѣшиться. Смыслъ ясенъ: доброжелательство, доброжелательный, памятовлобіе, памятовлобный и пр. Главное дѣло, что междоусобный не пришивается никогда къ иному слову какъ брань, распри, и что междоусобіе не приеѣмлетъ въ другомъ значеніи, какъ только въ ссорѣ, смутѣ. Позвольте, Ваше благородіе! оно не правильно, а всетаки лучше! Конечно, не питомецъ, а какъ-нибудь вмѣститель, т. е. не словомъ, а мыслию; тайной тутъ идетъ не въ смыслѣ тишины, а невидимости. Есть дѣйствіе бури, но кто видитъ, откуда она берется? Небо ясно и тихо. Эта тайность есть матка—мысль всей піесы. Не хочешь-ли: но ты созданье тайной бури! Второй стихъ въ томъ-же омыслѣ, развѣ вмѣсто игрища и глухой, сказать: и жертва внутренней войны? Но это слишкомъ уже сбивается на Саллустія. Вбей себѣ въ голову, что этотъ весь водопадъ не что иное, какъ человѣкъ, взбитый внезапною страстію. Съ этой точки зрѣнія, кажется, всѣ части соглашаются, и всѣ выраженія получаютъ *une aggrège pensèe*, которая отзывается вездѣ. Послѣ этого и строфа, осужденная тобою къ острацизму, не лишняя, но надобно ее поаристидить въ формахъ и потушить вѣчно-бьющій огонь. Но зародышъ необходимъ, ибо въ немъ и трепещетъ вся господствующая

мысль, то-есть, что бури нѣтъ окрестъ водопада, а что вся буря въ немъ сидитъ, какъ блудъ въ винѣ по Священному Писанію, которое намъ въ этомъ выраженіи дало прекрасный текстъ для анакреонтической пѣсни.

Я пью, когда влюбляюсь;
Когда я пью, влюбляюсь.

Воля твоя, вихорь знойный въ степи есть весьма точное уподобленіе водопада и страсти одинокой безотвѣтной. Онъ возится самъ съ собою, терзаетъ колыбель свою, потому что по сторонамъ ничего ему не дается, какъ бѣшенный, который себя колотитъ, потому что не кого ему бить. Двойное сравненіе, какъ ты говоришь, тутъ не развлекаетъ вниманія, а даетъ ему сильнѣйшій толчокъ въ стихѣ какъ страсть въ святыхъ лицѣ души, qui est le mot de l'énigme. Я все еще сидѣлъ на природѣ, но вдругъ меня прорвало, и я залѣзъ въ душу. Кажется, такъ, впрочемъ чорть знаетъ! Разразится, конечно, лучше, чѣмъ разгорится. Поправивъ стихи, я самъ отдалъ ихъ Барону.

Я на дняхъ возвратился изъ Ревеля моремъ съ эскадрою на Адмиральскомъ кораблѣ. Мало, только два дня былъ на морѣ и не успѣлъ повѣрить Байрона, какъ твой дядя повѣрилъ Виргиліеву бурю. Первый день я былъ подъ гнетомъ тоски неодолимой и въ страшномъ разстройствѣ нервовъ. На другой день началъ-было привыкать, а на третій противные вѣтры уже заставили насъ поворотить въ Кронштадтъ, хотя и предполагали крейсировать въ Балтикѣ дней десять. Впрочемъ, кажется, съ моремъ хорошо амуриться и имѣть его любовницею, а дожемъ не хотѣлъ бы я быть. Около 10-го думаю возвратиться во-своися и хлопотать по твоей довѣренности у Василья Львовича.

Сдѣлай милость, раскуси, разжуй и развари мое письмо. Оно не только вылилось изъ души, тебѣ приверженной, но и подсказано размышленіемъ и опытностію. Съ ѣзди въ Псковъ, повидайся съ Мойеромъ, и ты будешь правъ и чистъ средъ нами и всѣми. Чтò за охота дать себя ухлопать аневризмомъ? Смерть незавидная! Жизнь можетъ и къ тому пригодиться, чтобы норовить умереть во-время и кстати.

Обнимаю тебя отъ души. Желая получить твое первое письмо изъ Пскова.

Дай-же что-нибудь въ Телеграфѣ; ты все говоришь, что нужно его поддерживать. Кому же какъ не тебѣ? Ты можешь придать ему сто процентовъ дюжиною стихотвореній въ годъ а тамъ и мнѣ веселѣе будетъ надсматривать за нимъ. Охота-ли лѣзть въ омутъ одному! Ты Сталью отдѣлалъ моего пріятеля, а можетъ быть и своего, Александра Муханова, бывшаго адъютанта Закревскаго. Да по дѣломъ, хотъ мнѣ его и жаль.

Царское Село, 28-го.

6-го Сентября. Послѣ выговора, вотъ тебѣ благодарность за письмо послѣднее къ Жуковскому, гдѣ ты говоришь объ осенней поѣздѣ въ Псковъ. На здоровье и съ Богомъ! Карамзинъ очень доволенъ твоими трагическими занятіями и хотѣлъ отыскать для тебя желѣзный колпакъ. Онъ говоритъ, что ты долженъ имѣть въ виду въ начертаніи характера Борисова дикую смѣсь: набожности и преступныхъ страстей. Онъ безперестанно перечитывалъ Библию и искалъ въ ней оправданія себѣ. Эта противоположность драматическая! Я совѣтовалъ бы тебѣ прислать планъ трагедіи Жуковскому для показанія Карамзину, который могъ бы тебѣ полезенъ быть въ историческомъ отношеніи. Житіе Василія Блаженнаго напечатано особо. Да возьми повѣсть дядюшки твоего Василья: развѣ онъ не довольно блаженный для тебя. Карамзинъ говоритъ, что ты въ колпакѣ немного найдешь пищи, то-есть, вшей. Всѣ юродивые похожи! Жуковский увѣряетъ, что и тебѣ надобно выѣхать въ лицахъ юродиваго. Чтѣ за юродивые журналы наши! Я послѣ Ревеля кинулся на нихъ, и мнѣ сдѣлалось тошно. — Вьельгорскій сдѣлалъ прекрасную музыку на твой: „Рѣжь меня! Жги меня!“ Я ея еще не слыхалъ.

Прости, умница. Глажу тебя по головкѣ и въ лобъ цалую.

12-го выѣзжаю. — На дняхъ говорилъ я о тебѣ съ старою и древнею Голицыною, но доброю, безумною попрежнему, хотя безуміе ея и перемѣнило направленіе.

205.

П. А. Катенину.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы. . . . Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію — общую нашу любовницу. Если это правда, что жъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее? . . . Я думалъ, что въ своей глуши — ты создаешь; нѣтъ — ты хлопчешь и тягаешься — а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Neu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni.

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софій Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей Словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булг. твое 3-е дѣйствіе прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь? . . . На чердакѣ Шаховскаго.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо — Старика *Rotrou*, признаюсь, я не читалъ, по-Гиппански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи пока мѣсть я бросилъ и пишу свои *mémoires*, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 пѣсни *Онѣгина* у меня готовы, и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву — я самъ ее люблю;

впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старья проказы съ К., съ театральнымъ Маіоромъ и проч.: больше не буду! — Addio, Poëta, a rivederca, ma quando?

206. .

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Горчаковъ доставить тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разтались довольно холодно — по крайнѣй мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ — впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ, мы или сохнемъ или гниемъ; первое все таки лучше — Отъ нѣчего дѣлать я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи, попроси его не говорить объ нихъ, не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивитъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни Рѣжь меня. Это очень близкій переводъ, посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельгорскому — кажется, мотивъ — чрезвычайно щастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней. — Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы — выдаешься-ли ты съ нею? Ради Бога докажи Вас. Льв. что элегія на смерть Ан. Льв. не мое произведеніи, а какого нибудь другаго беззаконника. Онъ восклицаетъ «а она его сестрѣ 15,000 оставила!...» Это напоминаетъ чай которымъ онъ поилъ Милонова — Дѣло въ томъ что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ нежели я. Похлопочи обо мнѣ душа моя, какъ о братѣ —

Сатирикъ и поэтъ любовный
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны
Покойной тетюшки моей
Писатель нѣжный, тонкій острый
Мой дядюшка — не дядя твой

Но, милый — Музы наши сестры
И такъ ты все-же братецъ мой.

Variante: Василий Львовичъ тонкій острый.

Кланяюсь Княгинѣ и сестрѣ — Нѣкогда болѣе писать.

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

207.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина сентября 1825 г. Михайловское].

Я думалъ что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р. украденные Савеловымъ. — Узнаю что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на-дняхъ съ моего сельца С. Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ, на разпашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловія Г-на Лемонте. Мы съ тобою толкуемъ — лишь о Полевомъ да о Булгаринѣ — а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ о чемъ ни заговори — а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся, пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ —

Твоя статья о Аббатствѣ Байрона? Что за чудо Д. Ж.! я знаю только 5 перв. пѣсенъ; прочитавъ первыя 2, я сказалъ тотчасъ Раевскому что это Chef-d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался послѣ увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ Англ. яз. — и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье могу ударить себя въ голову и сказать: il y avoit quelque chose là... Извини эту поэтическую похвальбу

и прозаическую хандру. Мочи нѣтъ сердить: не выспался и невы<...>ся —

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона? чортъ съ ними! Слава Богу что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ — Его бы уличили, какъ уличили Руссо — а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ Геніемъ. Поступокъ Мура лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи — Охота тебѣ видѣть его на суднѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc. потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: Онъ и малъ и мерзокъ — не такъ какъ вы — иначе! — Писать свои *Mémoires* замалчиво и приятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самаго себя. Предметъ неизтощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искреннимъ — невозможность физическая. Перо иногда остоновится, какъ съ разбѣга передъ простыю — на томъ что посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать (*braver*) судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно —

208.

Князю П. А. Вяземскому.

13-го — 15-го сентября [1825 г. Михайловское].

13 сентября.

Самъ съѣшь! — Замѣтилъ-ли ты что всѣ наши журнальныя Анти-критики основаны на самъ съѣшь? Българинъ говорить

Федорову: Ты лжешь, Фед. говоритъ Булг — у самъ ты лжешь. Пинскій говоритъ Полевому: ты невѣжда, Пол. возражаетъ Пинскому: ты самъ невѣжда. Одинъ кричитъ: ты крадешь! другой: самъ ты крадешь! — и всѣ правы — И такъ, самъ съѣшь, мой милый; ты самъ ищешь полудня въ четырнадцать часовъ.

Очень естественно что милость Царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться — а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ покрайнѣй мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи. Вамъ легко на досугѣ укорять меня въ неблагодарности а были бы вы (чего Боже упаси) на моемъ мѣстѣ, такъ можетъ быть пуще моего взбѣлѣнились. Друзья обо мнѣ хлопчуть а мнѣ хуже да хуже. Сгоряча ихъ прокливаю одумаюсь, благодарю за намѣреніе, какъ Езуитъ, но все же мнѣ не легчѣ. Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію, *ultima ratio libertatis* — и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, по неволѣ голова кругомъ пойдетъ — Они заботятся о жизни моей; благодарю — но чортъ-ли въ эдакой жизни. Гораздо ужъ лучше отъ не-леченія умереть въ Михайловскомъ — По крайнѣй мѣрѣ могила моя будетъ живымъ упрекомъ, и ты бы могъ написать на ней приятную и полезную эпитафію — Нѣтъ, дружба входитъ въ заговоръ съ тиранствомъ, сама беретъ оправдать его, отвратить негодованіе; выписываютъ мнѣ Моера, который, конечно, можетъ совершить операцію и въ сибирскомъ рудникѣ; лишаютъ меня права жаловаться (не въ стихахъ а въ прозѣ, дьявольская разница!) а тамъ не велятъ и бѣситься — Какъ не такъ! Я знаю что право жаловаться ничтожно, какъ и всѣ прочія, но оно есть въ природѣ вещей. Погоди. Не демонствуй, Асмодей: мысли твои объ общемъ мнѣніи, о суетѣ гоненія и страдальчества (положимъ) справедливы — но помилуй... Это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще набоженъ. Не отнимай у схимника надежду [на] рай и страхъ ада.

Зачѣмъ не хочу согласиться на приѣздъ ко мнѣ Моера? — Я не довольно богатъ чтобъ выписывать себѣ славныхъ докто-

ровъ и платить имъ за свое леченіе. Моеръ другъ Жуков-у, но не Ж. . . . — Благодарный отъ него не хочу — Вотъ и все —

Ты признаешься что въ своемъ водопадѣ ты болѣе писалъ о страстномъ челоѣкѣ чѣмъ о водѣ. Отселѣ и неточность нѣкоторыхъ выраженій —

Благодарю отъ души Кар. за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой цвѣтной, который полно мнѣ таскать. Въ самомъ дѣлѣ, не пойти-ли мнѣ въ Юродивые, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я 2-ую часть моей Трагедіи — всѣхъ думаю, будетъ 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Неговори, однакожь этаго никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Кар. о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригудилось. Я смотрѣлъ на его съ политической точки, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Иродѣ и тому подобное — Ты хочешь плана? возьми конецъ X-го и весь одиннадцатой томъ вотъ тебѣ и планъ.

Ахъ, мой милый, вотъ тебѣ каламбуръ на мой аневризъмъ: друзья хлопчуть о моей жилѣ, а я — объ жильѣ. Каково?

15 сентяб.

На отдѣльномъ листѣ: Resumé: Вы находите, что позволеніе [мнѣ] ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ а я думаю что шагъ назадъ — но полно объ Аневризъмѣ — онъ мнѣ надоѣлъ какъ наши журналы —

Жалѣю что о Staël писалъ Мухановъ (если Адъют. Раевского) онъ мой приятель и я бы не тронулъ его, а все-же онъ виновать, M-d Staël наша — не тронь ея — Впрочемъ я пощадилъ его. Какъ мнѣ жаль что Полевой пустился безъ тебя въ Анти-критику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда — ради Бога, надѣнь на него строгой мунштукъ и выгѣзжай его — на досугѣ. Будуть и стихи, но погоди немного —

Горч. мнѣ живо напомнилъ Лицей, кажется онъ не переѣмился во многомъ — хоть и созрѣлъ и слѣдств. подсохъ — Ты

вбилъ ему въ голову что я объѣдаюсь гоненіемъ — Охъ душа моя — меня тошнить. . . но предлагаемое да ѣдятъ.

209.

А. П. Кернъ.

22 сентября [1825 г.]. Михайловское.

Au nom du Ciel, n'envoyez pas à M-d Os. la lettre que vous avez trouvée dans votre paquet. Ne voyez-vous pas qu'elle était écrite uniquement pour votre édification particulière? Gardez la pour vous, ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en désespère après vos dernières étourderies. . . A propos, vous me jurez vos grands Dieux que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: je méprise ta mère, c'est affreux, il fallait dire: votre Mère, et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. -Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans symagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant (qui n'est pas poète) à une distance aussi respectable. Quand il était près de vous, vous savez que je trouvais cela tout naturel, car il faut être raisonnable. Voila qui est dit. N'est ce pas? point de correspondance — je vous répons qu'il n'en sera pas moins amoureux. Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet?

Annette en a eu la chair de poule, et moi la tête m'en a tourné de joie. Mais je ne crois pas au bonheur, et cela est bien pardonnable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie? Mais venez du moins à Pskov; cela vous sera facile. Le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée! Ne serait-ce qu'une vaine espérance, comme tant d'autres!!.. Venons au fait; d'abord, il faut un prétexte: une

maladie d'Annette — qu'en dites-vous? Ou bien, ne ferez-vous pas un voyage à Pétersb?... Vous me le ferez savoir, oui? — Ne me trompez pas, bel ange! Que je vous sois redevable de quitter la vie en connaissant le bonheur! — Ne me parlez pas d'admiration; ce sentiment n'en est pas un. Parlez moi d'amour: j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers... Votre conseil d'écrire à S. M. m'a touché comme une preuve de ce que Vous avez songé à moi; je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. Il faut que le sort décide de mon existence; je ne veux pas m'en mêler... L'espérance de vous voir encore belle et jeune est la seule chose qui me soit chère. Encore une fois, ne me trompez pas.

22 sept. Михайловское.

Demain, c'est la fête de M-d votre tante; je serai donc à Trigorisky; votre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la lui ai pas communiquée. Répondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité.

210.

В. А. Жуковский — Пушкину.

[Конец сентября 1825 г. Петербург].

Ты, какъ я вижу, предалъ въ руцѣ мои только духъ свой, любезнѣйшій сынъ. А мнѣ право до духу твоего нѣтъ дѣла: онъ живъ и будетъ живъ ибо весьма живуць. Подай ка мнѣ свое грѣшное тѣло, то-есть свой аневризъмъ. Съ этимъ прекраснымъ аневризомомъ не уцѣлѣеть и духъ твой. Духъ же твой нуженъ мнѣ для твоего Годунова, для твоихъ десяти будущихъ повмъ, для твоей славы и для исправленія свѣтлымъ будущимъ всего темнаго прошедшаго. Слышишь-ли Бейронъ Сергѣевичъ! Но смотри же: Бейронъ на лирѣ, а не Бейронъ на дѣлѣ: комен-

тарии на эту фразу найдешь въ письмѣ Вяземскаго, въ которомъ для тебя много разительной правды! Этотъ Вяземскій очень умный человекъ и часто говорить дѣло. Мнѣ лучше его ничего не лзя сказать тебѣ. Да и не нужно. Я было крѣпко разсердился на тебя за твое письмо къ сестрѣ и къ Мойеру; но твоя библейская фраза меня съ тобою помирила. Попрошу покорнѣйше уважать свою жизнь и помнить что можешь сдѣлать въ ней много прекраснаго несмотря ни на какія обстоятельства. Слѣдовательно вотъ чего отъ тебя требую: вспомнивъ что настала глубокая осень (ты обѣщаль ею воспользоваться) собраться въ дорогу, отправиться въ Псковъ и нанявъ для себя такую квартиру въ которой могъ бы помѣститься и Мойеръ, немедленно написать къ нему что ты въ Псковѣ, и что ты дождешься его въ Псковѣ. Онъ мигомъ уничтожить твой анекдотъ. Ты возвратишься въ свою Опочку, примешься съ новымъ Духомъ за своего Годунова и напишешь такого Годунова, что у насъ всѣхъ будетъ душа прыгать: Слава побѣдитъ обстоятельства. Въ этомъ я увѣренъ. Твое дѣло теперь одно: не думать нѣсколько времени ни о чемъ кромѣ Поэзии и рѣшиться пожить исключительно только для одной высокой поэзии. Создай что-нибудь безсмертное и самыя бѣды твои (которыя самъ же сострапалъ) разлетятся въ прахъ. Дай способъ друзьямъ твоимъ указать на что-нибудь твое превосходное, великое; тогда имъ будетъ легко поправить судьбу твою; тогда они будутъ имѣть на это неотъемлемое право. Ты самъ себя не понимаешь; ты только бунтуешь какъ ребенокъ противъ несчастія, которое само не иное что какъ плодъ твоего ребячества: а у тебя такіе есть способы сладить съ своею судьбою, какихъ нѣтъ у простыхъ сыновъ сего свѣта, способы благородные, высокіе. Перестань быть эпиграммой, будь поэмой.

И я вашъ покорный слуга Жуковский.

Увѣдомъ не медленно на что ты рѣшишься касательно Пскова, Мойера и Анекдота.

На оборотѣ: Александру Сергѣевичу Пушкину. Въ Опочкѣ.

211.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

26-го сентября 1825 г. [Петербургъ].

СТИХОТВОРЕНІЯ

Александра Пушкина.

Элегія.

- I. Пробужденіе. 1816.
- II. Мечтателю. 1818.
- III. (Увы! зачѣмъ...). 1819.
- IV. (Мой другъ! Забыты мной...). 1821.
- V. Друзьямъ. 1816 ¹⁾.
- VI. Выздоровленіе. 1818.
- VII. Война. 1821.
- VIII. (Я пережилъ). 1821.
- IX. (Умолю скоро я). 1821.
- X. Гробъ юноши. 1821.
- XI. (Простишь ли мнѣ...). 1823.
- XII. (Ты вянешь и молчишь...). 1824.
- XIII. (Я видѣлъ смерть...). 1816 ²⁾.
- XIV. Къ ней. 1817 ³⁾.
- XV. Уныніе. 1816 ⁴⁾.
- XVI. (Черное море). 1820.
- XVII. Сожженное письмо. 1825.
- XVIII. (Ненастный день потухъ). 1823.
- XIX. Желаніе славы. 1825.
- XX. Андрей Шенье. 1825.

1) Плетневымъ было отнесено къ 1817 году, но Пушкинымъ перенесено въ 1816 годъ.

2) Зачеркнуто рукою Пушкина и имъ же написано: «Не нужно».

3) Зачеркнуто рукою Пушкина и имъ же написано: «Не нужно».

4) Зачеркнуто рукою Пушкина.

Разныя Стихотворенія.

- I. Воспоминанія въ Цар. Селѣ. 1814.
- II. Къ Овидію. 1821.
- III. Русалка. 1819.
- IV. Гробъ Анакреона. 1815.
- V. Черная шаль. 1821.
- VI. Торжество Вакха. 1817.
- VII. Фонтану Бах. Дворца. 1820.
- VIII. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. 1823¹⁾.
- IX. Пѣвецъ. 1816.
- X. Амуръ и Гименей. 1816.
- XI. Романсъ. 1814.
- XII. Наѣздники. 1815.
- XIII. Мѣсяць. 1816.
- XIV. Разлука. 1817.
- XV. Адели. 1822.
- XVI. Виноградъ. 1820.
- XVII. Стансы Т-му. 1819.
- XVIII. Уединеніе. 1819.
- XIX. Прозерпина. 1824.
- XX. Домовому. 1819.
- XXI. Вакхическая пѣснь. 1825.
- XXII. Друзьямъ. 1822.
- XXIII. Къ морю. 1824.
- XXIV. Демонъ. 1823.
- XXV. Подраж. Турец. Пѣснѣ. 1820.
- XXVI. Телѣга живни. 1823.
- XXVII. Наполеонъ. 1822.

Эпиграммы и Надписи.

- I. Пріятелямъ.
- II. (Охотникъ до Журнал. драки...).
- III. (У Кларисы денегъ...).
- IV. Добрый Человѣкъ.
- V. Исторія Стихотворца.

1) Пушкинымъ перенесено въ 1822 годъ.

- VI. Уединеніе.
- VII. Лилѣ.
- VIII. Роза.
- IX. Имянины.
- X. Къ портрету Жуковскаго.
- XI. (Судьба свои дары...).
- XII. К. А. Б.
- XIII. Старикъ.
- XIV. Веселый пиръ.
- XV. (Хоть впрочемъ онъ...).
- XVI. Иностранкѣ.
- XVII. (Какъ брань тебѣ...).
- XVIII. (Не спрашивай, зачѣмъ унылой...).
- XIX. Пріятелю.
- XX. Усы.
- XXI. Живъ, живъ Курилка.
- XXII. На выпускъ птички.

Подражанія Древнимъ.

- I. Доридѣ.
- II. (Рѣдѣтъ облаковъ...).
- III. Муза.
- IV. Нереида.
- V. Діонея.
- VI. Дорида.
- VII. Дѣва.
- VIII. Ночь.
- IX. Примѣты.
- X. Земля и Море.
- XI. Красавица предъ зеркаломъ.

Посланія.

- I. Къ Лицинію. 1815.
- II. Къ Вс—му. 1819.
- III. Отрывокъ. 1817.
- IV. Къ Н. Я. П. 1818.
- V. Къ III—ву. 1816.
- VI. Къ Дельвигу. 1817.

- VII. Къ Кривцову. 1819.
- VIII. Къ Алексѣеву. 1821.
- IX. Къ К**. 1823.
- X. Къ Ковлову. 1825
- XI. Къ Прелестницѣ. 1818.
- XII. Къ N.N. 1819.
- XIII. Къ Ч**. 1820.
- XIV. Къ Гречанкѣ. 1821.
- XV. Къ Дочери Карагеоргія. 1822.
- XVI. Къ Жуковскому. 1818.
- XVII. Къ Ч**. 1821.

NB. Что бы прибавить здѣсь: Къ Плетневу.

Подражанія Корану.

1824.

I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. IX.

Вотъ тебѣ, милый Пушкинъ, оглавленіе. Я въ такомъ видѣ получилъ твои стихотворенія отъ брата Льва, а распоряженіе дѣлалъ самъ Жуковский. Въ этомъ видѣ послалъ я ихъ и къ Бирукову. Но прежде, нежели начну печатать, ты сдѣлай свои перемѣны, какія почтешь нужными. Кажется, въ распоряженіи есть странности. Отъ чего, на пр., къ Лицинію въ Посланіяхъ, а къ Овидію въ раз. стих., отъ чего Усы въ Эпигр. и Надп., а къ Прелестѣ въ Посланіяхъ? Ты свѣжими глазами лучше все пересмотришь и, переправивъ, какъ должно, возвратишь мнѣ этотъ листокъ или перепишешь его надосугѣ, какъ слѣдуетъ. Я страстенъ аккуратностью: хотѣлъ бы, что бы ты выставилъ годы противъ каждой ужь піесы, даже самой маленькой. Это будетъ удовлетворительнѣе для читателя и красивѣе для оглавленія. Левъ мнѣ сказывалъ, что у тебя есть прелюбопытныя примѣчанія къ Воспом. въ Цар. Селѣ. Пришли ихъ, и также ко всему, къ чему тебѣ захочется; а то теперь замѣчанія только у Андрея Шенье и Подражаній Корану: этаго мало; другимъ піесамъ завидно. Я назову всю книгу просто: Стихотворенія Ал. Пуш., для того, что бы второй разрядъ можно было назвать: Разныя Стихотворенія. Если же книгу всю

назвать: Разн. Стихотв., то не обойдешься во второмъ разрядѣ безъ Смѣси, которой ты не жалуешь. Мы много ставили годовъ на обумъ: все поправь, что нужно. Тебѣ ужь надобно тутъ похлопотать, когда ты связался со мною. Я человекъ премѣлочной. Люблю всякую бездѣлицу видѣть въ исправности. Если хочешь приложить предисловіе; то пришли его поскорѣе. Я, какъ сказывалъ тебѣ, не могу ничего написать, да и трудное дѣло говорить за тебя. Подъ твой языкъ не поддѣлаешься. Виньеты, рѣшительно говорю, не будетъ. Съ художниками нашими невозможно имѣть дѣла. Они всё побочныя дѣти Аполлона: не понимаютъ насъ они. Да и что придасть твоимъ стихамъ какая нибудь глупая фигура надъ пустоцвѣтомъ? Придетъ время: тогда не такъ издадутъ. Форматъ я возьму въ небольшую осмушку, что бы не ломать ни одного стиха. По твоему желанію напечатаю 1200 экз. и продавать буду по 10 руб. Только одѣлай милость, не удержи меня своимъ отвѣтомъ и воѣмъ, что нужно для разрѣшенія моихъ недоумѣній. Я навѣрно получу рукопись отъ Бирукова къ 1 Октябрю. Тебѣ стыдно не быть заботливымъ и дѣятельнымъ, когда я началъ хлопотать, я, задушенный проклятою своею должностію.

Отвѣты Перовскаго.

1 Вопр. Зачѣмъ Финнъ дожидается Руслана? — Отв. Онъ предвидѣлъ, что Рус. къ нему пріѣдетъ. 2 Вопр. Зачѣмъ Финнъ рассказывалъ Руслану свою исторію? Отв. Зачѣмъ, что онъ зналъ, кто Финнъ; притомъ старики словоохотны. 3 вопр. Какъ можетъ Рус. въ несчастномъ положеніи съ жадностію внимать старцу. Отв. Его положеніе не было несчастно: Финнъ его съ начала ободрилъ. 4 вопр. Зачѣмъ Русл. присвистываетъ. Отв. Дурная привычка. Или: свистали вмѣсто того, что бы погонять лошадь англійскимъ хлыстикомъ. 5 вопр. Зачѣмъ трусъ Фарлафъ поѣхалъ искать Людмилу? Отв. Трусы часто ѣздятъ туда же, куда и храбрые. 6 вопр. Справедливо сравненіе на стр. 43? Отв. Точно. 7 вопр. Зачѣмъ Карла приходилъ къ Людмилѣ? Отв. Какъ хозяинъ, съ визитомъ. 8 вопр. Какъ Людмилѣ вздумалось надѣть шапку? Отв. Съ испугу, какъ справедливо замѣтилъ и вопрошатель. 9 вопр. Какъ колдунъ это позволилъ? Отв. Она безъ позволенія сдѣлала это. 10 вопр. Какъ Рус. бро-

силъ Рогдая въ воду какъ ребенка? Отв. Прочитайте въ поэмѣ. 11 вопр. За чѣмъ Карла не вылезъ изъ котомки? Отв. Русланъ прежде смерти крѣпко затанулъ котомку ремнемъ, оставивъ небольшое отверстіе, чрезъ которое Карла могъ просовывать только голову!

Вяземскій теперь въ Москвѣ. Требуй отъ него самъ войну съ Лжедмитріевымъ. Онъ вѣрно съ большою охотою тебѣ приплетъ ее.

Вотъ отчетъ, который Левъ просилъ меня доставить тебѣ о деньгахъ твоихъ. Всеволожскому отданы всѣ деньги; за коляску также; на 200 руб. купится тебѣ книгъ и пр. и перешлетъ на дняхъ въ Михайловское; прочія деньги имъ прожиты, отъ чего Вяземскому и не достало. Крылова басни не выйдутъ прежде декабря. Дельвингъ еще не женатъ, но скоро будетъ. О Mémoire поговорю съ St. Florent и доставлю. Гнѣдичъ пріѣхалъ съ Кавказа. Новосильцовъ и Черновъ умерли оба, если ты слышалъ объ ихъ дуэли. Жуковскій теперь въ Гатчинѣ. Козловъ кончилъ Абидосскую невѣсту. Кстати: онъ, выслушавъ твоего Шенъе, просилъ тебѣ дать знать, если ты не помнишь, что брату Шенъе послѣ, когда поднята была голова Андрея, подали безыменную записку: „Каинъ! гдѣ братъ твой Авель?“ Если Цензоръ что вычеркнетъ изъ твоихъ піесъ, я буду печатать съ пропусками, прибавивъ на концѣ, что они сдѣланы самимъ авторомъ: безъ того нельзя. Не знаю, все ли я тебѣ пересказалъ, что хотѣлось.

26 Сентября
1825.

212.

Н. О. Рылѣевъ — Пушкину.

[Сентябрь — октябрь 1825 г. Петербургъ].

Извини, милый Пушкинъ (sic), что долго неотвѣчалъ тебѣ; разныя непріятныя обстоятельства, то свои, то чужія, были тому причиною. Ты мастерски оправдываешь свое чванство шести-сотлѣтнимъ дворянствомъ; но несправедливо. Справедливость

должна быть основаніемъ и дѣйствій и самыхъ желаній нашихъ. Пренушествъ гражданскихъ недолжно существовать, да они для Поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, неумѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза Журналиста Булгарина также неоправдываетъ тебя точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства Литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь Поэтъ и гражданинъ. — Мы опять собираемся съ Полярною. Она будетъ послѣдняя; такъ по крайнѣй мѣрѣ мы рѣшились. Желаемъ распрощаться съ публикою хорошо, и потому просимъ тебя подарить насъ чѣмъ нибудь подобнымъ твоему послѣднему намъ подарку. Тутъ объ тебѣ, Богъ вѣсть, какіе слухи: успокой друзей своихъ хотя нѣсколькими строчками. Прощай, будь здоровъ и благоденствуй. Твой Рылѣевъ.

На дняхъ будетъ напечатана въ С. О. моя статья о Поззін; желаю узнать объ ней твои мысли.

На оборотѣ: Поэту Пушкину.

213.

Барону А. А. Дельвигу.

[Сентябрь — октябрь 1825 г. Михайловское].

Брови царь нахмура,
 Говорилъ: вчера
 Повалила буря
 Памятникъ Петра
 Тотъ перепугался.
 „Я не зналъ! —“ Ужель? —
 Царь расхохотался.
 — Первый, братъ, Апрель!

* * *

Говорилъ онъ съ горемъ
 Фрейлинамъ дворца:
 Вѣшаютъ за моремъ
 За <... ..>
 То есть разумѣю,
 Вдругъ примолвилъ онъ,
 Вѣшаютъ за шею,
 Но жестокъ законъ. —

Вотъ тебѣ душа моя приращеніе къ куплетамъ Эристова —
 Поцалуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырван-
 шимся изъ подъ полоцкихъ Езуитовъ. Благословляю его во имя
 Феба и Св. Бобонія безносаго.

Писалъ я брату объ Андрѣе Шенъе. Впрочемъ твоя Святая
 воля. Я боюсь чтобъ томъ Разн. Ст. не былъ слишкомъ тонокъ.
 Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до отъ Ричардсона безъ
 ума, да еще конецъ отъ своимъ пенатамъ возвращенный.
 Какъ ты думаешь? отпиши покаместъ еще не женился.

Кланяйся отъ меня почтенному, умвѣйшему Арзамасцу, буду-
 щему своему тестю — а изъ жены своей сдѣлай Арзамаску —
 непременно.

Жду писемъ.

214.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало октября 1825 г. Михайловское].

Въ глуши, измучась жизнью постной,
 Изнемогая животомъ,
 Я не парю — сажу орломъ
 И боленъ праздностью поносной.

Бумаги берегу запасъ,
 Натугу вдохновенья чуждый,

Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И только за большою нуждой.

Но твой затѣйливый навозъ
Приятно мнѣ щекотить носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей
И духъ мой снова позываетъ
Ко изпражненью прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя — и цалую тебя въ твою поэтическую <....> — съ тѣхъ поръ какъ я въ Михайловскомъ я только два раза хохоталъ; при разборѣ новой пѣтикѣ басень, и при посвященіи г<....> г<....> твоего. — Какъ-же мнѣ не любить тебя? какъ мнѣ предъ тобой не подличать — но подличать готовъ, а переписывать воля твоя, не стану — смерть моя и только.

Поздравляю тебя, моя радость съ романтической Трагедіею, въ ней-же первая персона Борисъ-Годуновъ! трагедія моя кончена, я перечелъ ее въ слухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ, ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ! — Юродивый мой, малой презабавной; на Марину у тебя <.....> — ибо она полька, и собою презиридна — (въ родѣ К. Орловой, сказывалъ это я тебѣ?). Прочіе также очень милы; кромѣ капитана Маржерета, который все по <.....> бранится; Цензура его не пропуститъ — Жуковскій говоритъ что Царь меня проститъ за Трагедію — на врьдъ, мой милый. Хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго. Торчать! Ты уморительно критикуешь Крылова, молчи, то знаю я сама, да эта крыса мнѣ кума. Я назвалъ его представителемъ духа Рускаго народа — не ручаюсь чтобъ онъ отчасти не вовялъ. — Въ старину нашъ народъ назывался Смердъ — (см. Госп. Кар.). Дѣло въ томъ, что Крыловъ преоригинальная туша, Гр. Орловъ дуракъ, а мы — разини и пр. и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо — да сжегъ. Тамошній Архіерей Отецъ Евгеній принялъ меня какъ отца Евгенія. Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, дагъ

мнѣ переправить свои стишки-съ. Вотъ каково! Прощай мой милый.

На оборотъ: Кн. П. А. Вяземскому.

215.

В. А. Жуковому.

6-го октября [1825 г.]. Тригорское.

На дняхъ увидя въ окошко осень, сѣлъ я въ телѣжку и прискакалъ во Псковъ. Губернаторъ принялъ меня очень мило, я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посовѣтовался съ очень добрымъ лѣкаремъ и приѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь имѣя обстоятельныя свѣденія о своемъ аневризмѣ говорю объ немъ толкомъ — П. А. Осипова будучи въ Ригѣ, со всею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду; операциа не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: Больной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc. — Воля твоя, мой милый — ни во Псковѣ, ни въ Мих. я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма; но первая смерть вѣрнѣе другой. — Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало. 2-ое Псковской лекарь говоритъ: можно обойтись и безъ операциа, но нужны строгія предосторожности: не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на всѣхъ; что мнѣ будетъ дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ если всякое физическое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись что лѣчиться во Псковѣ мнѣ невозможно — и такъ погодимъ авось-ли Царь что нибудь рѣшить въ мою пользу —

Теперь 3-ій § (и самый важный) Мойера не хочу, рѣшительно. Ты пишешь: прими его какъ меня. Мудрено. Я не довольно богатъ чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ —

а даромъ лечиться не намѣренъ — Онъ не ты. Конечно я съ радостію и благодарностію далъ бы тебѣ срѣзать не только стоновую жилу но и голову; отъ тебя благодарѣнье мнѣ не тяжело — а отъ другаго не хочу. Будь онъ тебѣ разпріятель, будь онъ сынъ Карамзина —

Милый мой, посидимъ у моря подождемъ погоды; я не умру; это невозможно; богъ не захочетъ чтобы Гудуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедія искупить меня... но до трагедіи-ли нашему чорствому вѣку? Покрайнѣй мѣрѣ оставь мнѣ надежду. — Чувствую что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на 10 лѣтъ ссылочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды ни предлога — страшно подумать, Отче! не брани меня, и не сердись когда я бѣшусь; подумай о моемъ положеніи; вовсе не завидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведеть.

Тригорское.
6 окт.

216.

А. Н. Вульффу.

10-го октября [1825 г. Михайловское].

Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю Васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца, вполне чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь — но повторяю рѣшительно; ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О коляски моей, осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу — Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, панаявъ лашадей отправить ее въ Опочку, если-же (что также случается) денегъ нѣтъ — то напишите сколько ихъ будетъ нужно. — На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не

испортились — Что скажу вамъ новаго? Вы, конечно, уже знаете все что касается до проѣзда А. П. Мужъ ея очень милый человекъ, мы познакомились и подружались — Желалъ бы я очень исполнить желаніе ваше косательно подражанія Язкву — но не нахожу его подъ рукой. Вотъ начало:

Какъ широко,
 Какъ глубоко!
 Нѣтъ, бога ради,
 Позволь мнѣ <.....> — etc. —

Не написалъ-ли Яз. — еще чего нибудь въ томъ же родѣ или въ другомъ? перешлите намъ — мы будемъ очень благодарны.

10 окт.

217.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

16—18-го октября [1825 г.]. Остафьево — Москва.

Остафьево. 16-го октября.

Ты самъ Хвостова подражатель
 Красотъ его любостыжатель
 Вотъ мой, его, твой, вашъ навозъ!
 Умъ хорошо, а два такъ лучше,
 Задъ хорошо, а три такъ гуще
 И къ славѣ тянется нашъ воевъ.

На меня коляска имѣетъ дѣйствіе настоящаго судна сухопутнаго и морскаго: въ дорогѣ меня рветъ и слабитъ Хвостовымъ. — Это уже такъ заведено. Вотъ испражненіе моей послѣдней поѣздки. Улыбнись моя красота, на мое <.....>!

Я получилъ твое письмо, а Горчакова видѣлъ только мелькомъ. На-дняхъ ѣду въ Костромскую деревню дней на 15-ть, а ты что сдѣлаешь съ жилой и жильемъ? Только не живись, чтобы не лопнуть. Телеграфъ получилъ отъ тебя письмо, уполномо-

вающее его взять у меня твоихъ стиховъ мелкихъ. Я все боюсь, потому что ты превадорный на этотъ счетъ. Того и смотри что разсердишься послѣ, моя капризная рожица! — Не дашь-ли прочесть своего Бориса? брюхомъ хочется! Мухановъ анти-Стальскій, не Раевского, а Закревскаго адъютантъ, не большой рыжикъ, а маленькой рыжикъ. Твоя статья о Лемонтеѣ очень хороша по слогу зрѣлому, ясному и по многимъ мыслямъ блестящимъ. Но что такое за представительство Крылова? Слѣдовательно и Орловскій представитель русскаго народа. Какъ ни говори, а въ умѣ Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань изъ-за угла, трусость передъ господами, все это перемѣшано вмѣстѣ. Можетъ-быть и тутъ есть черты народныя, но покрайней мѣрѣ не намъ признаваться въ нихъ и не намъ ими хвастаться передъ иностранцами. И <...> есть нѣкоторое представительство человѣческой природы, но смѣшно-же было-бы живописцу ее представить какъ типическую принадлежность человѣка. Назови Державина, Потемкина представителями русскаго народа, это дѣло другое; въ нихъ и золото и грязь наши *par excellence*; но представительство Крылова и въ самомъ литературномъ отношеніи есть ошибка, а въ нравственномъ, государственномъ даже и преступленіе *de lèze-nation*, тобою совершенное.

Обнимаю тебя сердечно. Приготовь мнѣ чтонибудь къ прїѣзду моему изъ Костромы. Подарокъ эпистолярный и поэтический.

Здѣсь Баратынскій на четыре мѣсяца. Я очень ему радъ. Ты, кажется, меня считаешь какимъ-то противоположникомъ ему, и не знаю съ чего. Вполнѣ уважаю его дарованіе. Только не соглашался съ твоимъ смиреніемъ, когда ты мнѣ говорилъ что послѣ него не будешь писать элегій. — Здѣсь есть Погодинъ, университетскій и повидимому хорошихъ правилъ: онъ издаетъ Альманахъ въ Москвѣ на будущій годъ и просить у тебя Христа-ради. Дай ему чтонибудь изъ Онѣгина, или что-нибудь изъ мелочей. Прости, голубчикъ.

Москва. 18-го. Завтра ѣду.

218.

П. А. Катенинъ — Пушкину.

24-го ноября 1825 г. [Петербургъ].

Твое письмо, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, въ свою очередь не мало постранствовало по бѣлу свѣту и побывало сперва въ Кологривѣ, а послѣ уже дошло до меня въ Петербургѣ. Для отвращенія впредь подобныхъ затяжекъ, увѣдомляю Тебя, что надписывать ко мнѣ надобно: въ Большую Миліонную, въ домъ Паульсона. Благодарю тебя, мой милый, за всѣ привѣтствія; какой авторъ не любитъ похвалы? Кому онѣ не вдвое лестны покажутся изъ устъ Твоихъ? Но это голосъ Сирены, отъ котораго здравый разумъ велитъ всякому многострадальному Одиссею затыкать уши. Всѣ мнѣ совѣтовали отдать, наконецъ, на театръ мою трагедію, я самъ полагалъ это дѣломъ толковымъ и пустился на волю Божию; но теперь почти раскаиваться начинаю и предвижу тьму новыхъ неудовольствій; ибо нынѣшній Директоръ Остолоповъ, едва знающій меня въ глаза, уже за что-то терпѣть не можетъ. Въ прошедшую пятницу, по правиламъ новаго театральнаго постановленія, собрался въ домѣ Гр. Милорадовича Комитетъ словестниковъ (такъ написано было въ повѣсткахъ). Какими правилами руководствуются при этомъ сборѣ, мнѣ неизвѣстно; а знаю только, что, къ сожалѣнію моему, не было тутъ ни Оленина, ни Гнѣдича, ни Жуковскаго, ни Жандра, ни Лобанова, ни Хмѣльницкаго. Изъ людей, въ самомъ дѣлѣ извѣстныхъ въ словесности, находились только Шишковъ, Муравьевъ-Апостолъ, Шаховской и Крыловъ: повѣришь ли ты, что тутъ же съ ними засѣдалъ и Бестужевъ?! Меня не было; читалъ мой ученикъ Каратыгинъ, какъ видно, весьма хорошо, ибо трагедія понравилась, и ее опредѣлили принять; завтра иду въ Контору толковать объ условіяхъ. Предвижу множество хлопотъ и затрудненій, очень слегка надѣюсь на нѣкоторое вознагражденіе въ успѣхѣхъ представленія; но во всякомъ случаѣ утѣшаюсь мыслию, что это уже моя послѣдняя глупость, и что какъ бы ни приняли „Андромаху“, разница будетъ для меня въ томъ только, что я съ бѣльшимъ или мѣньшимъ отвращеніемъ сойду съ поприща, на ко-

торое никому пускаться не желаю. Недавно играли новую комедию: „Аристофанъ“ и приняли ее хорошо; Колосова опять на театрѣ, elle enlève la railla. Семенова, послѣ долгаго сна, отлично сыграла Медею: какое дарованіе, и какъ жаль, что она его выпускаетъ! Каратыгинъ къ бенефису своему перевелъ стихами трагедию: *Blanche et Guiscard* и весьма не дурно, такъ что я ему совѣтую на будущій годъ приняться за что-нибудь лучшее, напримѣръ *Manlius*.

Съ нетерпѣніемъ жду остальныхъ пѣсней твоего „Онѣгина“; желалъ бы также познакомиться съ „Цыганами“, о которыхъ чудеса разказываютъ: отчего ты ихъ не печатаешь? Или цензура?... Я собираю свои стихотворенія издать, и какъ ни увѣренъ по совѣсти, что въ нихъ нѣтъ ни одного слова, ни одной мысли непозволительной, но все боюсь; ибо никакъ не могу постичь, чѣмъ напимъ цензорамъ не по вкусу и какъ писать, чтобы имъ угодить.

Прощай, умница; дай Богъ тебѣ здоровье и скорый возвратъ! Не забывай, что искренно любить и тебя, и твое дарованіе не-романтикъ Павелъ Катенинъ.

Ноября 24-го 1825.

219.

А. А. Бестужеву.

30-го ноября [1825 г. Михайловское].

Я очень обрадовался письму твоему мой милый, я думалъ уже что ты на меня дуешься — радуюсь и твоимъ занятіямъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій — таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты — да, кажется, Вяземскій — одни изъ нашихъ литераторовъ — учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ объ журналѣ; онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость — а дѣло было бы чудно-хорошо. Ты пѣ-

20*

няешь мнѣ за то что я не печатаюсь — надоѣла мнѣ печать — опечатками, критиками, защищеніями etc. Однако поэмы мои скоро выдутъ. И онѣ мнѣ надоѣли; Русланъ молокососъ, Пльнникъ зеленъ — и предъ поэзіей кавказкой природы — поэма моя: Голиковская проза. Къ стати: кто писалъ о горцахъ въ Пчелѣ? вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли, герой моего воображенья? когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева etc. — Въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль что я съ нимъ не встрѣтился въ Кобардѣ — поэма моя была бы лучше. — Важная вещь: я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать — робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я не читалъ о Романтизмѣ, все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его духи? до сихъ поръ я ихъ не читалъ. Жду твоей новой повѣсти, да возмись-ка за цѣлый романъ — и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ слогъ сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь планцику Рылѣву, какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я право болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ. Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

30 Ноября.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Кондратью Ѳедоровичу Рылѣву въ С. Петербургъ. У Синяго мосту въ домѣ Американской компаніи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву.

220.

Е. А. Боратынскій — Пушкину.

[Декабрь 1825 г. Москва].

Благодарю тебя за письмо милый Пушкинъ: оно меня очень обрадовало ибо я очень дорожу твоимъ воспоминаніемъ. Вни-

маніе твое къ моимъ рифмованнымъ бездѣлкамъ заставило бы меня много думать о ихъ достоинствѣ, ежели-бъ я не зналъ что ты столько-же любезенъ въ своихъ письмахъ, сколько высокъ и трогателенъ въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ.

Не думай чтобы я до такой степени былъ маркизомъ что бѣ нечувствовать красоту романтической трагедіи. Я люблю Героевъ Шекспировыхъ почти всегда естественныхъ, всегда занимательныхъ, въ настоящей одѣждѣ ихъ времени и съ сильно означенными лицами. Я предпочитаю ихъ Героямъ Расина; но отдаю справедливость великому таланту французскаго Трагика. Скажу болѣе: я почти увѣренъ что французы не могутъ имѣть истинной Романтической трагедіи. Не правила Аристотеля налагаютъ на нихъ оковы — легко отъ нихъ освободиться — но они лишены важнѣйшаго способа къ успѣху: изящнаго языка простонароднаго. Я уважаю Французскихъ класиковъ: они знали свой языкъ, занимались тѣми родами поэзіи которые ему свойственны и произвели много прекраснаго. Мнѣ жалки ихъ новѣйшіе романтики: мнѣ кажется, что они садятся въ чужія сани.

Жажду имѣть понятіе о твоёмъ Годуновѣ. Чудесный нашъ языкъ ко всему способенъ, я это чувствую, хотя не могу привести въ исполненіе. Онъ созданъ для Пушкина, а Пушкинъ для него. Я увѣренъ что трагедія твоя исполнена красотъ необыкновенныхъ. Иди, довершай начатое ты, въ комъ поселился Геній! Возведи русскую Поэзію на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ Великій возвелъ Россію между державами. Соверши одинъ что онъ совершилъ одинъ; а наше дѣло признательность и удивленіе.

Вяземскаго нѣтъ въ Москвѣ; но я на дняхъ ѣду къ нему въ Астафьево и исполню твое препорученіе. Духовъ Кюхельбекера читалъ. Не дурно — да и не хорошо. Веселость его не весела а Поэзія бѣдна и козновазычна. Эду для тебя не переписываю потому что она на дняхъ выйдетъ изъ печати. Дельвигъ которой въ П-гѣ смотритъ за изданіемъ тотчасъ доставитъ тебѣ экземпляръ и пожалуй два, ежели ты не полѣнишься сдѣлать для меня что сдѣлалъ для Рылѣва. Посѣтитъ тебя живѣйшее мое желаніе; но Богъ вѣсть когда мнѣ это удастся. Случая же вѣрно не пропущу. Покамѣсть будемъ мѣняться письмами. Пиши милой Пушкинъ, а я въ долгу не останусь, хотя

пишу къ тебѣ съ тѣмъ затрудненіемъ съ которымъ обыкновенно пишутъ къ старшимъ.

Прощай, обнимаю тебя. За что ты Левушку называешь Львомъ Сергѣевичемъ? Онъ тебя искренно любитъ и ежели по вѣтренности какъ-нибудь провинился передъ тобою — твое дѣло быть снисходительнымъ. Я знаю что ты давно на него сердился; но долго сердито не хорошо. Я вмѣшиваюсь въ чужое дѣло; но ты простишь это моею привязанности къ тебѣ и твоему брату.

Преданный тебѣ Боратынскій.

Адресъ мой: въ Москвѣ у Харитона въ Огородникахъ домъ Мясоѣдовой.

221.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало декабря 1825 г. Михайловское].

Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то Альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ, у меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшихъ.

Совѣтъ.

Повѣрь: когда и мухъ и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной
Ни логикой, ни вкусомъ, милнй другъ
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердиться грѣхъ — но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграммой.

Соловей и кукушка.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной

Урчить и свищеть и гремить;
 Но безтолковая кукушка,
 Самолюбивая болтушка,
 Одно куку свое твердить;
 И эхо волѣдъ кукуеть то-же.
 Накуковали намъ тоску!
 Хоть убѣжать. Избавь насъ, Боже,
 Отъ эгегическихъ ку ку!

Движенье.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
 Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
 Сильнѣ бы не могъ онъ возразить,
 Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
 Но, Господа, забавный случай сей
 Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
 Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
 Однакожъ правъ [какой-то] упрямый Галилей.

Дружба.

Что дружба? легкій пылъ похмѣлья,
 Обиды вольный разговоръ,
 Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья
 Иль покровительства позоръ.

Мадригалъ.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,
 Съ Щастіемъ у васъ разладъ:
 И прекрасны вы не къ стати
 И умны вы не въ попадъ.

На оборотъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ
 Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

222.

П. А. Катенину.

4-го декабря [1825 г. Михайловское].

Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ. 1) что оно писано изъ П. Б., 2) что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3) что ты собираешься издать свои стихотворенія, 4) (и что должно было бы стоять первымъ) что ты любишь меня по старому. Можетъ быть, нынѣшняя переменна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я конечно печалиться о смерти Государя но какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I. Въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ, напоминають Генриха V. — Къ тому же онъ умень а съ умными людьми все какъ-то лучше; словомъ я надѣюсь отъ него много хорошаго. — Какъ бы хорошо было если нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! участникомъ ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ ли обо мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право совѣстно что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія. Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спать; впрочемъ я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина, и поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь, мочи нѣтъ хочется къ Вамъ. Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи.

4 декабря.

223.

А. П. Кернъ.

8-го декабря [1825 г. Тригорское].

Je ne m'attendais guère, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme, toutes ses heroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leilà — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation, mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Pétersbourg, mon exil me pèse plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traite en vieux maris. Que fait le vôtre, mon doux génie? Savez-vous que c'est sous ses traits que je m'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

8 déc.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous déteste quelquefois, qu'avant-hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, et que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.

224.

П. А. Плетневу.

[Первая половина декабря 1825 г. Михайловское].

Милый, дѣло не до стиховъ — слушай въ оба уха: если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно они вспомнятъ обо мнѣ... Если братъ, такъ братъ — не то что и совѣсти марать — ради Бога, не просить у Царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ; чортъ-ли въ нихъ? а просить или о вѣздѣ въ столицы или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои — хочется съ вами еще передъ смертію повратъ; но конечно благоразумнѣе бы отправиться за море — Что мнѣ въ Россіи дѣлать? Покажи это письмо Ж-у, который, можетъ быть на меня сердить — Онъ какъ нибудь это сладить. Да нельзя-ли дамъ взбуторажить?... Душа! я пророкъ, ей богу пророкъ! я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя От. и Сы. etc. — Выписывайте меня, красавцы мои — а не то не я прочту вамъ Трагедію свою. Къ стати: Борька также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ. И онъ байроничаетъ, описываетъ самаго себя! — Мой Юродивый впрочемъ гораздо милѣе Борьки — увидишь. Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще Юродивымъ. Воейковъ не напроказилъ-ли¹⁾ чего нибудь? Я его Сент. книжки не читалъ — Онъ что-то со мною трусить. Кюх... духи — дрянъ; стиховъ хорошихъ очень мало, вымысла нѣтъ никакого. Предисловіе одно порядочно. — Не говори этого ему — онъ огорчится.

Приписка съ боку 1-й страницы: Не ужь-то Ил. Мур. Загорскаго? если нѣтъ кто жъ псевдонимъ, если да: какъ жаль что онъ умеръ!

1) Передѣлано изъ «напечаталъ».

225.

В. К. Нюхельбенеру.

[Первая половина декабря 1825 г. Михайловское].

Преждѣ чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію я надѣялся найти въ ней и письмо — я тресъ, тресъ ее и ждалъ не выпадеть-ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не <.....>, и со злости духомъ прочелъ [оба дѣйствія] духовъ *), сперва про себя, а потомъ и въ слухъ. Нужна-ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда-ли? все равно; критикую: ты сознаешься что характеръ поэта не правдоподобенъ; сознание похвальное, но надобно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суетврія: отселѣ новыя, комическія черты. Зато Калибанъ — прелесть. Непонимаю что у тебя за охота пародировать Ж-го. Это простительно Цертелеву а не тебѣ. Ты скажешь что насмѣшка падаетъ на подражателей а не на него-самаго. Милый, вспомни что ты, если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально. Видитъ твое неуваженіе къ Ж. и рада.

Сиръ слово старое. Прочтутъ иные сыръ &c — очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать. — Пасъ стада главы моей (вшей?) впрочемъ вездѣ гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легкое воздушное творенье, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада — прекрасно. О стихосложеніи скажу что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія — на пр. слушать въ оба уха, брось видъ угрюмый, взглядъ унылый, молодець ретивый, здернетъ чепецъ на старухѣ &c — Все это я прощаю для Калибана который чудо какъ

*) На помѣ Пушкинымъ сдѣлана выноска: «Calembour! reconnais-tu le sang?»

мигъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по
прежнему; и увѣренъ, что этимъ тебя не разсержу — но вотъ
чѣмъ тебя разсержу: Кн. Шихматовъ несмотря на твой разборъ
и смотря на твой разборъ, бездушный, холодный, надутый, скуч-
ный пустомеля . . . ай ай, больше не буду! не бей меня —

На оборотъ: Кюх. . . .

226.

Къ А. П. Кернъ.

[Вторая половина декабря 1825 г. Михайловское].

Je vous prie chère Анна Петровна d'envoyer chez moi Arnt
mais n'en dites rien au grands parents. А. П.

1826.

227.

Е. А. Боратынскій — Пушкину.

[Середина января 1826 г. Москва].

Посылаю тебѣ Уранію, милый Пушкинъ! невелико сокровище; но блаженъ, кто и малымъ доволенъ. Намъ очень нужна философія; однакожъ, позволь тебѣ указать на піесу подъ заглавіемъ: Я есмь. Сочинитель мальчикъ лѣтъ восемнадцать и, кажется, подаетъ надежду. Слогъ не всегда точенъ, но есть поэзія, особенно сначала. На концѣ метафизика, слишкомъ темная для стиховъ. Надо тебѣ сказать, что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо-ли это, или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не

слишкомъ понимаю новѣйшихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ пѣтику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начало ея мнѣ кажется можно опровергнуть фило-софически. — Впрочемъ, какое о томъ дѣло, особливо тебѣ. — Твори прекрасное и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову. — Какъ ты отдѣлалъ элегиковъ въ своей эпиграммѣ! — Тутъ и мнѣ достается — да и по дѣломъ; я прежде тебя опохватился и въ одной не напечатанной піесѣ говорю, что стало очень при-торно:

Вытѣ жеманное поэтовъ нашихъ лѣтъ.

Мнѣ пишутъ, что ты затѣваешь новую поэму „Ермака“. Предметъ истинно поэтический, достойный тебя. Говорятъ, что когда это извѣстіе дошло до Парнасса, и Камозенсъ вытаращилъ глаза. — Благослови тебя Богъ и укрѣпи мышцы твои на великій подвигъ!

Я часто вижу Вяземскаго. На дняхъ мы вмѣстѣ читали твои мелкія стихотворенія. Думали пробѣжать нѣсколько пьесъ и прочли всю книгу. Что ты думаешь дѣлать съ Годуновымъ? — Напечатаетъ-ли его, или попробуешь его прежде на театрѣ? Смерть хочется его узнать. Прощай, милый Пушкинъ, не забывай меня!

228.

В. А. Жуковскому.

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское].

Я не писалъ къ тебѣ во первыхъ потому что мнѣ было не до себя, во втор. за не имѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ Государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно правительство удостовѣрилось что я заговору не принадлежу и съ

возмутителями 14 декабря связей политических не имѣлъ — но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ которые имѣя какія нибудь свѣденія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но ктоже кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? о заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все таки я отъ жандарма еще не ушелъ, легко можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно (NB оба-ли Раевскіе взяты, и въ самомъ-ли дѣлѣ они въ крѣпости? напиши, сдѣлай милость). Теперь положимъ что Правительство и захочетъ прекратить мою опалу, съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы) но вамъ рѣшительно говорю не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее повѣденіе [будетъ] зависеть отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.

Итакъ остается тебѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они.

Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пуцинымъ и Орловымъ —

Я былъ массонъ въ Киш. ложѣ, т. е. въ той за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

Я наконецъ былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ —

[Но когда] Покойный Императоръ сославъ меня [онъ] могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

Письмо это не благоразумно конечно, но должно-же довѣрять иногда и щастію. Прости будь щастливъ, это покаместъ первое мое желаніе.

Преждѣ чѣмъ сожжешь это письмо покажи его Кар... и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать Царю: В. В., Если Пушкинъ не замѣненъ, то нельзя-ли наконецъ позволить ему возвратиться? —

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Алекс. — предметъ богатый! — Но въ теченіи десяти лѣтъ его Царствованія, лира твоя молчала. Это лучший упрекъ ему — Никто болѣе тебя не имѣлъ право сказать: гласъ лиры гласъ народа. Слѣдств. я не совѣмъ былъ виноватъ подсвистывая ему до самаго гроба.

 229.

Барону А. А. Дельвигу.

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское].

Милый Баронъ! вы обо мнѣ беспокоитесь и напрасно — Я человекъ мирный. Но я беспокоюсь — и дай богъ чтобъ было по напрасну — Мнѣ сказывали что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности — Но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна — Узнай гдѣ онъ и успокой меня — Прощай мой милый другъ. П.

На оборотъ: Барону Дельвигу.

 230.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

21-го Января 1826 г. [Петербургъ].

Вотъ тебѣ, радость моя, и книги. Письма de Junius запла- тить я 15 руб., Театръ de Schiller 40 р., да его мѣлкія стихо- творенія особо 8 руб. И такъ нынѣшняя посылка собственно для тебя стоитъ 63 рубля. Сверхъ того получишь ты налич- ными деньгами (въ общій счетъ издерживаемыхъ мною для тебя денегъ твоихъ) отъ Прасковьи Александровны 156 рублей, ко- торые изъ твоихъ же издержалъ я на покупку ей двухъ анкор-

ковъ вина и двѣнадцати бутылокъ рома; потому что человекъ ея мало получилъ за продажу и ничего не могъ мнѣ дать на покупки для своей барыни.

Прошу тебя сказывать мнѣ, доволенъ ли ты остаешься моими покупками, какъ съѣстными, такъ и питейными, а равно и читательными. Ты мнѣ своимъ одобреніемъ прибавишь куража, а побранкой выучишь. На случай надобности книгъ посылаю тебѣ и Каталогъ С.-Флорана.

Получилъ ли ты (непремѣнно увѣдомь) пять экз. твоихъ Стихотвореній? Доволенъ ли изданіемъ? Не принять ли этотъ форматъ, буквы и разстановку строкъ для будущихъ новыхъ изданій твоихъ поэмъ, разумѣется кромѣ слѣдующихъ главъ Онѣгина?

Мнѣ Карамзинны поручили очень благодарить тебя за подарокъ имъ твоихъ Стихотвореній. Карамзинъ убѣдительно просилъ меня предложить тебѣ, не согласишься ли ты прислать ему для прочтенія Годунова. Онъ ни кому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому ты велишь.

Жуковскій тебя со слезами цѣлуетъ и о томъ же просить. Сдѣлай милость напиши имъ всѣмъ по письмецу.

Я продалъ въ разныя руки книгопродавцамъ твоихъ Стихотвореній до 600 экз., съ уступкою 20 процентовъ, потому что на личныя (sic) деньги. У меня теперь твоей суммы, за всѣми издержками по изданію и по разнымъ къ тебѣ посылкамъ, съ остальными деньгами отъ Онѣгина, хранится болѣе 4000 рублей. Изъ этой суммы Дельвигъ выпросилъ на нѣкоторое время 2000. Что прикажешь дѣлать съ твоимъ богатствомъ? Переслать ли тебѣ все въ наличности, или въ видѣ какой нибудь природы, или приступить къ какому нибудь новому изданію? Умоляю тебя, напечатать одну или двѣ вдругъ главы Онѣгина. Отбоя нѣтъ: всѣ жадничаютъ его. Хуже будетъ, какъ простынетъ жарь. Ужь я и то боюсь: стращаютъ меня, что въ городѣ есть списки второй главы. Теперь ты не можешь отговариваться, что ждешь Пол. Звѣзды. Она не выйдетъ. Присылай, душа!

Скоро выйдутъ Пиры и Эда; также Сѣверные Цвѣты. Другіе альманахи всѣ дрянъ. Я думаю, тебѣ все-таки наслали ихъ издатели.

Пиши ко мнѣ обстоятельнѣе обо всемъ, что ты думаешь: не нужно ли также чего перемѣнить въ моихъ правилахъ въ раз-

сужденіи изданій. Больше всего прошу тебя не забывать Карам-
вина и Жуковского. Они очень могут тебѣ быть полезными
при твоёмъ аневризмѣ. Съ такою болѣзнію шутить не надобно.
Весь твой Плетневъ.

21 Генв. 1826.

231.

П. А. Плетневу.

[Вторая половина января 1826 г. Михайловское].

Душа моя, спасибо за Стих. Ал. П., изданіе очень мило;
кое-гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится — Еще разъ благо-
дарю сердечно и обнимаю дружески —

Что дѣлается у васъ въ П. Б.? я ничего не знаю, всѣ пере-
стали ко мнѣ писать — Вѣрно вы полагаете меня въ Нерчинскѣ.
Напрасно, я туда не намѣренъ — но неизвѣстность о людяхъ, съ
которыми находился въ короткой связи меня мучить. Надѣюсь
для нихъ на милость Царскую — Къ стати: Не можетъ-ли Ж.
узнать могу-ли я надѣяться на Высочайшее снисхожденіе, я
6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори — мнѣ всего 26.
Покойный Имп. въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ
строчки нерелигіозныя — другихъ художествъ за собою незнаю.
Ужели молодой нашъ Царь не позволитъ удалиться куда нибудь
гдѣ бы потеплѣе? — если уже никакъ нельзя мнѣ показаться въ
П. Б. — а?

Прости душа скучно мочи нѣтъ.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Петру Александровичу
Плетневу. Въ Пет-Бургъ. Въ Екатерининской Институтъ.

232.

П. А. Катенинъ — Пушкину.

3-го февраля 1826 г. С. Петербургъ.

Извини, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что я такъ давно Тебѣ не отвѣчалъ: въ нынѣшнее смутное время грустна даже бесѣда съ пріятелемъ. Жандръ сначала попался въ бѣду, но его вскорѣ выпустили; о другихъ общихъ нашихъ знакомыхъ отложимъ разговоръ до свиданія: и почему бы ему не быть вскорѣ? Стихотворенія твои я читалъ, большая часть мнѣ давно извѣстна; но скажи пожалуй, къ какому К—ну ты пишешь нѣчто о Колосовой? Многие думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ. Ты часто изволишь ставить начальныя буквы таинственно: въ Невскомъ Альманахѣ (издатель долженъ быть слишкомъ добрый человѣкъ) послѣ Полеваго et compagnie стоитъ какой-то К... дальный вашъ (чей?) родня; моя совѣсть чиста, ибо по сію пору я ни въ Невскомъ, ни въ другомъ альманахѣ ничего не печаталъ; но злые люди!.. Однако чортъ съ ними; я хочу поговорить съ тобою о человѣкѣ очень хорошемъ, умномъ, образованномъ и мнѣ коротко знакомомъ; назвать до времени не могу. Онъ намѣренъ въ началѣ будущаго года выдать также альманахъ, разумѣется не такой, какъ нынѣшніе. Я для него рѣшаюсь нарушить мой зарокъ и написать что-нибудь порядочное; время есть; сверхъ того я вызвался выпросить стиховъ у тебя, и надѣюсь, что ты не введешь меня въ лгуны; болѣе: я прошу у тебя такихъ стиховъ, которыми бы ты самъ былъ доволенъ, вещи дѣльной. Будь умница и не откажи. Готовое теперь ты вѣроятно еще прежде издашь; но это все равно, будетъ другое; и въ твои лѣта и съ твоимъ дарованіемъ все должно идти чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Слышалъ я о второй части „Онѣгина“, о трагедіи: „Годуновъ“; любопытенъ чрезвычайно все это видѣть; но ты рѣшительно не хочешь мнѣ ничего показать, ни прислать. Богъ тебѣ судія; а я какъ истый христіанинъ, прощаю, съ уговоромъ только: чтобы ты непременно, безъ отговорокъ и вполнѣ, удовлетворилъ мою вышлеписанную покорнѣйшую просьбу; за человѣка могу я ручаться, какъ за

себя, слѣдственно и за достоинство предполагаемаго изданія уже впередъ нѣсколько отвѣчаю; но безъ тебя, баловень музъ и публики, и праздникъ не въ праздникъ. Это мнѣ опять напоминаетъ твое отсутствіе. Постарайся, чтобы оно кончилось. Самому тебѣ не желать возврата въ Петербургъ странно! Гдѣ же лучше? Запретить тебѣ на отрѣзъ, кажется, нѣтъ довольно сильныхъ причинъ. Если-бъ я былъ на мѣстѣ Жуковскаго, я бы давно хлопоталъ, какъ бы тебя возвратить тѣмъ, кто тебя душевно любитъ. Правда, я бы тогда хлопоталъ для себя.

Прощай, милый; будь здоровъ и покуда хоть пиши. Мое почтеніе царю Борису Федоровичу; любезнаго проказника Евгенія прошу быть моимъ стряпчимъ и ходатаемъ у его своснаправнаго пріятеля. Прощай. Весь твой Павелъ Катенинъ.

Февр. 3-го 1826.
С.-Петербургъ.

 233.

Баронъ А. А. Дельвигъ — Пушкину.

[Начало февраля 1826 г. Петербургъ].

Милый мой Пушкинъ, до тебя дошли ложные слухи о Раевскомъ. Правда, они оба въ Петербургѣ, но на совершенной свободѣ. Государь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невинности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ. Отецъ ихъ сдѣланъ членомъ Совѣта. Нашъ сумасшедшій Кюхля попался, какъ ты знаешь по газетамъ, въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились объ немъ такъ, какъ должно было ожидать воѣмъ знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ со-воѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ Славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета. Зная его доброе сердце и притомъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыя жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы, вѣрно, кому нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобы это была правда. Говорятъ, великій князь Михайла Павловичъ съ нимъ

болѣе всѣхъ ласковъ. Какъ отъ сумасшедшаго, отъ него можно всего ожидать, какъ отъ злодѣя — ничего.

По письму твоему примѣтилъ я, что ты изволишь на меня дуться, быть можетъ, за долгое мое молчаніе. Исправься, душа моя, отъ такого грѣха; будь человѣкомъ, не будь звѣремъ! Пиши ко мнѣ по прежнему, за то я буду отвѣчать не по прежнему, то-есть, окуратнѣе. „Сѣверные Цвѣты“ давно готовы, одинъ Дашковъ не совсѣмъ выпростался, а такого одного ждуть съ охотою семеро. Твоя 2-я пѣснь „Онѣгина“ вездѣ читается и переписывается. Я не только что никому ее не давалъ, да и самъ не имѣю. Твой экземпляръ отдалъ Вяземскому, и для „Цвѣтовъ“ тобою назначенные куплеты его жена мнѣ и переписала, и прислала. Дѣла поправить нечѣмъ другимъ, какъ прислать ее съ 3-й къ Плетневу и приказать печатать. Поздравленіе съ „Борисомъ Годуновымъ“ я было писалъ на огромномъ листѣ, да отъ радости до сихъ поръ не окончилъ. Царикамъ горь мое почтеніе. Прощай.

Твой Дельвигъ.

234.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

6 февр. 1826. С. п. б.

Посылаю, душа моя, по желанію твоему тысячу рублей. Напрасно ты нападаешь на меня за знаки препинанія. Можетъ быть, ты самъ виновать. Рукопись прислалъ ты очень неисправную, а ее переписывалъ какой-то писарь; и такъ еще болѣе испортилъ. Послѣ того трудно добиться вездѣ аккуратно до настоящаго смысла. Совѣтую тебѣ впередъ отдавать кому нибудь переписывать у себя, да послѣ просматривать. А безъ того заочно всегда будутъ неисправности.

Ты отказываешься прислать Годунова за тѣмъ, что некому переписать. Это странно. Вѣдь надобно жъ будетъ когда нибудь объ этомъ похлопотать. Пригласи изъ Опочки дни на три къ себѣ какаго нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что онъ всѣ твои стихи возметъ переписывать тебѣ.

Ты все-таки не сказалъ мнѣ и не прислалъ ничего, что надобно печатать. Не далеко ужъ Вел. Постъ. Это послѣднее время. Послѣ Свят. Недѣли книжная торговля прекращается. Опять принуждены будемъ ждать зимы. Уже ли ты въ нынѣшнюю зиму ничего не выдашь болѣе, кромѣ Стих. Ал. Пушки. Сдѣлай милость, выпусти Онѣгина. Уже ли не допрошусь я.

Скажи Пр. Ал. что я получилъ отъ нея 25 р., но не высылаю книгу по тому, что онѣ еще не вышли. Эда и Пиры должны явиться на дняхъ, за ними Сѣв. Цвѣты, а ужъ послѣ Крыловъ.

Карамзинъ болѣнъ. Не худо бы тебѣ и навѣстить его письмомъ. Жуковскій не писалъ стиховъ на смерть Государя, а для выпуска въ Институтѣ, которые однако жъ посвящены воспоминанію объ Императорѣ покойномъ. Я ихъ еще не получилъ. Получу, такъ и приплю. Гнѣдичъ также плохъ здоровьемъ. Бѣда, какъ мы останемся безъ конца Идіады.

Обнимаю тебя и желаю, что бы ты былъ у себя съ писаремъ. Дельвигъ тебѣ уже писалъ. Плетневъ.

235.

Барону А. А. Дельвигу.

[Первая половина февраля 1826 г. Михайловское].

Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази что я въ глуши ровно ничего незнаю, переписка моя всюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до сыта. Конечно я ни въ чемъ незамѣненъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ то оно въ томъ легко удостовѣриться. Но просить мнѣ какъ то совѣстно особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному

Царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ — но никогда я не проповѣдовалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію нежели къ дѣятельности, и если 14 декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то нибыло я желалъ бы вполне и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ Его, независитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованіе заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодаго нашего Царя. Не будемъ ни суевѣрны ни односторонни — какъ фр. трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай душа моя. Пушкинъ.

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ, но сдѣлай такъ, чтобъ прежде вел. поста они находились опять у Плетнева.

На оборотъ: Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу Дельвигу въ С. Петербургъ въ Б. Мильной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ.

236.

П. А. Катенину.

[Первая половина февраля 1826 г. Михайловское].

Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полного твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою, показалось бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ радуеть меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала

въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе, и дать нашей Словесности новое, истинное направленіе? Покажѣсть, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многие (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отъучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Еслибъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты Русской Словесности: какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?

237.

Барону А. А. Дельвигу.

20-го февраля [1826 г.] Михайловское.

Мой другъ Баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ Гименеємъ

Jo hymen Нуменаее io,
Jo hymen Нуменаее!

т. е. чортъ побори вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побори.—

Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: Апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огонь вѣчный—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня Баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что Тевтонъ Кюхля не былъ славянинъ, а охмѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Повѣденіе Вел. Кн. Михаила въ отношеніи къ нему, очень благородно. Но что Ив. Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться—сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость Царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не

нужно. Правительство может пренебречь ожесточение нѣкоторыхъ обличенныхъ Я писалъ Ж. — и жду отвѣта.

Покаместъ я совершенно одинъ. Пр. Ал. уѣхала въ Тверь, сей часъ пишу къ ней и отсылаю Эду — что за прелесть эта Эда! Оригинальности разказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусарь, Эда и самъ поэтъ — всякой говоритъ по-своему. А описанія Лифляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! — чудо! — Видѣлъ я и Слѣпушкина; неужь то никто ему не поправилъ Святки, Масленицу, Избу? У него истинный *свой* талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экз. Руслана и моихъ стих. — съ тѣмъ, чтобъ онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою. — Жду Цвѣтовъ.

На оборотъ: Дельвигу.

238.

П. А. Осиповой.

20-го февраля [1826 г. Михайловское].

Madame, Voici le nouveau poëme de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef-d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiment. Vous en serez enchantée.

Je présume, Madame que vous êtes maintenant à Twer; je souhaite que vous y passiez votre tems agréablement mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky, ou après vous avoir regrettée, nous commençon déjà à vous attendre.

Recevez, Madame l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 fevr.

Veillez, Madame, présenter mes hommages à M-lle votre fille ainsi qu'à M-lle Netty.

239.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

27 февр. 1826. [Петербургъ].

Стихотвореній Александра Пушкина у меня уже нѣтъ ни одинаго экз., съ чѣмъ его и поздравляю. Важнѣе того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше отъ меня ничего получить. Это быстрое разтеченіе твоихъ сочиненій впередъ заставитъ ихъ прежде отпечатанія скупать ихъ гуртомъ на наличныя деньги. При продажѣ нынѣшней я руководствовался формою, которая изобрѣтена была Гнѣдичемъ, по случаю продажи Стихотвореній Батюшкова и Жуковского. Вотъ она: 1) Покупщику, требующему менѣе 50 экз. нѣтъ уступки ни одного процента. 2) Кто беретъ на чистыя деньги 50 экз., уступается ему 10 проц. 3) Кто 100 экз., уступается 15 проц. 4) Кто 300 экз., уступается 20 проц. 5) Кто 500 экз., уступается 25 проц. 6) Кто 1000 экз., уступается 30 процентовъ.

Къ нашему благополучію книгопродавцы наши такъ еще бѣдны или нерасчетливы, что изъ послѣднихъ двухъ статей ни одинъ не явился, и всѣ покупали по 4-ой статьѣ.

На будущее время я отважусь предложить имъ одну общую статью: кто бы сколько ни бралъ, деньги долженъ вносить чистыя и уступки больше 10 проц. не получить. Меня затруднялъ способъ сохранять отпечатанныя книги до продажи всѣхъ, особенно при большомъ изданіи; но теперь и это препятствіе уничтожено: слѣдственно ничто меня не принудитъ сдаваться этимъ Вандаламъ. Только еще прошу тебя обязать меня официальнымъ письмомъ (да не причтутъ мнѣ этой новости въ притѣсненіе торговли ихъ!), что я не имѣю права сбавлять или увеличивать число процентовъ выше или ниже 10.

Скажи теперь по совѣсти, правъ ли я въ своихъ предсказаніяхъ на счетъ твоихъ доходовъ. Возпользуйся же еще нынѣшней зимой, а лѣтомъ нѣтъ продажи книгъ. Если ты не рѣшился выписывать писаря, пришли мнѣ черновыя бумаги; я или самъ перепису, или найму; потомъ все переписанное перешлю тебѣ для свѣрки или поправокъ; тогда ты обратно

мнѣ переплешь бумаги, и я приступлю къ печатанію. Въ твоей волѣ, что теперь начать: второе ли изданіе Разн. Стихот. (но въ этомъ случаѣ, надобно что нибудь прибавить; потому что въ другой разъ нѣкоторыхъ піесъ ужъ не пропустятъ), Бориса ли, Онѣгина ли, или Цыгановъ. Только сдѣлай милость, не медли. Остается не болѣе двухъ мѣсяцевъ, въ которые еще можно что нибудь сдѣлать. Жуковскій особенно проситъ прислать Бориса. Онъ бы желалъ его прочесть самъ, и еще (когда позволишь) на лекціи его. Другая его къ тебѣ коммисія состоитъ въ томъ, что бы ты написалъ къ нему письмо серьезное, въ которомъ бы сказалъ, что, оставляя при себѣ образъ мыслей твоихъ, на кои никто не имѣетъ никакого права, не думаешь играть словами никогда, которыя бы противорѣчили какому нибудь всѣми принятому порядку. Послѣ этаго письма онъ скоро надѣется съ тобою свидѣться въ его квартирѣ.

Что велишь дѣлать съ твоими деньгами? Хотя я не привелъ въ совершенно аккуратный счетъ всю операцію нынѣшняго изданія, но имѣя въ рукахъ (кромѣ издержанныхъ на нѣкоторыя къ тебѣ послыки, отосланной по твоему требованію тысячи, употребленныхъ на изданіе и заимообразно отданныхъ Дельвигу двухъ тысячъ) пять тысячъ еще. Разпоряжайся, милый, поскорѣе. Ты мнѣ давно не писалъ. Жду нетерпѣливо твоего отвѣта. Что скажешь объ Эдѣ? Скажи П. А., что Крыловъ еще не вышелъ, также и Сѣв. Цвѣты. Все пришло, какъ скоро появится. Б—кій вышелъ въ отставку и живетъ въ Москвѣ. Братъ твой здоровъ. Карамзину и Гнѣдичу лучше. Жуковскій страдаетъ гимороидами. Я весь къ твоимъ услугамъ. Обнимаю тебя. Плетневъ.

240.

П. А. Плетневу.

3-го марта [1826 г. Михайловское].

Карамзинъ боленъ! милый мой это хуже многого. Ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Илиады—или реку

въ сердцѣ своемъ: нѣсть Тебѣ. Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишите меня въ П. Б. Что это въ самомъ дѣлѣ? стыдное дѣло. Слѣ- Пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному — шишъ. Такъ и быть; отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака (что мнѣ слѣдуетъ); по крайнѣй мѣрѣ пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ П. Б. Вотъ какого быть вѣрноподаннымъ! забудутъ и квитъ. Получили-ли вы мои приятели письма мои дѣльные, т. е. дѣловыя? Что жъ не отвѣчаютъ? А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ Опоческихъ, да издавай Онѣгина. Мнѣ не до Онѣгина. Чортъ возьми Онѣгина! я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

3 марта.

На оборотѣ: Его высокоблагородію Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургѣ. Въ Екатерининскомъ институтѣ.

241.

Анна Николаевна Вульфъ — Пушкину.

[Начало марта 1826 г. Малинники].

Vous devez être maintenant à Михайловское depuis longtems—voilà tout ce que je puis savoir au juste sur votre compte. Longtems j'ai balancé si je vous écrirai avant de recevoir une lettre de vous; mais comme la réflexion ne me sert jamais de rien, j'ai fini par céder au désir que j'avois de vous écrire. Mais par quoi comencerois je et que vous dirois-je? Je crains et je ne puis laisser aller ma plume; Dieu, pourquoi ne suis-je pas partie avant, pourquoi — mais non, mes regrets ne servent à rien — ils ne seront peut être qu'un triomphe pour votre vanité; il est très

probable que vous ne vous rappelez plus les derniers jours que nous avons passés ensemble. Je suis fâchée de ne vous avoir pas écrit les premiers jours de mon arrivée: ma lettre auroit été charmante; mais aujourd'hui cela m'est impossible: je ne puis être que tendre et je crois que je finirai par déchirer cette lettre. Savez vous que je pleure en vous écrivant? Cela me compromet, je le sens; mais c'est plus fort que moi; je ne puis me vaincre.— Il est presque sûr que je reste ici; ma chère Mère l'a arrangé sans me demander mon avis; elle dit que c'est une grande conséquence de ma part de ne pas vouloir rester maintenant quand en hiver je voulois partir seule même! Voyez que vous êtes fautif de tout vous même; dois-je maudire ou bénir la providence de vous avoir envoyer sur mon chemin*) à Trigorsko? Si encore vous m'en voudrez d'être restée ici, vous serez un monstre après cela,—entendez-vous, Monsieur? Je ferai tout mon possible de ne pas rester, je vous donne ma parole et si je ne réussis pas, croyez que cela ne sera pas ma faute. Ne croyez cependant pas que cela soit peut être parceque je n'ai personne ici; loin de cela: j'ai trouvé un Cousin charmant qui m'aime passionnément et ne demande pas mieux que de me le prouver à votre manière si je le voulois. Ce n'est pas un Uland, comme vous le supposerez peut être, mais un officier de la garde, un charmant jeune homme et qui ne me fait d'infidélité pour personne; entendez-vous? Il ne peut supporter l'idée que j'ai passé tant de tems avec vous, un aussi grand libertin. Mais hélas! Je ne sens rien à son approche: sa présence ne fait naître aucune émotion en moi. Je crois toujours recevoir une lettre de vous. Quelle jouissance cela seroit pour moi! Cependant je n'ose vous le demander, je crains même que je ne pourrois pas vous écrire, car je ne sais, si je pourrois cacher mes lettres de mes cousines et alors que pourrois-je vous dire? J'aime mieux ne point recevoir de vos lettres aussi que d'en avoir de pareilles à celles de Riga.

Pourquoi ne vous ai-je pas quitté à présent avec l'indifférence d'alors, pourquoi Netty n'est-elle pas venue me chercher alors? peut être nous nous serions séparés autrement. Cette lettre sous différents pretextes je ne lui ai pas montré en disant que c'est à A. K. que j'écrivois. Mais je ne pourrois pas le faire toujours sans donner du soupçon; malgré toute mon étourderie et mon

*) Эти три слова зачеркнуты.

inconséquence vous avez su me rendre discrète. Je parle de vous aussi peu que possible, mais je suis triste et je pleure. Je suis bien folle cependant car je suis sûre que pour vous vous pensez à moi avec beaucoup d'indifférence déjà et dites peut être des horreurs de moi tandis que moi! — J'ai oublié de vous dire que Maman a trouvé que vous étiez triste à notre départ. Емы, кажется, насъ жалъ! Mon désir de retourner lui donne du soupçon et je crains de trop presser. Adieu, je vous fais une grimace. —

Le 8 Mars. Il y a déjà quelques tems que je vous ai écrit cette lettre: je ne pouvois me résoudre à vous l'envoyer. Dieu! il est décidé que je reste ici. Hier j'ai eu une scène très vive avec ma mère pour mon départ. Elle a dit devant tous mes parents qu'elle me laissoit décidément ici, que je devois rester et qu'elle ne pouvoit pas me prendre, puisqu'en partant elle s'étoit arrangée de manière à me laisser ici. Si vous saviez comme je suis triste. Je crois vraiment comme A. K. qu'elle veut seule faire votre conquête et que c'est par jalousie qu'elle me laisse ici. J'espère cependant que cela ne sera que jusqu'à l'été: ma tante ira alors à Pskoff et nous reviendrons ensemble avec Netty. Mais combien de changements peuvent arriver jusqu'alors, peut être qu'on vous pardonnera, peut être que Netty vous rendra autre. — Il sera mal avisé de ma part de revenir avec elle, j'en courrais le risque cependant et j'espère avoir assez d'amour propre pour ne pas vous regretter. — A. K. doit venir aussi ici; il n'y aura cependant pas de rivalité entre nous, il paroît que chacune est contente de son but. Cela vous fait honneur et prouve notre vanité et crédulité. Euphr. m'écrit que vous lui avez dit que vous vous êtes amusé à Pskoff — est-ce après moi? quel homme vous seriez alors et quelle sottise je serois! Avez vous pris la baguette [?] д'Ільа Ів.? quand je reviendroi, je vous la demanderai. Dieu! Si je recevois une lettre de vous, que je serai contente; ne me trompez pas, au nom du Ciel, dites que vous ne m'aimez pas du tout, alors je serai plus tranquille, peut être. Je suis furieuse contre ma Mère; quelle femme vraiment! Au reste, en tout cela il y a aussi de votre faute.

Adieu, que direz vous après avoir lu cette lettre? Si vous m'écrirez, faites le par Treuer, cela sera plus sûr. Je ne sais pas comment vous adresser cette lettre, j'ai peur que par Trigorsko

elle ne tombe dans les mains de Maman; ou vous écrierois-je par Euph. — dites moi ce qui sera mieux.

242.

П. А. Плетневу.

[Начало марта 1826 г. Михайловское].

Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія — Въмѣстѣ съ твоимъ получилъ я письмо и отъ Заикина съ увѣдомленіемъ о продажѣ Стих. А. П. и съ предложеніями — Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ піесъ уже цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? и такъ погодимъ съ новымъ изданіемъ, время не уйдетъ, все переѣлится — будетъ мука — тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изд. (однако скажи: развѣ были какія нибудь неудовольствія по случаю моихъ Стихотв.? или это одни твои предположенія?) Знаешь-ли? ужъ если печатать что, такъ возьмемъ за Цыгановъ. Надѣюсь что братъ покрайнѣй мѣрѣ ихъ переписать — а ты пришли рукопись ко мнѣ — я доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія — и съ рукъ долой. А то всякой разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журн. у меня кровь портится — въ собраніи же моихъ поэмъ для новинки помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Верро, которая у меня въ запасѣ.

Жду отвѣта —

При семъ письмо къ Ж. въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ — Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Ж — а не отъ другога — впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса, и на какія лекціи? въ моемъ Борисѣ бранятся по <.....> на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу —

Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны — Сдержи долгъ и съ Д.

243.

В. А. Жуковскому.

7-го марта 1826 г. Михайловское.

Поручая себя ходатайству Вашего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію моей опалы. Въ 1824 году явное недоброжелательство Графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно разстроенное здоровье и родъ Аневризма требовавшего немедленнаго лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному Государю Императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его Величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню, за письмо писанное года три тому назадъ въ которомъ находилось сужденіе объ Аневизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное конечно всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ Государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть Его Величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный, я храню его про самаго себя и ненамѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости. Александръ Пушкинъ.

7 марта 1826. С. Михайловское.

На оборотъ: Василю Андреевичу Жуковскому.

244.

И. Е. Великопольскому.

[Первая треть марта 1826 г. Михайловское].

Милостивый Государь Иванъ Ермолаевич!

Сердечно благодарю Васъ за письмо, пріятный знакъ Вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ большимъ и большимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь-ли я снова къ Вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ покамѣстъ и за то.

Кланяюсь князю Циціанову; жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

245.

П. А. Катенинъ — Пушкину.

14-го марта 1826 г. С.-Петербургъ.

Премного благодарю, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, за готовность твою меня одолжить и предваряю тебя, что обѣщанные дары должны быть доставлены сюда отнюдь не позже перваго сентября, дабы издатель успѣлъ все кончить съ цензурою и типографіею ранѣ новаго года. Отъ изданія журнала вдвоемъ я отнюдь не прочь; но объ этомъ рано говорить, пока тебя здѣсь нѣтъ, что меня очень огорчаетъ. На друзей надѣяться хорошо, но самому плошать не надо. Я бы на твоемъ мѣстѣ одѣлалъ тоже, что на своемъ: написалъ бы прямо къ

Царю почтительную просьбу въ благородномъ тонѣ, и тогда я увѣренъ, что онъ тебѣ не откажетъ, да и не за что.

Наконецъ досталъ я и прочелъ вторую пѣснь „Онѣгина“ и вообще весьма доволенъ ею; деревенскій бытъ въ ней также хорошо выведенъ какъ городской — въ первой. Ленской нарисованъ хорошо, а Татьяна много общается. Замѣчу тебѣ однако (ибо ты меня посвятилъ въ критики), что по сіе время дѣйствіе еще не началось; разнообразіе картинъ и прелесть стихотворенія, при первомъ чтеніи, скрадываютъ этотъ недостатокъ, но размышленіе обнаруживаетъ его; впрочемъ его уже теперь исправить нельзя, а остается тебѣ другое дѣло: вознаградить за него вполне въ слѣдующихъ пѣсняхъ. Буде ты не напечаталъ второй до выхода альманаха, ее подари; а буде издашь прежде, просимъ продолженія: вещь премилая. Мои стихотворенія все еще переписываются въ Костромѣ, и оттолѣ весьма давно ко мнѣ ни слова не пишутъ, вѣроятно по той причинѣ, что и меня изволятъ считать въ числѣ заточенныхъ; коль скоро пришлютъ, приступлю къ напечатанію, но и тутъ бѣда, ибо глупость нашихъ цензоровъ превосходитъ всякое понятіе. „Андромаха“ принята на театръ, роли розданы и дирекція хотѣла было пустить ее въ ходъ во время коронаціи; но Семенова не хотѣла играть лѣтомъ и въ отсутствіи значительной части зрителей, обязанныхъ съ дворомъ отправиться въ Москву: И такъ, представленіе отложено до совершеннаго открытія театровъ, по истеченіи годоваго срока со дня смерти бывшаго Государя.

Что твой „Годуновъ“? Какъ ты его обработалъ? Въ строгахъ ли вкусѣ историческомъ или съ романтическими затѣями? Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что цензура его не пропуститъ: о, Боже! Читалъ ли ты Крылова басни, изданныя въ Парижѣ гр. Орловымъ съ переводами Французскимъ и Итальянскимъ? Изъ нихъ нѣкоторыя хороши, особливо басня „Ручей“, работы Лавина: прелесть. Помнишь ли, это было твое привычное слово, говоря со мной? Полно упрямитесь въ Опочкѣ, прїѣзжай-ко сюда, гораздо будетъ лучше и для тебя, и для насъ. До свиданія, моя умница, будь здоровъ; къ слову, ты что-то хворалъ: прошло-ли? Напиши. Прощай. Весь твой Павелъ Катенинъ.

Марта 14-го 1826. С.-Петербургъ.

246.

Анна Николаевна Вульфъ — Пушкину.

[Вторая половина марта 1826 г. Малинники].

Si vous avez reçu ma lettre, au nom du Ciel déchirez la! J'ai honte de ma folie, jamais je n'oserai lever mes yeux sur vous si je vous revois. Maman part demain et moi je reste ici jusqu'à l'été; du moins je l'espère ainsi. Si vous ne craignez pas de me compromettre auprès de ma soeur (comme vous le faites d'après sa lettre), je vous prie en grâce de ne pas le faire avec Maman. Aujourd'hui elle m'a plaisanté sur nos adieux de Pskow qu'elle trouve avoir été très tendres; „онъ говоритъ, она думала, что я ничего не замечаю“ (comment cela vous paroît-il?). Au reste vous n'avez besoin que de paroître tel que vous êtes pour la détromper et lui prouver que vous ne remarquez même pas mon absence. Quel prestige enchanteur m'avoit séduit! Comme vous savez feindre le sentiment. Je conviens avec mes cousines que vous êtes un homme bien dangereux, mais je tâcherai de devenir raisonnable. —

Au nom du Ciel déchirez ma première lettre et brisez ma tasse de Pskoff. C'est un mauvais signe d'en donner. Je suis très superstitieuse et pour vous récompenser de cette perte, je vous promets quand je reviendrai de vous donner la cire à cacheter que vous m'avez demandée à mon départ. — Je vais apprendre l'italien et malgré que je suis bien fâchée contre vous, je crois que ma première lettre sera pour vous.....*).

На оборотъ: Пушкину.

*) Одно слово вымарано.

247.

Баронъ А. А. Дельвигъ — Пушкину.

7-го апрѣля [1826 г. Петербургъ].

Милый Пушкинъ, посылаю тебѣ и Прасковѣ Александровнѣ на силу разцвѣтшіе „Сѣверные Цвѣты“. Желаю, чтобъ они тебѣ показались. Я, было, выпросивши у тебя позволеніе напечатать отрывокъ объ Овидіи, хотѣлъ помѣстить къ нему картинку: да что дѣлать съ нашими скотами-академиками! Ни одинъ не могъ сдѣлать что-нибудь сносное. Съ досады нашъ Дельвигъ бросился къ Григоровичу, уговорилъ его написать статью о русскихъ художникахъ и велѣлъ гравировать съ пяти русскихъ хорошихъ картинъ. Граверы сдѣлали, сколько могли. Къ будущему году жду отъ нихъ еще большаго. Пора имъ привыкнуть къ альманачному вкусу! Къ будущему году надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну, надѣюсь лично отъ тебя получить лучшіе цвѣты для моего парника или теплицы. Отъ Баратынскаго тоже. Деньги твои я взялъ, какъ хорошій Министръ Финансовъ, т. е. назначилъ Плетневу источникъ уплаты: Я купилъ у Баратынскаго „Эду“ и его Сочиненія, и „Эда“, продаваясь, въ скоромъ времени погаситъ совершенно мой долгъ. Живи, душа моя, надеждами дальними и высокими, трудись для просвѣщенныхъ внуковъ; надежды же близкія, земныя оставь на старанія друзей твоихъ и доброй матери твоей. Онѣ очень исполнимы, но еще не теперь. Дождись коронаціи, тогда можно будетъ просить Царя, тогда можно отъ него ждать для тебя новой жизни. Дай Богъ только, чтобъ она полезна была для твоей повѣи. Прощай, обнимаю тебя.

7-го Апрѣля.

Жена моя тебѣ кланяется и благодарить за поздравленіе. Еще прощай.

248.

В. А. Жуковский — Пушкину.

12 апрѣля [1826 г. Петербургъ].

Не сердись на меня, что я къ тебѣ такъ долго не писалъ, что такъ долго не отвѣчалъ на два послѣдніе письма твои. Я боленъ и лѣнивъ писать. А дѣльнаго отвѣчать тебѣ нечего. Что могу тебѣ сказать на счетъ твоего желанія покинуть деревню? Въ теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности ничего сдѣлать въ твою пользу. Всего благоразумнѣе для тебя остаться покойно въ деревнѣ, не напоминать о себѣ и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени. Я никакъ не умѣю изъяснить для чего ты написалъ ко мнѣ послѣднее письмо свое. Есть ли оно только ко мнѣ, то оно странно. Есть ли жъ для того что бы его показать, то безрасудно. Ты ни въ чемъ не замѣшанъ — это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ найдутся стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ. Ты знаешь какъ я люблю твою музу и какъ дорожу твоею благопріобретенною славою: ибо умѣю уважать Поэзію и знаю что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честью и драгоцѣнностію Россіи. Но я ненавижу все что ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности. Наши отроки (то-есть все зрѣющее поколеніе), при плохомъ воспитаніи, которое не даетъ имъ никакой подпоры для жизни, познакомились съ твоими буйными, одѣтыми прелестію поэзіи мыслями; ты уже многимъ нанесъ вредъ неизцѣлимый — это должно заставить тебя трепетать. Талантъ ничто. Главное: величіе нравственное. — Извини эти строки изъ катихивиса. Я люблю и тебя и твою Музу, и желаю чтобы Россія васъ любила. Кончу началомъ: не просись въ Петербургъ. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворятъ дверь свободы.

Я болѣвъ. Ёду въ Карлсбадъ; возвращусь не прежде какъ въ половинѣ сентября. Пришли къ этому времени то, что сдѣлано будетъ твоимъ добрымъ Геніемъ. То что напроказить твой

злой Геній, оставь у себя: я ему не поклонникъ. Прости, обнимаю тебя. Жуковский.

249.

П. А. Плетневъ — Пушкину.

14 Апр. 1826. [Петербургъ].

Не удивляйся, душа моя, что я цѣлый мѣсяць не писалъ къ тебѣ. Этотъ мѣсяць былъ для меня чернымъ не только въ году, но и во всей жизни. Съ роду не бывалъ я болѣнъ и не пробовавъ, каковы на свѣтѣ лѣкарства; а теперь безпрестанно ихъ глотаю черезъ часъ по двѣ ложки. Это однакожь не помѣшало мнѣ, хоть съ разными изворотами, исполнить всѣ твои комиссіи, а именно: 1) Князю Вяземскому отослано 600 руб. 2) Слѣдъ Пушкину доставленъ экз. твоихъ Стих. 3) Тебѣ посланы 2, 3—4 части Мнемозины. 4) Сверхъ того посланы тебѣ новое изданіе басенъ Крылова и Сѣверные Цв. 5) Отдано твое письмо Жуковскому. Ты вѣрно не знаешь, какой у насъ теперь моръ на писателей. Жуковский болѣнъ отчаянно и для своего спасенія получилъ совѣтъ ѣхать на теплыя воды. Карамзинъ не можетъ здѣсь выздоровѣть, и потому отправляется моремъ до Бордо, а оттуда по южной части Франціи во Флоренцію, гдѣ проживеть два года. Гѣдичу говорятъ доктора, что онъ можетъ ожидать спасенія отъ весны, а не отъ нихъ. Можешь по этому вообразить, въ состояніи ли ктонибудь въ этомъ положеніи начать какоенибудь важное дѣло. Сверхъ того такъ много еще хлопотъ постороннихъ. Мой совѣтъ и всѣхъ любящихъ тебя провести нынѣшнее лѣто въ деревнѣ. Къ осени Жуковский возвратится. Дѣлъ важныхъ сбавится. Все войдетъ въ обыкновенное теченіе. Тогда легче начать и Жуковскому. Тебѣ легко возражать, что за совѣтами нужды ни у кого не будетъ. Но ты хладнокровнѣе обними стеченіе этихъ странныхъ обстоятельствъ, и самъ согласишься, что прежде надобно заняться чѣмънибудь общимъ, а потомъ приступить къ частному. 6) Послана тебѣ Рукопись Цыгановъ. Аккуратнѣе исправь, да поскорѣе пришли: такъ и тиснемъ. Кстати. Не можешь ли ты рѣшиться напечатать второй главы Онѣгина? Это необходимо

нужно. Теперь она ходитъ въ самой неисправной рукописи по городу, и отъ этаго скоро къ ней потеряютъ вкусъ. Сдѣлай милость напечатать: тогда скорѣе разоидется и первая. Ты отъ этаго тѣмъ получишь денегъ. 7) Не стыдноли тебѣ такую старину воспоминать, каково дѣло твое съ Ольдекопомъ. Книжки его ужъ нѣтъ ни экземпляра; да я не знаю, существуетъ ли онъ въ какомъ нибудь форматѣ. И изъ чего ты хлопчешь? Если хочешь денегъ: согласись только вновь напечатать Кавказ. Плѣн., или Бахч. Фон., и деньги посыплются къ тебѣ. Если хочешь примѣромъ его учить другихъ: этаго никто не дѣлалъ, да и не сдѣлаетъ. Оставь во рту у нищаго кусокъ. Если его вырвешь; онъ, можетъ быть, умереть съ голода, а ты до сыта не наѣшься. Я бы очень желалъ, что бы ты нѣсколько замѣчаній своихъ на Тацита пустилъ въ ходъ съ цитатами. Это у многихъ повернуло бы умы. Не полѣнись, любезный братъ. Къ Баратынскому ты слишкомъ пристрастенъ. Онъ любитъ еще играть словами; въ слогѣ есть кокетство; во многомъ Французъ, хоть и люблю его до смерти. Твое письмо къ брату убійственно. У меня бы рука не поднялась такъ отвѣчать. На Аладына плюнь.

 250.

Анна Николаевна Вульфъ — Пушкину.

20-го апрѣля [1826 г. Малинники].

Dieu! Quelle émotion j'ai éprouvée en lisant votre lettre et que j'aurois été heureuse si la lettre de ma soeur n'avoit mêlé de l'amertume à ma joie. Hier matin je prenois le thé quand on m'apporta de la poste les livres, je ne pouvois deviner d'où ils me venoient; quand en l'ouvrant je vis Lascasas; mon coeur battit et je n'osois les ouvrir d'autant plus qu'il y avoit du monde dans la chambre. J'aurois été contente de votre lettre, si je ne me rappellois que vous en avez écrit de pareilles et même de plus tendres encore en ma présence à A. K. et aussi à Netty. Je ne suis pas jalouse, croyez-moi; si jè l'étois, véritablement ma fierté triompherait bientôt du sentiment et cependant je ne puis m'empêcher de vous dire combien votre conduite me blesse. Com-

ment en recevant ma lettre vous vous écriez: Ахъ, Господи, quelle lettre, comme si c'étoit d'une femme! et vous la jetez pour lire les bêtises de Netty; il ne vous manquoit que de dire que vous la trouviez trop tendre. Ai-je besoin de vous dire combien cela me blesse; outre que c'étoit encore me compromettre beaucoup que de dire que la lettre étoit de moi. Ma soeur étoit toute offensée de cela et crainte de m'affliger elle conte cela à Netty. Celle-là qui ne savoit pas même que je vous avois écrit, se répand en reproches de mon peu d'amitié et de confiance en elle, et vous qui m'accusez d'étourderie, voilà ce que vous faites vous même! Ah! Pouchkine, vous ne méritez pas l'amour et je vois que j'aurois été plus heureuse si j'avois quitté Trigorsko avant et si le dernier tems que j'ai passé avec vous pouvait s'effacer de mon souvenir. Comment, n'avez [vous] pas compris pourquoi je ne voulais pas recevoir de vous des lettres comme celle de Riga. C'est qu'un style, qui ne blessait alors que ma vanité, me déchireroit l'âme à present; le P. d'alors n'étoit pas pour moi le même que celui auquel j'écris maintenant. Ne sentez vous pas cette différence? Cela seroit bien humiliant pour moi, je crains que vous ne m'aimiez pas comme vous auriez dû le faire; vous déchirez et blessez un coeur dont vous ne connoissez pas le prix; que j'aurois été heureuse, si j'avois été aussi froide que vous le supposiez! Jamais de ma vie je n'ai passé un tems aussi terrible que celui que j'ai passé jusqu'à présent; jamais je n'ai senti des souffrances d'âme comme celles que j'ai éprouvées, d'autant plus que je dois renfermer dans mon coeur toutes mes peines. Que j'ai maudit mon voyage ici! Je vous avoue que ce dernier tems après les lettres d'Euph. jè voulois faire tout mon possible pour tâcher de vous oublier, car j'étois bien fâchée contre vous. N'ayez point d'inquiétude pour le cousin, ma froideur l'a rebuté et puis il est venu un autre concurrent avec le quel il n'ose se mesurer et doit bien céder la place: c'est Anrep qui a été ici ces jours ci; il faut convenir qu'il est très beau et très original; j'ai eu le bonheur et l'honneur de faire sa conquête. Oh, pour celui-là il vous surpasse encore, ce que je n'aurois jamais pu croire, — il va à son but à pas de géant; jugez, que je crois qu'il vous surpasse même en témérité. Nous avons beaucoup parlé de vous; il m'a dit aussi plusieurs de vos phrases à ma grande surprise, par ex. que j'avois trop d'esprit pour avoir des préjugés. Dès le premier jour

presque il se saisit de ma main et dit qu'il a tout le droit de la baiser puisqu'il me trouvoit très bien. Remarquez, Monsieur, je vous prie qu'il n'a fait ici ni ne fait la cour à personne d'autre, ni ne me répète des phrases qu'il dit à une autre; au contraire, il ne se soucie de personne et me suit partout, en partant il m'a dit que cela dépendoit de moi qu'il revienne ici. Ne craignez rien cependant: je n'éprouve rien pour lui, il ne fait aucun effet sur moi, quand votre seul souvenir me donne tant d'émotion!

Maman a promis de m'envoyer chercher au mois de Juin si ma Tante ne vient pas l'été. Dois-je vous prier de faire votre possible pour qu'elle le fasse plus vite. J'ai bien peur que vous n'ayez pas du tout d'amour pour moi; mais vous ne sentez que des désirs passagers que tant d'autres éprouvent aussi bien. — Nous avons beaucoup de monde; à peine j'ai trouvé un moment pour vous écrire. Il nous est arrivé encore de Novgorod un aimable jeune homme Mr. Pavlichteff, un grand musicien; il m'a dit qu'il vous connoissoit. Nous allons aujourd'hui dîner chez une de mes Tantes: il faut finir ma lettre, car il faut que je m'habille. Je serai en grande société, mais je ne rêverai qu'à vous. Ecrivez moi en toute sûreté par Treuer et par Топжокъ: c'est plus sûr, vous n'avez rien à craindre, il ne sait pas dé qui il me remet les lettres et ici on connoit votre main. — Déchirez ma lettre après l'avoir lue je vous conjure, je brûlerai la vôtre; savez vous, je crains toujours que vous ne trouviez ma lettre trop tendre et je ne vous dis pas tout ce que je sens. — Vous dites que votre lettre est plate, parce que vous m'aimez: quelle absurdité! surtout pour un poëte; qu'est ce qui rend plus éloquent que le sentiment. Adieu pour le moment [Si vous sentez comme moi, je serois contente]. Dieu, aurois-je jamais cru que j'écrirai jamais une phrase pareille à un homme? Non, je l'efface! Adieu encore, je vous fais une grimace puisque vous les aimez. Quand nous verrons nous? Je ne vivrai pas jusque à ce moment.

20 avril.

251.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало мая 1826 г. Михайловское].

Милый мой Вяземской, ты молчишь и я молчу; и хорошо дѣлаемъ — потолкуемъ когда нибудь на досугѣ. Покамѣсть дѣло не о томъ. Письмо это тебѣ вручить очень милая и добрая дѣвушка, которую одинъ изъ твоихъ друзей неосторожно обрюхатилъ. Пологаюсь на твое человеколюбіе и дружбу. Приюти ее въ Москвѣ, и дай ей денегъ сколько ей понадобится — а потомъ отправь въ Болдино (въ мою вотчину гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди). Ты видишь что тутъ есть о чемъ написать цѣлое посланіе во вкусѣ Жуковского о попѣ; но потомству не нужно знать о нашихъ человеколюбивыхъ подвигахъ.

При семъ съ Отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ Воспитательный домъ мнѣ нехочется, — а нельзя-ли его покамѣсть отдать въ какую нибудь деревню, — хоть въ Остафьево. Милый мой, мнѣ совѣстно ей Богу — но тутъ уже не до совѣсти. Прощай, мой Ангелъ; боленъ-ли ты или нѣтъ; мы всѣ больны — кто чѣмъ. Отвѣчай же подробно.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ. Нужное.

252.

А. Н. Вульфъ.

7-го мая [1826 г. Михайловское].

Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете — Добро. Однако я жду васъ любезный филистеръ и надѣюсь обнять въ

началѣ слѣдующаго мѣсяца — Не правда ли что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго? Скажите ему что этаго я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи — Покамѣсть, скажите мнѣ — не чрезъ Дерптъ-ли проѣдетъ Жуковскій въ Карлсбатъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете-ли вы письма отъ Ан. Ник. (съ которой NB мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ Вавилонская блудница Ан. Петр.? Говорятъ что Болтинъ очень щастливо металъ противъ почтеннаго Ерм. Фед. Мое дѣло — сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez-vous placé votre mari? celui-ci est bien plus embarrassant — Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ, привезите же Языкова и съ его стихами.

7 мая.

Видѣлъ я въ Синскѣ нѣкоторые нескромные Гексаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

На оборотъ: Его Благородію Алексѣю Николаевичу Вульфу въ Дерптъ.

253.

Князь П. А. Вяземскій — Пушкину.

10-го мая [1826 г. Москва].

Сей часъ получилъ я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видалъ, а доставлено мнѣ оно твоимъ человѣкомъ. Твоя грамота ѣдетъ завтра съ отцомъ своимъ и семействомъ въ Болдино, куда назначенъ онъ твоимъ отцомъ управляющимъ. Какой-же способъ остановить дочь здѣсь и для какой пользы? Безъ вѣдома отца ея сдѣлать этаго нельзя, а съ вѣдома его лучше-же ей быть при семействѣ своемъ. Мой совѣтъ; написать тебѣ полу-любовное, полу-раскаятельное, полупомѣщичье письмо блудному твоему тестю, во всемъ ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущаго творенія, но

поручить на его отвѣтственность напомнивъ что нѣкогда волею Божию, ты будешь его бариномъ и тогда сочтешься съ нимъ въ хорошемъ, или худомъ исполненіи твоего порученія. Другаго средства не вижу, какъ уладить это по совѣсти, благо-разумію и къ общей выгодѣ. Я радъ былъ-бы быть воспріемникомъ и незаконнаго твоего Бахчисарайскаго фонтана, на страхъ завести новую классикоромантическую распрю. хотя съ Сергѣемъ Львовичемъ, или съ пѣвцомъ Буянова, но оно не исполнительно и не удовлетворительно. Другого дѣлать, кажется, нечего какъ то что я сказалъ, а во всякомъ случаѣ мнѣ остановить дѣвушки (ou peu s'en faut) нѣтъ возможности.

Ты жалуешься на мое молчаніе: я на твое. Кто правъ? Кто виноватъ? Оба. Было время не до писемъ. Потомъ мы опять имѣли несчастіе лишиться сына 3-хъ лѣтняго. Изъ 5 сыновей остается одинъ. Тутъ замолчишь по неволѣ. Теперь я былъ боленъ недѣли съ двѣ. Вотъ тебѣ бюджетъ моего времени не завидный. Скучно, грустно, душно, тяжело. Я радъ что ты здоровъ и не былъ растревоженъ. Сиди смирно, пиши, пиши стихи и отдавай въ печать! Только не трать чернилъ и времени на рукописное. Я надѣюсь, что дѣло обойдется для тебя хорошо. Ты вѣроятно знаешь, что Карамзины отправляются въ чужіе края за болѣзнію Ник. Мих., Жуковский также. А Хвостовы и Булгарины здравствуютъ. Чтò ты давно ничего не печатаешь? А Цыгане? А продолженіе Евгенія? Ты знаешь, что твой Евгенийъ захотѣлъ продолжиться и женится на сосѣдѣ моей Енгельгартъ, дѣвушкѣ любезной, умной и доброй, но не Элегической по наружности. Я сердечно полюбилъ и уважилъ Баратынскаго. Чѣмъ болѣе растираешь его, тѣмъ онъ лучше и сильнѣе пахнетъ. Въ немъ кромѣ дарованія и основа плотная и прекрасная. Прощай, ma chair à beaux vers. Какъ Василій Львовичъ потѣветъ вѣковѣчно, такъ и отъ тебя идетъ испарина хорошихъ стиховъ. Тебѣ не нужно для того топить бани: ты вездѣ въ банѣ. — Въ концѣ мѣсяца думаю съѣздить въ Петерб. проститься съ Карамзиными. Жена тебѣ очень нѣжно кланяется. 10-го маія.

На оборотѣ (рукою княгини В. Ѳ. Вяземской): Милостивому Государю Александру Сергеевичу Пушкину.

254.

П. А. Катенинъ — Пушкину.

11-го мая 1826 г. С.-Петербургъ.

Что значить, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что ты давно не пишешь ко мнѣ и даже не отвѣчалъ на мое послѣднее письмо? Не сердись ли за что? Сохрани Господи! Какъ бы то ни было, я за долгое молчаніе ожидаю длиннѣйшаго письма, и дѣло будетъ съ концемъ. Меня недавно насмѣшилъ твой (яко-бы) отвѣтъ на желаніе одного извѣстнаго человѣка прочесть твою трагедію: Годуновъ: Трагедія эта не для дамъ, и я ея не дамъ. Скажи, правда ли это? Меня оно покуда несказанно тѣшитъ. Буде ты любопытенъ что знать про меня, вотъ новость: я въ прошедшую Пятницу принужденъ былъ состязаться съ Олиннымъ, то-есть читали въ Комитетѣ, составленномъ изъ разныхъ судей-литераторовъ, Grecs et Bulgares etc., два вдругъ изготовленные перевода Расинова „Баязета“, одинъ — мой, а другой — вышеписаннаго Олина, который, видно, слишкомъ дурно написалъ, ибо Grecs et Bulgares et autres barbares рѣшительно предпочли мой, и я имѣлъ всѣ шары бѣлые; Олинъ же только четыре изъ двадцати. Авторы не бываютъ тамъ, когда ихъ судятъ; но, какъ мнѣ сказывали, много мнѣ сдѣлалъ пользы А. С. Шишковъ. Мнѣ его одобреніе тѣмъ пріятнѣе, что я съ нимъ не знакомъ, стало онъ судилъ просто по своему вкусу, а вкусъ его не терпитъ дурнаго. Все это прекрасно, но скоро ли оно можетъ показаться въ люди? Послушай, радость моя, ты отвѣчалъ и толково и забавно, но я право не дама, и нельзя ли мнѣ какъ нибудь „Годунова“ показать? Кусокъ долженъ быть лакомый. Къ слову о дамахъ, меня просила Колосова непременно въ первомъ къ тебѣ письмѣ сказать за нее пропасть хорошихъ вещей; только гдѣ я ихъ возьму? Положимъ, что онѣ сказаны, и твоя очередь отвѣчать. Что дѣлаетъ мой пріятель „Онѣгинъ?“ Послалъ бы я ему поклонъ съ почтеніемъ, но онъ на все это плевать хотѣлъ: жаль, а впрочемъ малою не дуракъ.

Прощай, умница, будь здоровъ и не молчи ни въ стихахъ ни въ прозѣ. Весь твой Павелъ Катенинъ.

Маія 11-го 1826. С.-Петербургъ.

255.

Князю П. А. Вяземскому.

[Вторая половина мая 1826 г. Михайловское].

Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее не вѣдаешь бо что творить — Представь себѣ ее огромной объѣзьявой, которой дана полная воля. Кто посадить ее на цѣпь? не ты, не я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ-ли ты мою Эду? Вручила-ли она тебѣ мое письмо? Не правда-ли что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ — Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? — Щастливѣе чѣмъ Андр. Шенье — я заживо слышу голосъ вдохновенія¹⁾.

Твои стихи къ Мн. Красавицѣ (ахъ извини: Щастливицѣ) слишкомъ умны. — А поэзія, прости Господи, должна быть глуповата — Характеристика зла. Экой ты неуимчивый, какъ говорить моя Няня. 7 пятницъ лучшей твой Водевиль.

Напиши-же мнѣ что нибудь моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово хоть я и поэтъ.

Правда-ли, что Бар. женится? боюсь за его умъ. Законная <.....> родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты м. б. — исключеніе — Но и тутъ я увѣренъ что ты гораздо былъ бы умнѣе если глѣтъ еще 10 былъ холостой — Бракъ холодитъ душу — Прощай и пиши.

Михайловское.

Май.

1) Затѣмъ цѣлая строка зачеркнута.

На оборотѣ: Его Сіятельству Кн. Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

256.

В. В. Измайловъ — Пушкину.

19-го мая 1826 г. Москва.

Милостивый Государь мой Александръ Сергѣевичъ! Позвольте ветерану въ словесности, но счастливому нѣкогда журналисту, передававшему публикѣ первыя мастерскіе опыты ваши въ поэзіи, напомнить вамъ о себѣ нѣсколькими строками и въ то же время молить васъ именемъ Аполлона осчастливить меня новымъ великимъ подаркомъ. Я готовлюсь выдать къ новому году Альманахъ; но безъ вашего содѣйствія, безъ вашихъ стиховъ также не удаются альманахи, какъ растенія безъ росы и солнца; бросьте въ него нѣсколько цвѣтковъ вашей музы, Милостивый Государь мой, чтобы дать моей книгѣ свѣжесть и безсмертіе; оварите меня вашею славою, а если возможно, зароните въ душу ветхаго поэта искру юной жизни питической; а я общаю и быть вамъ вѣчно благодарнымъ, и не допускать въ альманахѣ соперниковъ недостойныхъ стоять рядомъ съ вами.

Между тѣмъ буду имѣть смѣлость скоро представить на судъ вашъ слабый мой переводъ въ стихахъ изъ Казимира Делавина (его посланія къ Наполеону), какъ знакъ моей совершенной къ вамъ довѣренности: примите его на память и простите великодушно пятна и недостатки переводчика.

Мнѣ пріятно будетъ, если вы найдете въ сихъ строкахъ доказательство того искренняго къ таланту вашему удивленія и постояннаго къ вамъ уваженія, съ коимъ имѣю честь быть, Милостивый Государь мой, вашъ покорный слуга Владиміръ Измайловъ.

1826 Мая 19 дня. Москва.

P. S. Если вамъ угодно будетъ исполнить мою просьбу, то прошу васъ адресовать вашъ подарокъ въ Москву на имя ва-

шего дядюшки В. Л. Пушкина, или на мое собственное имя, но въ городъ Верей, ибо на лѣто отъѣзжаю въ деревню мою близъ сего города.

На оборотъ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Александру Сергѣевичу Пушкину. Въ Псковъ. Въ городъ Опочку.

257.

Нязю П. А. Вяземскому.

27-го мая [1826 г. Псковъ].

Ты правъ, любимецъ Музь — воспользуюсь правами блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло. Долженъ-ли я тебѣ чтонибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ-ли съ тебя чегонибудь мой человекъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное повѣденіе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго и Полевова, друга нашего. Теперь не до того, а ей Богу, когданибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала — онъ находка. Читалъ я въ газетахъ что Lancelot въ П. Б. чортъ-ли въ немъ? Читалъ я также что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ — кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не допчитаюсь. Когда приѣдешь въ П. Б. овладѣй этимъ Lancelot (котораго я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакамъ Отечественной Словесности. Мы въ сношеніяхъ съ иностранцами *) не имѣемъ ни гордости ни стыда — при Англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ M^d de Stael заставляемъ Милорадовича отличатся въ мазуркѣ. Руской баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (Датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попа-

*) Передѣлано изъ «отношеніяхъ иностранцевъ».

даетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ — это мерзко. Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ — но мнѣ досадно если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугуныя дороги, паровые корабли, Англ. журналы или Парижскіе театры и <.....> то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-ой пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его, и спросишь съ милою улыбкой; гдѣ жъ мой поэтъ? въ немъ дарованіе примѣтно — Услышишь милая въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится — ай да умница! Прощай.

27 мая.

Думаю что ты уже въ П. Б. и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ что не прощусь съ Карамзинными — Богъ знаетъ свидимся-ли когда нибудь. Я теперь во Псковѣ, и молодой докторъ спява сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ — Не забавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ —

На оборотѣ: Кн. П. А. Вяземскому.

258.

Анна Николаевна Вульфъ — Пушкину.

2-го іюня [1826 г. Малинники].

Enfin j'ai reçu hier votre lettre. Treuer me l'a apportée lui-même et je n'ai pu m'empêcher de faire une exclamation en la voyant. Comment ne m'avez-vous pas écrit si longtems? Comme-ci vous ne pouviez pas le faire de Pskow? Ce sont de mauvaises excuses que vous m'alléguez toujours. Tout ce que vous

me dites d'Anrep me déplait souverainement et me blesse de deux manières; premièrement — la supposition qu'il ait fait plus que me baiser la main m'offense de votre part, et le mot c'est égal est encore pire: il me blesse et me peine dans un autre sens. J'espère que vous avez assez d'esprit pour sentir, que vous voulez dire par là que cela vous est indifférent à quoi nous en sommes avec lui. Ce n'est pas tendre, j'espère. Ce n'est pas par sa conduite avec moi seulement que j'ai remarqué qu'il vous surpassoit en témérité et imprudence; mais par sa manière d'être avec tout le monde et sa conversation en général. Il n'y a donc pas d'espérance que Maman m'envoie chercher, — c'est désolant! Нах. Гаар. promet toujours à Maman de venir le mois prochain; mais on ne peut pas y compter; c'est elle qui gâte toute l'affaire; sans cela M-me Treuer va venir ici dans deux semaines et j'aurois pu aller avec elle. Si Maman m'envoyoit un équipage avec cette femme, cela seroit délicieux et alors ce mois-ci j'aurois été à Trigorsko. Je compte sur mon frère pour arranger cela; il ne faut que persuader à Maman que Н. Гаар. remettra toujours son voyage de mois en mois, и все будетъ откладыватьъ. Je crois qu'il doit déjà être à Trigorsko et je lui écrirai par rapport à cela. Toute cette incertitude me tourmente beaucoup; tout ce tems-ci j'ai été très malade et à présent je souffre beaucoup encore. Comme j'ai été étonnée de recevoir l'autre jour un grand paquet de votre soeur, où elles m'écrivent ensemble avec A. K.; elles sont enchantées l'une de l'autre. Léon m'écrit mille tendresses dans la même lettre et à mon grand étonnement j'y trouve aussi quelques lignes de Delvig qui m'ont fait beaucoup de plaisir. Il me paroît cependant que vous êtes un peu jaloux de Léon. Je trouve que A. K. est charmante malgré son gros ventre; c'est l'expression de votre soeur. Vous savez qu'elle est restée à Péters. pour faire ses couches et après elle se propose de venir ici. — Vous voulez vous venger sur la femme de Léon de ses succès auprès de ma cousine. Cela ne prouve pas de l'indifférence pour elle de votre part. Encore quelle imprudence de votre part de laisser trainer ma lettre et Maman a manqué de la voir!! Ah, quelle idée lumineuse que celle que je prenne des chevaux de poste et que je vienne seule; je voudrais voir l'acueil aimable que Maman me feroit; elle seroit prête à ne pas me recevoir. L'effet seroit trop grand. Dieu sait quand je vous reverrai

encore! C'est terrible et cela me rend toute triste. Adieu, ti mando un baccio, mio amore, mio delizie.

Le 2 Juin.

Ecrivez-moi plus souvent, de grâce: vos lettres sont ma seule consolation. Je suis bien triste, savez-vous. Que je désire et je crains mon retour à Trigorsko. — Mais j'aime mieux me quereller avec vous que de rester ici: ces contrées sont très insipides et il faut convenir, parmi les Ulands Anrep est ce qu'il y a de mieux et en général tout le régiment ne vaut pas grand chose et l'air d'ici ne m'est pas salulaire, car je suis toujours malade. Dieu! quand vous reverrai-je?

259.

И. Е. Великопольскому.

3-го июня 1826 г. Преображенское.

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
 Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
 Играешь ты на лирѣ очень мило,
 Играешь ты довольно плохо въ шоссъ:
 500 рублей проигранныхъ тобою,
 Наличные свидѣтели тому.
 Судьба моя сходна съ твоей судьбою;
 Сейчасъ, мой другъ, узнаешь, почему:

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гаврину Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго Вамъ душевно

Александра Пушкина.

3 июня 1826. Преображенское.

260.

П. А. Катенинъ — Пушкину.

6-го июня 1826 г. [Петербургъ].

Поклонъ твой Александрѣ Михайловнѣ отданъ какъ слѣдуетъ, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ; она съ охотою возьмется играть въ твоей трагедіи, но мы оба боимся, что почтенная дама цензура ее не пропуститъ, и оба желаемъ опиниться. Ты хочешь при свиданіи здѣсь прочесть мнѣ „Годунова“; это еще усиливаетъ мое желаніе видѣть тебя возвратившагося въ столицу. До тѣхъ поръ есть у меня къ тебѣ новая просьба. Для бенефиса, слѣдующаго мнѣ за „Андромаху“ нужна была маленькая комедія въ заключеніе спектакля; я выбралъ *Minuit*, и нѣкто мой пріятель Николай Ивановичъ Бахтинъ взялся мнѣ ее перевести; но вотъ горе: тамъ есть романсъ, или куплеты, и въ родѣ необыкновенномъ. Молодой *Floridor* (по русски Владиміръ) случайно запертъ въ комнатѣ своей кухни, молодой вдовы, ночью на новый годъ, и не теряетъ времени съ нею; пока они разнѣживаются, подъ окномъ дается серенада, въ концѣ втораго куплета бьетъ полночь, *l'heure du berger*; старики входятъ, застаютъ молодыхъ, и остается только послать за попомъ, ибо все прочее готово. Французскіе куплеты дурны, но я прошу тебя мнѣ сдѣлать и подарить хорошіе. Ты видишь по ходу сцены, что они должны означать, а на все сладострастное ты собаку съѣлъ: сдѣлай дружбу, не откажи. Музыку сдѣлаемъ прекрасную; Кавосъ обѣщалъ мнѣ давно, что онъ всегда готовъ къ моимъ услугамъ. Пожалуйста, умница, не откажи; тебѣ же это дѣло легкое. Еще напоминаю тебѣ о томъ, что ты обѣщалъ для альманаха, въ которомъ я по дружбѣ къ издателю и справедливому уваженію къ его уму, живое принимаю участіе; пора уже ему устроить матеріалы, а твоихъ онъ ждетъ, какъ лучшаго украшенія всей книги: пришли, коли можешь, и прикажи какъ заблаго рассудишь, показывать ли ихъ до времени или держать про себя: все будетъ исполнено. Ты спрашиваешь, кто именно одобрялъ Олина? Хуже вышло: его перевода читали тогда два дѣйствія, первое и послѣднее; взбѣшенный на неудачу, онъ жаловался и выхлопотать проче-

ніе остальныхъ трехъ; ихъ читали вчера послѣ его же „Корсера“ (провою изъ Бейрона); по настоянію его, многіе судьи на этотъ разъ не приглашены, а новые, числомъ 15, пошли на голоса, и на вопросъ: одобрена или нѣтъ? онъ имѣлъ 9 шаровъ бѣлыхъ и 6 черныхъ; Лобановъ отличался въ пользу Олина, меня не было. Теперь вопросъ: что будетъ дѣлать дирекція и не одурачилась ли она? Мнѣ почти совѣстно говорить объ этихъ пустякахъ, когда важнѣйшее дѣло судится; но что о немъ говорить? Надо молчать и ждать. Прощай, милый Александръ Сергѣевичъ, будь здоровъ, пиши и возвращайся. Весь твой Павелъ Катенинъ.

Юня 6-го 1826 г.

261.

Князь П. А. Вяземскій и баронъ А. А. Дельвигъ — Пушкину.

12-го юня [1826 г. Петербургъ].

Ты знаешь о печальной причинѣ приѣзда моего въ Петербургъ. Хотя ты и шалунъ и грѣшилъ иногда эпиграммами противъ Карамзина, чтобы сорвать улыбку съ нѣкоторыхъ сорванцовъ и подлецовъ, но безъ сомнѣнія ты оплакалъ его смерть сердцемъ и умомъ: ибо всякое доброе сердце, каждый рускій умъ сдѣлали въ немъ потерю невозвратную, по крайней мѣрѣ для нашего поколѣнія. Говорятъ, что святое мѣсто пусто не будетъ; но его было истинно святое и истинно на долго пустынь останется. Завтра ѣдемъ съ Карамзинными въ Ревель. Не знаю долго-ли тамъ останусь съ ними, но буду тебѣ писать оттуда, а теперь писать нѣтъ ни времени, ни мысли — ни духа. На твоемъ мѣстѣ написалъ бы я письмо къ Государю искреннее, убѣдительное: сознался-бы въ шалостяхъ языка и пера съ указаніемъ однакоже, что поступки твои не были сообщниками твоихъ словъ, ибо ты остался цѣль и невредимъ въ общую бурю; обѣщаль бы держать впредь языкъ и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятія, которыя могутъ быть признаваемы (а пуще всего сдержалъ бы свое слово) и просилъ бы дозволенія ѣхать лѣчиться въ Петерб. Москву или чужіе краи. Вотъ мой совѣтъ! — Обнимаю тебя.

Притиска барона А. А. Дельвига.

Третьяго дни получилъ отъ Муханова это письмо и по первой почтѣ тебѣ посылаю его, милый Пушкинъ. Чтожъ ты не присылаешь Цыганъ? Мы бы издали ихъ? Плетневъ тебѣ кланяется. Онъ живетъ теперь на Кушелевой дачѣ, верстъ 7-мъ отъ городу и я довольно рѣдко съ нимъ видаюсь. Его здорье очень плохо. Теперь кажется началъ поправляться, но до сихъ поръ мы думали и его проводить къ отцу Ломоносову. Баратынскій другимъ образомъ плохъ, женился и замолчалъ, вообрази, даже не увѣдомляетъ о своей свадьбѣ. Гнѣдичу лучше, онъ тоже живетъ на дачѣ и тебѣ кланяется. Въ комнатахъ, въ которыхъ онъ живетъ жилъ въ послѣднее время Батюшковъ: до сихъ поръ видна его рука на окошкахъ. Между прочимъ на одномъ имъ написано: Есть жизнь и за могилой! а на другомъ: *Ombra adorata!* Гнѣдичъ въ восторгѣ меланхолическомъ по цѣлымъ часамъ смотритъ на эти строки. — Вяз. у меня былъ въ проѣздъ свой въ Ревель. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ увѣрилъ В. Л., что: Ахъ тетюшка, ахъ Анна Львовна написано мною и тѣмъ успокоилъ его родственную досаду. Мы очень смѣялись надъ этимъ. Отецъ твой ничего объ этомъ не говорилъ и не говорить. Тебѣ напрасно его оклеветали. Изъ Онѣгина я ввѣлъ то, что ты мнѣ позволилъ, только у меня и переписано было, проч. у Вяземскаго. Что ты не издаешь его. Ежели тебѣ понадобятся деньги гуртомъ, продай его мнѣ и второе изданіе твоихъ поэмъ. Только цензура пропуститъ ихъ, деньги ты получишь. Отъ Эды деньги скоро накопятся. Отдамъ ихъ Плетневу или кому велишь. Прощай душа моя, будь здоровъ и вспоминай обо мнѣ. Весь твой Д.

 262.

Князю П. А. Вяземскому.

10-го іюля [1826 г. Михайловское].

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во первыхъ что ты называешь моими эпиграммами про-

тиву Карамзина? довольно и одной, написанной мною въ такое время когда К. меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпитагія остра и ничуть не обидна, а другія, сколько знаю, — глупы и бѣшенны: ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый... слышишь обвиненіе не слыша оправданія и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Есть-ли ужъ Вяземскій etc., такъ что же прочіе? Грустно братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю.

Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣхуся, какъ они холодны, глупы и низки. Неужъ то ни одна руская душа не принесетъ достойной дани его памяти? Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь, это будетъ 13-й томъ Руской Исторіи; Карамзинъ принадлежитъ Исторіи. Но скажи все; для этаго должно тебѣ быть иногда употребить то краснорѣчіе, которое опредѣляетъ Гальяни въ письмѣ о Цензурѣ. — Я писалъ тебѣ въ П. Б. еще пезная о смерти К. Получилъ ли ты это письмо? отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ — я уже писалъ Царю, тотчасъ по окончанію слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Еслибъ я былъ потребованъ комиссіей, то я бы конечно оправдался, но меня оставили въ покоѣ, и кажется это не къ добру. Впрочемъ, чортъ знаетъ. Прощай, пиши.

10 іюля.

Что Катерина Андреевна?

На оборотъ: Князю П. А. Вяземскому.

263.

Князь П. А. Вяземскій и О. С. Пушкина — Пушкину.

31-го [юля 1826 г. Ревель].

Море.

Какъ стан гордыхъ лебедей
 На онемъ морѣ волны блещутъ,
 Лобзаются, ныряютъ, плещутъ
 По рѣзвой прихоти своей.
 Какъ упивается мой слухъ
 Ихъ говоромъ необычнымъ,
 Какъ сладко передается духъ
 Мечтамъ плѣнительнымъ и тайнымъ!

Такъ, древности постигъ теперь
 Я баснословную святыню:
 О волны, красоты богиню
 Я признаю за вашу дочь!
 Такъ, вѣрю, родилась она
 Изъ вашей колыбели зыбкой
 И пробудила міръ отъ сна
 Своею свѣжею улыбкой.

Гдѣ-жъ, какъ не здѣсь явилась ты,
 Очаровательница міра,
 Въ прохладѣ влажнаго сапфира,
 Въ стихіи свѣтлой чистоты?
 Намъ чистымъ сердцемъ внушены
 Прекрасныхъ таинствъ откровенья:
 Изъ лона чистой глубины
 Ты родилась, краса творенья!

И въ наши строгія лѣта,
 Лѣта существенности лютой,
 При васъ однѣхъ хотя минутой,
 Вновь забывается мечта!

Не смѣли пзмѣнить вѣка
 Вашъ образъ свѣтлый, вѣчно юный,
 Ни смертныхъ хищная рука,
 Ни рока грознаго перуны.

Въ васъ нѣтъ слѣдовъ житейскихъ бурь,
 Слѣдовъ безумства и гордыни,
 И вашей дѣвственной святости
 Не опозорена лазурь.
 Кровь братьевъ не дымится въ ней!
 На почвѣ, смертнымъ непослушной,
 Нѣтъ мрачныхъ знаменій страстей
 Свирѣпыхъ въ злобѣ малодушной!

И если смертный возмутитъ
 Вашъ миръ преступною отвагой,
 Вы очистительною влагой
 Слѣшите смыть мгновенный стыдъ.
 Изверженный изъ чуждыхъ нѣдръ,
 Слѣдъ поглощаемъ шумной бездной:
 Такъ пятна облачныя вѣтръ
 Сметаетъ гнѣвно съ сѣни звѣздной!

Людей и времени раба,
 Земля состарѣлась въ неволѣ;
 Шутя, ея играютъ доли
 Сыны, столѣтья и судьба!
 Но вы все тѣ-жъ, что въ первый день,
 Какъ солнце первое въ васъ пало,
 О вы, незыблемыхъ небесъ
 Ненарушимое зеркало!

Такъ и теперь моей мечтѣ
 Изъ лона зеркальной пустыни
 Свѣтлѣетъ ликъ молодой богини
 Въ прозрачновлажной красотѣ.
 Вокругъ нея, какъ радугъ блескъ,
 Вершины волнъ горятъ игривѣй,
 И звучный ропотъ ихъ и плескъ
 Еще душѣ краснорѣчивѣй.

Надъ ней, какъ звѣзды, свѣтять оны
 Давно померкшіе въ туманѣ,
 Которые такъ ярко ранѣ
 Горѣли въ небѣ старины.
 Сквозь волны, цалующихъ ее,
 Мнѣ вѣютъ рѣчи чудной дѣвы:
 Въ нихъ слышно прежнее бытѣ,
 Какъ дѣтъ младенческихъ нагѣвы.

Онѣ чаруютъ и цѣлятъ
 Тоску сердечнаго недуга,
 Какъ мировое слово друга
 Онѣ волненье чувствъ мирять.
 Въ невыразимости своей
 Сколь выразителенъ сей лепеть!
 Какъ будить онѣ въ душѣ моей
 Восторговъ тихихъ сладкій трепеть!

Какъ звучно льнетъ зефиръ къ струнамъ
 Играя арфою воздушной,
 Такъ и въ душѣ моей послушной
 Есть отзывъ пѣснямъ и мечтамъ.
 Волшебно забываетъ умъ
 О настоящемъ, мнѡль гнетущемъ,
 И въ сладострастьи стройныхъ думъ
 Я весь въ протекшемъ, весь въ грядущемъ!

Сюда, поэзіи жрецы!
 Сюда, существенности жертвы!
 Еще здѣсь свѣтитъ пламень мертвый,
 Еще здѣсь живы мертвецы.
 Поэзія про васъ хранить
 Свои преданья и повѣрья
 И здѣсь, гдѣ моря валъ шумить,
 Святѣнни свѣтлыя предверья!

Вотъ тебѣ, моему барину на Парнасѣ, мой смиренный ре-
 вельскій оброкъ. Второй годъ кланяюсь тебѣ водою. Ты ска-
 жешь, qu'il faut avoir le diable au corps pour faire des vers par

le tems qui court. Это и правда! Но я пою или впажу съ горяча, потому что на сердцѣ тоска и смерть, частное и общее горе. Что ты подѣлываешь? Что твой аневризмъ и твоя трагедія? Твой Опочекъ и твой Евгений? Желая тебѣ скорѣе и благополучно раздѣлаться съ ними со всѣми. Получилъ-ли ты мое письмо черезъ Дельвига, писанное на канунѣ отъѣзда въ Ревель, и сдѣлалъ-ли по моему совѣту? Я видѣлъ твое письмо въ Петербургѣ: оно показалось мнѣ сухо, холодно и не довольно убѣдительно. На твоемъ мѣстѣ написалъ бы я другое и отправилъ въ Москву. Ты имѣешь права не сомнительныя на вниманіе, ибо остался неприкосновенъ въ общей бурѣ, но долженъ также и на будущее время дать поручительство въ законности житія своего, то-есть, обѣщаніе, что будешь писать единственно для печати, и разумѣется, давъ честное слово, хранить его ненарушимо. Другаго для тебя опасенія не вижу. — Сестра твоя сказывала, что ты хотѣлъ прислать мнѣ извлеченія изъ записокъ своихъ относительно до Карамзина. Жду ихъ съ нетерпѣніемъ.

Сказывала она также, что Дельвигъ имѣетъ ко мнѣ письмо отъ тебя. Боюсь только, чтобы онъ не проспалъ его. Ты совѣтуешь писать мнѣ о Карамзинѣ: рано! Журнальную статью, такъ! Но въ этомъ случаѣ: поздно! Карамзинъ со временемъ можетъ служить центромъ записокъ современныхъ въ родѣ записокъ Gagat, но гораздо съ большимъ правомъ, чѣмъ Suard. Все русское просвѣщеніе начинается, вертится и сосредоточивается въ Карамзинѣ. Онъ лучшій нашъ представитель на Сеймѣ Европейскомъ. Ты часто хотѣлъ писать прозою: вотъ прекрасный предметъ! Напиши взглядъ на заслуги Карамзина и характеръ его гражданскій, авторскій и частный. Тутъ будетъ мѣсто и воспоминаніямъ твоимъ о немъ. Можешь издать ихъ въ видѣ отрывка изъ твоихъ записокъ. — Вчера получили мы письмо отъ Жуковскаго изъ Эмса: теперь онъ долженъ быть въ Эгрѣ, хвалится поправленіемъ своего здоровья и надѣется на совершенное возобновленіе силъ. Александръ Тургеневъ ускакалъ въ Дрезденъ въ брату своему Сергѣю, который спльно и опасно занемогъ отъ безпокойствія по братѣ Николаѣ. Несчастные! — Вѣроятно, пробуду здѣсь до 20-го Августа, а тамъ поѣду черезъ Петербургъ, гдѣ остановлюсь только дня на три, въ Остафьево къ женѣ. Ты еще успѣешь написать мнѣ сюда; во всякомъ случаѣ перешли письмо черезъ сестру,

которая доставить мнѣ его здѣсь или въ Москву. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Пришли какихъ нибудь свѣженькихъ стиховъ. Покажи свою трагедію: она изъ рукъ моихъ не выдетъ. Я ни одного стиха твоего не разпустилъ: мнѣ довѣрить можно.

31-го Августа [sic].

Притиска О. С. Пушкиной.

Wiasemsky est impatientant avec son grimoire; il m'a envoyé cette lettre decachetée m'ayant donné, comme de raison, pleine liberté de la lire, mais je veux mourir si j'ai pu aller au delà du 4-me couplet — ce qui me contrarie à l'infini; pour tant je l'aime presque à l'adoration, ce prince Wiasemsky. Hier Léon m'a envoyé votre lettre pour moi, et il n'est pas question de la lettre que je devais recevoir par Delvig. Wiasemsky pretend qu'elle lui fut rendue encore à Petersbourg, mais je crois qu'il ne sait pas ce qu'il dit. Pour revenir à Reval, je vous dirai que je suis toute contente de m'y trouver. Les bains de mer, la liberté que j'ai de me promener seule, de voir des personnes qui paraissent entièrement étrangères à tout ce qui se presse à Petersbourg et qui ressemblent si peu à mes chers compatriotes, tout me fait croire quelque fois que je me trouve à 35 mille lieux de ma chère patrie et me donne des momens de bonheur. Mais en voilà assez sur cet article, il commence à m'atrister. Грустно мнѣ, что я еще только въ Ревелѣ, 300 верстъ отъ Петербурга. Si vous saviez, comme je désire aller outre mer, vous en auriez pitié. Adieu! J'espère que nous nous reverront bientôt. Portez-vous bien, menagez vous au nom de Dieu.

Si Annette Wulf est de retour, engagez la de m'écrire. Sait-elle que je suis si fort l'amie de sa cousine Kern que j'ai tenu sur les fonds son enfant auquel elle a donné mon nom. J'ose me flatter que cela me vaudra un petit retour de tendresse.

Поцѣлую Маню. Olga P.

Карамзины тебѣ кланяются; онѣ очень воѣ милы. La шельма ne m'a jamais paru aussi interessante, et je l'ai pourtant toujours aimée.

264.

Князю П. А. Вяземскому.

14-го августа [1826 г. Михайловское].

Такъ море, древній душегубецъ,
 Воспламеняетъ геній твой?
 Ты славишь лирой золотою
 Нептуна грознаго трезубецъ.

Не славь его. Въ нашъ гнусный вѣкъ
 Сѣдой Нептунъ земли союзникъ.
 На всѣхъ стихіяхъ человекъ
 Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другога раза.

Правда-ли, что Николая Т. привезли на кораблѣ въ П. Б.? Вотъ какого море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенныя повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ, только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое холоднымъ и сухимъ. [Ему] Иначе и быть не возможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

На оборотъ: Барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургѣ на Б. Милльонной въ домѣ Г-жи Эвелингъ. Пр. дост. князю П. А. Вяземскому.

265.

Н. М. Языковъ — Пушкину.

19-го августа 1826 г. Дерптъ.

О ты, чья дружба мнѣ дороже
 Привѣтовъ ласковой молвы,
 Милѣ дѣвицы пригожей,
 Святѣ царской головы! ¹⁾
 Огнемъ стиховъ ознаменую
 Тѣ достохвальные края
 И ту годину золотую,
 Гдѣ и когда мы: ты да я,
 Два сына Руси православной,
 Два первенца полныхъ Музъ,
 Постановили своенравно
 Нашъ поэтический союзъ.
 Пѣвецъ ²⁾ изыскаго! забуду ль
 Какъ волновалася во мнѣ,
 На самой сердца глубинѣ
 Восторговъ пламенная удалъ,
 Когда могущественный ромъ,
 Съ плодами сладостной Мессины,
 Съ немного сахара, съ виномъ,
 Переработанный огнемъ, —
 Лился въ стаканы-исполины?
 Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ,
 Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
 Зовемъ искусства ³⁾ въ нашу Русь,

1) Въ подлинникѣ этотъ стихъ зачеркнуть чернилами, и противъ него поставлена NB; написанное надъ словомъ «царской», карандашомъ, слово «папской» (вѣроятно Языковымъ) также зачеркнуто, такъ какъ весь стихъ былъ исключенъ.

2) Слово «Пѣвецъ» написано Языковымъ вмѣсто зачеркнутаго имъ-же слова «Пророкъ»; противъ этого стиха стоитъ NB Языкова, перечеркнутая чернилами, такъ какъ слово «Пророкъ», внушавшее опасеніе, онъ замѣнилъ самъ словомъ «Пѣвецъ».

3) Слово «искусства» написано вмѣсто зачеркнутаго карандашомъ и чернилами «свободу».

И я на тридесѣтомъ ¹⁾ небѣ!
 И славою прадѣдовъ горжусь!
 Мнѣ утѣшительно доселѣ,
 Мнѣ весело воспоминать
 Сію Поэзію во хмѣлѣ,
 Ума и сердца благодать ²⁾.
 Теперь, когда Парнаса воды
 Хвостовы черпають на оды,
 И наша добрая ³⁾ Москва,
 Полна святаго упованья,
 Приготовляетъ торжества
 На свѣтлый день царевѣнчанья, —
 Съ челомъ возвышеннымъ стою,
 Передъ скрижалю вдохновеній ^{*}),
 И вольность нашихъ наслажденій
 И берегъ Сороти пою.

1826. Дерптъ. Августа 19.

Таково, съ моеѣ стороны, начало нашей переписки! Ради Бога въ васъ живушаго, поддержите ее; а я вѣрно буду постоянно ревностенъ въ дѣлѣ, которымъ могу гордиться. У меня есть еще другая до васъ прозьба; вотъ она: одинъ мой пріятель, увлеченный духомъ времени, собирается издать на будущій годъ Альманахъ; въ слѣдствіе сего намѣренія челоувѣка *добросовѣстнаго* и Литтератора, и въ слѣдствіе надежды на вашу ко мнѣ благосклонность — и прошу, и молю васъ неотказаться способствовать и сему богоугодному предпріятію. Апологъ:

1) Слово «тридесѣтомъ» — вмѣсто бывшихъ ранѣе, но зачеркнутыхъ «свечѣ, я на....» Оба эти стиха возбуждали сомнѣніе Языкова, а потому противъ нихъ стоитъ NB.

2) Противъ этого стиха — NB карандашомъ.

3) Написано вмѣсто «простодушная» и «древняя», потому что въ 1-й редакціи стихъ читался

И простодушная Москва,
 во 2-й — И наша древняя Москва.

Противъ этого и трехъ слѣдующихъ стиховъ на погѣ поставлена NB, знакъ вопроса чернилами и черта карандашомъ и чернилами.

*) Аспидная доска, на которой стихи пишу.

Удѣлъ Генія.

Змѣя увидѣла подсиѣжникъ, ранній цвѣтъ,
И ядомъ облила прелестное растѣнье.
Такъ Геній — наглости завистника предметъ —
Страдаетъ безъ вины и терпитъ угнетенье.

Хорошъ ли? Прощайте покуда. — Засвидѣтельствуйте мои почтенія и поклоны Прасковѣ Александровнѣ и всему міру, въ которомъ я былъ вполнѣ щастливъ.

Prope et longe tuus Н. Языковъ.

266.

А. Н. Вульффу (?).

(Черновое).

[Конецъ августа 1826 г. Михайловское].

Съ [чувствомъ] искреннымъ удоволь. получилъ я отъ Васъ перваго почти м. поправки моихъ стихотвор. опытовъ. Обстоятельства не позволяли мнѣ до сихъ поръ Вамъ отвѣчать — къ тому же я ждалъ отъ Языкова обѣщанныхъ стиховъ, надѣясь тѣмъ Васъ одолжить и заслужить болѣе снисходительности къ моимъ бездѣлкамъ. Ради.....¹⁾ нашего знакомства²⁾...

1) Нельзя разобрать трехъ словъ.

2) Нельзя разобрать одного слова.

267.

Б. А. фонъ-Адеркасъ — Пушкину.

8-го сентября 1826 г. Псковъ.

Милостивый Государь мой Александръ Сергѣевичъ! Сей часъ получилъ я прямо изъ Москвы съ нарочнымъ Фельдегеремъ Высочайшее разрѣшеніе по всеподданнѣйшему прошенію Вашему, съ коего копию при семъ прилагаю. Я не отправляю къ вамъ Фельдегера, который остается здѣсь до прибытія вашего, прошу васъ поспѣшить приѣхать сюда и прибыть ко мнѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга Борисъ фонъ-Адеркасъ.

8-го Сентября 1826.

Псковъ.

268.

П. А. Осиповой.

4-го сентября [1826 г.]. Псковъ.

Je suppose, madame, que mon brusque départ avec un фельдъ-егеръ vous a surpris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельдъ-егеръ. On m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très aimable du baron Дибичъ il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant, dès que je serai libre, je reviens en toute hate à Trigorsky, où desormais mon coeur est fixé pour toujours.

Pskow, 4 sept.

269.

Анна Николаевна Вульфъ — Пушкину.

11-го сентября [1826. Петербургъ].

Que vous dirois-je et coment començerois-je ma lettre? Cependant je sens un besoin de vous écrire qui ne me permet d'écouter ni reflection, ni raison. Je suis comme une autre par la nouvelle que j'ai aprise hier de votre dénonciation. Dieu du Ciel, que vous arrivera-t-il donc? Ha! Si je pouvois vous sauver au risque de mes jours, avec quel plaisir je les aurois sacrifiés et pour toute grâce j'aurois demandé au Ciel de vous revoir un moment avant de mourir. — Vous ne sauriez vous imaginer dans quelles angoises je suis; l'incertitude où je suis sur votre compte est horrible, jamais je n'ai souffert ainsi moralement et jugez je dois partir dans deux jours sans avoir rien a priori de certain sur votre compte. Non, je n'ai rien senti de si affreux dans ma vie et je ne sais coment je n'en perds pas l'esprit. Moi qui comptois vous revoir enfin ces jours-ci! Jugez quel coup inattendu a dû être pour moi la nouvelle de votre départ pour Moscou! Mais cette lettre vous parviendra-t-elle et où vous trouvera-t-elle? Voilà des questions aux quelles personne ne peut répondre. Vous trouverez peut-être que je fais bien mal de vous écrire et je le trouve aussi, mais cependant je ne puis me priver de cette seule consolation qui me reste. C'est par Вяземский que je vous écris; il ne sait pas de qui est la lettre, il a promi de la brûler s'il ne peut vous la remettre. Vous fera-t-elle encore plaisir? Vous avez peut-être bien changé depuis quelque mois: elle peut même vous paraître déplacée. Cette idée je l'avoue est affreuse pour moi, mais en ce moment je ne puis songer à rien qu'aux dangers, où vous êtes et je passe pardessus toute autre considération. S'il vous est possible, au nom du Ciel, répondez moi un mot. Delvig se proposoit de vous écrire avec moi une longue lettre où il vous prit d'être circonspect!! Je crains bien que vous ne l'ayez pas été. Dieu, avec quelle joie j'aurois apris que vous êtes pardonné, dussai-je ne vous revoir jamais, quoique cette condition seroit pour moi affreuse comme la mort. Vous ne direz pas cette fois que cette lettre est spirituelle, elle n'a pas le sens comun et cependant je

vous l'envoie telle qu'elle est. Quel malheur vraiment que de donner dans les каторжники. Adieu! Quel bonheur, si tout finissoit bien, autrement, je ne sais ce que je deviendrai. Je me suis bien compromise hier en aprenant l'affreuse nouvelle et quelques heures avant j'ai été au théâtre à lorgner le P. Viazemsky pour pouvoir vous en parler en revenant! J'aurois eu beaucoup à vous dire, mais aujourd'hui je dis toujours trop ou trop peu et je crois que je finirai par déchirer ma lettre. Ma cousine Annette Kern prend le plus vif intérêt à votre sort. Nous ne parlons que de vous; elle seule me comprend et ce n'est qu'avec elle que je pleure. C'est si difficile pour moi de feindre et je dois paroître gai quand mon âme est déchirée.

11 Septembre.

Netty est très touchée de votre sort. Que le Ciel veille sur vous et vous protège. Imaginez-vous ce que j'éprouverai en arrivant à Trigorsko. Quel vuide et quel tourment! Tout vous rappellera à mon souvenir. C'est avec un sentiment bien différend que j'ai cru aprocher ces lieux; que Trigorsko m'étoit devenu cher, je croyois y retrouver l'existence; comme je brûlois d'y retourner et maintenant je n'y retrouverai qu'un souvenir déchirant. Pourquoi l'ai-je quitté! Hélas! Mais je vous parle de mes sentiments avec trop d'abandon. Il est tems de finir. Adieu! conservez-moi quelque affection: celle que je vous porte le mérite. Dieu, si je vous revoyois content et heureux!

270.

П. А. Осиповой.

15-го сентября [1826 г. Москва].

Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le temps de vous écrire; cela vous prouve, madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable. Moscou est bruyant et dans les fêtes, à tel point que j'en suis

déjà fatigué, et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est à dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines. Aujourd'hui 15 Sept. nous avons la grande fête populaire; il y aura trois verstes de tables dressées au Дѣвичье Поле; les pâtés ont été fournis à la сажень comme si c'était du bois; comme il y a quelques semaines que ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digérer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter. Voici la nouvelle du jour: demain il y a bal chez la c-esse Orlof; un immense manège a été converti en salle; elle en a emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglemens, très sévères concernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire. Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie actuelle. Je suppose que m-lles Annettes sont déjà à Trigorsky; je les salue de loin et de tout mon coeur, ainsi que toute votre charmante famille. Agréez, madame, l'assurance de mon profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie.

Pouchkine.

Moscou. 15 Sept.

271.

Баронъ А. А. Дельвигъ — Пушкину.

[15-го сентября 1826 г. Петербургъ].

Поздравляемъ тебя, милый Пушкинъ, съ перемѣнной судьбы твоей. У насъ даже люди прыгаютъ отъ радости. Я съ братомъ Львомъ развезъ прекрасную новость по всему Петербургу. Плетневъ, Козловъ, Гяѣдичъ, Слѣнинъ, Кернъ, Анна Николаевна всѣ прыгаютъ и поздравляютъ тебя. Какъ счастлива семья твоя ты не можешь представить. Особливо мать, она на верху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь ихъ счастья упорнымъ молчаніемъ. Ты напишешь имъ.

24*

Они доказали тебѣ любовь свою. Душа моя, меня пугаетъ положеніе твоей няни. Какъ она перенесла совсѣмъ неожиданную разлуку съ тобою. Что касается до Осиповой, она меня испугала отчаяннымъ письмомъ. Обними Баратынскаго и Вяземскаго, и подумайте, братцы, объ моихъ „Цвѣтахъ“. Не осрамите моихъ сѣдинъ передъ Ѳедоровымъ. За канцелярскія услуги А. И. Тургеневъ наградила его статьями Карамзина и Батюшкова! Какъ это! Уродливый боець выступить въ составаніе съ заслуженнымъ атлетомъ и побѣдить его. Ради Бога, собирая еиміамъ себѣ, вербуй хорошенькія пьески мнѣ, а болѣе всего своего, Вяземскаго и Евгенія. Тебѣ и Дмитріевъ не откажетъ, хотя бы страничку изъ его журнала. Надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну. Да пиши ко мнѣ подробнѣе обо всемъ, а поласковѣе къ отцу, матери, роду-племени. Пиши скорѣй къ намъ; увѣдомь, куда посылать къ тебѣ деньги и письма и сколько ты останешься въ Москвѣ. Прощай, радость моя. Оканчиваю письмо это, чтобы приняться утѣшать и обрадовать Прасковью Александровну.

Жена моя тебѣ клянется очень. Между тѣмъ позволь мнѣ завладѣть стихами къ Аннѣ Петровнѣ. Еще прощай! Guten Tag!

Твой Дельвигъ.

272.

Анна Николаевна Вульфъ — Пушкину.

Petersbourg, le 16 Septembre [1826 г.].

Je suis assez peu égoïste pour me réjouir de votre libération et vous en féliciter bien vivement quoiqu'un soupir m'échappe en vous l'écrivant, et qu'au fond du coeur j'aurais donné beaucoup pour que vous fussiez encore à Михайловское. Tous mes efforts de générosité ne peuvent étouffer le sentiment de peine que j'éprouve en songeant que je ne vous retrouverai plus à Trigorско où ma mauvaise étoile me rappelle en ce moment; que n'aurais-je donné pour ne l'avoir pas quitté du tout et ne pas y retourner maintenant. Je vous ai écrit une longue lettre avec le

Prince Wias. — je voudrais que vous ne l'avez pas reçue: j'étois alors au désespoir de vous savoir pris et je ne sais quelles imprudences je n'aurai pas faites. J'ai vu le Prince au théâtre et je n'ai fait que le lorgner pendant tout le spectacle, j'espérois alors vous en parler!! — J'ai été enchantée de revoir votre soeur, elle est délicieuse. Savez vous, je trouve qu'elle vous ressemble beaucoup; je ne sais comment je n'ai pas fait cette observation avant. — Dites-moi je vous prie pourquoi avez vous cessé de m'écrire: est-ce par indifférence ou oubli. Vilain que vous êtes! vous ne méritez pas qu'on vous aime, j'ai bien des comptes à régler avec vous — mais le chagrin que j'ai de ne plus vous revoir me fait tout oublier.....¹⁾ сколько хлопотъ я думаю въ Москвѣ — я²⁾ онъ устанетъ внимать..... ну³⁾ беспре- станно. — А. Кери вамъ велитъ сказать, что она бескорыстно радуется вашему благополучію и любитъ искренно и безъ зависти. Adieu mes délices passés et..... vivez³⁾! Jamais de la vie personne ne me fera éprouver les émotions et sensations que j'ai ressenti près de vous. Ma lettre vous prouve la confiance que j'ai en vous. J'espère donc que vous ne me compromettrez pas et que vous déchirez ma lettre, en écrivant [en aurais-je?] une reponse.

На оборотъ: A Monsieur Alexandre P—. Frère postiche pour ne pas scandaliser le monde.

273.

В. В. Измайловъ — Пушкину.

29-го сентября 1826 г. Подмосковная.

Милостивый Государь Александръ Сергѣевичъ! Простите ли смѣлость мою? Едва свѣдалъ я о вашемъ приѣздѣ въ Москву и повторяю мою нескромную просьбу и съ жаднымъ нетерпѣніемъ

1) Не разобрано.

2) Оторванъ край письма.

3) Не разобрано.

приступаю къ вамъ, занятымъ трудами славы, чтобы вы изъ сожалѣннѣя отбросили хотя одинъ изъ лучей ея на темный трудъ мой въ литературѣ, объ которомъ я писалъ къ вамъ. Въ семъ дерзкомъ требованіи вашихъ стиховъ въ подарокъ мнѣ и читателямъ моего Альманаха на новый годъ вините не меня, но ваши таланты. Слава, какую вы имѣете, едва ли приобретается не на условіи терпѣть скуку отъ журналистовъ и насъ, ихъ собратій, обступающихъ великаго поэта, какъ неутомимыя пчелы осаждаютъ роскошнѣйшіе цвѣты въ природѣ. Какъ мнѣ прискорбно, что я не могу, за слабостію здоровья моего, васъ видѣть и слышать, вамъ лично удивляться и слѣдовать за вашимъ торжествомъ въ столицѣ. Завидую Москвѣ. Она короновала Императора, теперъ коронуетъ поэта... Извините: я забываюсь. Пушкинъ достоинъ триумфовъ Петrarки и Тасса; но Москвитяне — не Римляне и Кремль не Капитолій.

Позвольте мнѣ, безъ условныхъ формъ свѣтской учтивости, но съ душевнымъ истиннымъ къ вамъ уваженіемъ именоваться, Милостивый Государь, вашимъ усерднымъ почитателемъ Владиміръ Измайловъ.

1826. Сентября 29 дня. Подмосковная.

На оборотѣ: Въ Москву. Его Благородію Милостивому Государю Александрю Сергѣевичу Пушкину.

274.

А. Х. Бенкендорфъ — Пушкину.

30-го сентября 1826 г. Москва.

Милостивый Государь
Александръ Сергѣевич!

Я ожидалъ прихода Вашего, чтобъ объявить Высочайшую волю по прозвбѣ Вашей, но отправляясь теперъ въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что Государь Императоръ не только не запрещаетъ приѣзда Вамъ въ Столицу, но предоставляетъ совершенно на Вашу волю съ

тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія чрезъ письмо.

Его Величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности Ваши на передаваніе потомству славы нашего Отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя Ваше. Въ сей увѣренности Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предметомъ о воспитаніи юношества. Вы можете употребить вѣсь досугъ, Вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія; и предметъ сей долженъ представить Вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

Сочиненій Вашихъ никто разсматривать не будетъ; на нихъ нѣтъ никакой Цензуры: Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній Вашихъ и Цензоромъ.

Объявляя Вамъ сію Монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія Ваши, такъ и письма можете для представленія Его Величеству доставлять ко мнѣ; но впрочемъ отъ Васъ зависитъ и прямо адресовать на Высочайшее имя.

Примите при семъ увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашъ покорной слуга А. Бенкендорфъ.

№ 205.

Москва.

30-го Сентября 1826.

Его Благородію А. С. Пушкину.

275.

А. А. Муханову.

[Сентябрь — октябрь 1826 г. Москва].

Bonjour, venez chez moi demain soir à 8. h. — Nous lirons Годуновъ.

276.

В. В. Измайлову.

9-го октября 1826 г. Москва.

Милостивый Государь Владимиръ Васильевичъ,

Извините что до сихъ поръ я не могъ отвѣчать вамъ; разныя обстоятельства, печальныя и хлопотливыя мнѣ помѣшали. —

Радуюсь что могу чѣмъ нибудь угодить первому почтенному покровителю моей Музы. — Я непременно доставлю Василью Львовичу стихи для Вашего Альманаха.

Уѣзжаю изъ Москвы съ искреннимъ сожалѣніемъ что не имѣлъ случая возобновить нашего заочнаго знакомства.

Примите искреннія увѣренія въ глубочайшемъ почтеніи и сердечной моей преданности.

А. Пушкинъ.

9 Октября
1826.
Москва.

На оборотъ: Владиміру Васильевичу Измайлову.

277.

Княгиня З. А. Волконская — Пушкину.

Moscou, ce 29 Octobre 1826.

Il y a plusieurs jours que j'ai mis de côté pour vous ces deux lignes, cher Monsieur Pouchkine. Mais j'ai oublié de vous les remettre; c'est que quand je vous vois, je deviens marâtre. „Jeanne“ a été faite pour mon théâtre, j'ai joué ce rôle et voulant en faire un opéra, j'ai dû finir au milieu de la pièce de Schillre.

Vous aurez une lithographie de ma tête en Giovanna d'Arco, d'après Bruni, vous la mettrez sur la première page, et vous vous souviendrez de moi. Revenez-nous. L'air de Moscou est plus léger. Un grand poëte Russe doit écrire ou dans les stepes, ou à l'ombre du Kremlin, et l'auteur de Boris Godounoff appartient à la cité des czars. Quelle est la mère qui a conçu l'homme dont le génie est toute force, toute grâce, tout abandon; qui tantôt sauvage, tantôt européen; tantôt Schakespear et Byron, tantôt Arioste, Anacréon, mais toujours Russe, passe du lyrique au dramatique, des chants doux, amoureux, simples, parfois rudes, Romantiques ou mordants, au ton grave et naïf de la sévère histoire.

Au revoir, tantôt, j'espère. Princesse Zénéide Volkonsky.

278.

Н. С. Алекѣевъ — Пушкину.

30-го октября [1826 г. Кишиневъ].

Во время, когда я думалъ писать къ тебѣ посторонними путями, любезный Пушкинъ, черезъ посредство Крупенской, которая бралась доставить письмо къ сестрѣ своей Пещуровой, какъ узнаю что ты въ Москвѣ. Радость овладѣла мной до такой степени, что я не въ состоянїи изъяснить тебѣ и предоставляю судить тебѣ самому, если разлука не уменьшила довѣренности твоей къ моей дружбѣ. Съ какою завистью воображаю я Московскихъ моихъ знакомыхъ, имѣющихъ случай часто тебя видѣть; съ какимъ удовольствїемъ хотѣлъ бы я быть на ихъ мѣстѣ и съ какою гордостью сказалъ бы имъ: мы нѣкогда жили вмѣстѣ, часто одно думали, одно дѣлали и почти одно любили, иногда ссорились, но разстались друзьями, или по крайней мѣрѣ я такъ льстилъ себѣ. Какъ бы желалъ я позавтракать съ тобою въ одной изъ Московскихъ рестораціевъ и за стаканомъ Бургонскаго пройти трех-лѣтнюю Кишиневскую жизнь, весьма занимательную для насъ разныи происшествїями. Я имѣлъ многихъ прїятелей, но въ обществѣ съ тобою я себя лучше чувствовалъ, и мы, кажется, оба понимали другъ друга. Не

смотря на названіа: лукаваго соперника и чернаго друга, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили пріятно!

Теперь сцена Кишиневская опустѣла, и я остался одинъ на мѣстѣ, чтобъ, какъ очевидный свидѣтель всего былова, могъ со временемъ передать потомству и мысли, и дѣла наши. Все пере-мѣнилось здѣсь со времени нашей разлуки: Сандулаки вышла замужъ, Соловкина умерла, Пулжерія состарилась и въ бѣдности, Калипсо въ чухоткѣ; одна Еврейка осталась на своемъ мѣстѣ. Но прежнихъ дней ужъ не дождусь: ихъ нѣтъ какъ нѣтъ! Какъ часто по осушеннымъ берегамъ Быка хожу я грустный и туманный и проч., вспоминая милаго товарища, который умѣлъ вмѣстѣ и сердить, и смѣшить меня. Самая ма-даме Вольфъ сильно дѣйствуетъ на мое расположеніе, и если ты еще не забылъ этотъ предметъ, то легко поймешь меня....!

Мѣсто Катакази занялъ Тимковскій; ты его вѣрно знаешь: онъ одинъ своимъ умомъ и любезностью усаждаетъ скуку. Ты, можетъ быть, захочешь узнать, почему я живу здѣсь такъ долго; но я ничего тебѣ сказать не въ состояніи: какая-то тягостная лѣнь душою овладѣла! Счастіе по службѣ ко мнѣ было постоянно: за всѣ порученія мною выполненныя съ усердіемъ, полу-Милордъ наградилъ меня благодарностью и нѣсколько разъ пожатіемъ руки; чины же и кресты зависѣли отъ окружающихъ, коихъ нужно было просить, а я сохранилъ свою гордость и не подвинулся ни на шагъ. Теперь его чортъ взять, онъ отправился въ Англію, но я ожидаю способоу возвратиться въ Москву бѣлокаменную и соединиться съ друзьями; но:

Сколь многихъ взоръ нашъ не найдетъ
Межъ нашими рядами!

Между тѣмъ я увѣренъ, что ты меня вспомнишь: удостоенный нѣкогда цѣлаго посланія отъ тебя, я вправѣ надѣяться получить нѣсколько строкъ, а также, если можно, и чего-нибудь новаго изъ твоего произведенія. Я имѣлъ первую часть Онѣгина, но ее кто-то зачиталъ у меня; о второй слышалъ и жажду ее прочесть. Если вздумаешь писать ко мнѣ, то подписывай прямо въ Кишиневъ, а всего лучше пошли въ домъ Кисилевыхъ, кои ко мнѣ доставятъ и такимъ образомъ будутъ нашимъ Почтамтомъ.

Я часто говорю о тебѣ съ Яковомъ Сабуровымъ, который вмѣстѣ со мною въ комиссіи по дѣламъ Варсоломея; онъ тебя очень любитъ и помнитъ. Липранди тебѣ кланяется, живетъ по прежнему здѣсь довольно открыто и, какъ другой Каліостро, Богъ знаетъ, откуда беретъ деньги. Прости, съ нетерпѣніемъ ожидаю удостовѣренія, что въ твоей памяти живетъ еще Алексѣевъ.

30-е октября.

279.

Княгинѣ В. Ѡ. Вяземской.

3-го ноября [1826 г.]. Торжокъ.

Je m'empresse, Madame la princesse, de vous envoyer les ceintures. Vous voyez que j'ai une belle occasion de vous faire un madrigal à propos de la ceinture de Venus etc., mais le madrigal et le sentiment sont devenus également ridicules. Que vous dirai-je de mon voyage? Il continue sous les plus heureux auspices — sauf un chemin detestable et des ямщикъ insupportables. Les cahots, les coups de coudes etc. incommodent beaucoup mes deux compagnons de voyage — je leur demande pardon de la liberté grande, mais quand on fait tout que d'aller ensemble, il faut bien se passer quelque chose. S. P. *) est mon bon ange; mais l'autre est mon démon; cela me trouble dans més méditations poétiques et amoureuses leplus mal à propos du monde.

Adieu, madame la Princesse — je m'en vais m'enterrer au milieu de mes voisines. Priez Dieu pour le repos de mon âme — Si vous daignez m'envoyer à Опочка une petite lettre de 4 pages, cela seroit de votre part une coquetterie tout à fait aimable. Vous qui savez tourner un billet mieux que feuе ma tante, n'aurez-vous pas cette extrême bonté? (NB. billet est desormais syno-

*) Ce n'est pas Serge Pouchk. bien entendu.

nyme de musique). Adieu donc. Je suis à vos pieds et vous secoue la main à l'Anglaise, puisqu'à toute force vous ne voulez pas que je vous la baise.

Torjok 3 Nov.

У а-т-ил assez de sous-oeuvres. Au nom de Dieu n'en donnez pas la clef à M. votre époux. Je m'y oppose formellement —

На оборотъ: Ея Сіятельству Княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской. Въ Москвѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

280.

С. А. Соболевскому.

9-го ноября [1826 г. Михайловское].

Мой милый Соболевскій — я снова въ моей избѣ. 8 дней былъ въ дорогѣ, сломалъ два колеса и приѣхалъ на перекладныхъ. Дорогою бранилъ тебя немилосердно, но въ доказательство дружбы (сего священнаго чувства) посылаю тебѣ мой Itineraige отъ Москвы до Новгорода. Это будетъ для тебя Инструкція. Во первыхъ запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ ¹⁾).

У Гальяни иль Кольони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармазаномъ макарони
Да яишницу свари —

* * *

На досугѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ
Жареныхъ котлетъ отвѣдай (имянно котлетъ)
И отправься на легкѣ.

* * *

1) На голосъ: Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской.

Какъ до Яжельбиць дотащить
Колымагу мужичокъ,
То-то другъ мой разтаращить
Сладострастный свой глазокъ!

* * *

Поднесутъ тебѣ форели!
Тотчасъ ихъ варить велл
Какъ увидишь: посянѣлн,
Влей въ уху стаканъ Шаблн.

* * *

Чтобъ уха была по сердцу
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусокъ—

Яжельбицы — первая станція послѣ Валдая — Въ Валдаѣ
спроси есть-ли свѣжія сельди? если-же нѣтъ

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай —

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую
бутылку; такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое
нибудь занятіе. Прощай, пиши.

На оборотѣ: Сергѣю Александровичу Соболевскому. Въ
Москвѣ, на Молчановкѣ въ домѣ Ренкевичевой.

281.

Н. М. Языкову.

[9-го ноября 1826 г. Михайловское].

Милый Николай Михайловичъ — сейчасъ изъ Москвы, сей
часъ видѣлъ ваше Тригорское. — Спѣшу обнять и поздравить

васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишите много лучшаго. — Дай Богъ вамъ здоровія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія! Царь освободилъ меня отъ Цензуры. Онъ самъ мой Цензоръ. Выгода конечно необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О ценз. уставѣ рѣчь впереди. Пишите мнѣ. Обнимаю Васъ и Вульфа.

Получили-ли Вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ — пришлите мнѣ ихъ, да къстати и первое посланіе.

О Москвѣ напишу вамъ много.

282.

Князю П. А. Вяземскому.

9-го ноября [1826 г. Михайловское].

Вотъ я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый неприятный анекдотъ было-то что сломались у меня колеса, разтресенныя въ Москвѣ другомъ и благоприятелемъ моимъ Г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла, какъ то, по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь что я не корчу чувствительность, но встрѣча моею дворни, хамовъ и моею Няни — ей Богу, приятнѣе щекотить сердце чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази что 70 лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощенія духа его свирѣпости, молитвы вѣроятно сочиненной при Ц. Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебень и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила-ли Княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь, въ П. Б. не поѣду; буду у васъ къ 1-му — — — она велѣла! Милый мой, Москва оставила во мнѣ неприятное

впечатлѣніе, но все таки лучше съ вами видѣться — чѣмъ переписываться. Къ тому же Журналь.. Я ничего не говорилъ тебѣ о твоёмъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, ей Богу — грустно. И такъ никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ, и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнны чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала, вотъ за чѣмъ и издатель существуетъ; но онъ долженъ 1) знать Грамматику рускую 2) писать со смысломъ: т. е. согласовать существ. съ прилаг. и связывать ихъ глаголомъ. — А этаго то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцова и Растопчина и согласиись со мной что ему не возможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я — буду хозяинъ новаго журнала — тогда какъ ты хочешь а ужъ Полевова ты пошлешь къ матери въ гузно. Прощай Князь Вертопрахинъ, кланяйся Княгинѣ Вѣтровѣ, которая надѣюсь выздоровила. — Что наши? Что Запретная Роза? что Тимашева? Какъ жаль что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу! но и это не ушло.

9 Ноября.

Сей часъ перечелъ мои листы о Карамзинѣ — нѣчего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитр. (котораго NB ты одинъ еще поддерживаешь) то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина — не Дмитріеву чета! — Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидывать, такъ вотъ кому я долженъ [былъ] бы завидывать. Аминь Аминь глаголю вамъ. Онъ всѣхъ насъ, стариковъ за поясъ заткнетъ. — Ахъ, каламбуръ! Скажи Княгинѣ что она всю прелесть Московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

283.

М. П. Погодинъ — Пушкину.

15-го ноября 1826 г. Москва.

.....Позволеніе издавать журналъ получено. Подписка открыта. Отрывокъ изъ Годунова отправленъ въ С.-Петербургскую цензуру; но его, можетъ быть, не пропустятъ (два года тому назадъ запрещено было помѣщать отрывки изъ піесъ въ журналахъ), а первый № непременно долженъ освѣтить Вами: пришлите что-нибудь поскорѣе на такой случай. Еще — журналистъ ожидаетъ общаго инструкціи.

284.

Княгиня В. Ѳ. и князь П. А. Вяземскіе — Пушкину.

19-го ноября [1826 г. Москва].

Je présume que voici une lettre qui vous occupera beaucoup, ce dont ma faiblesse et ma paresse vont profiter, en ne vous disant que quelques mots. D'abord, êtes-vous fou, comment convertir si facilement vos belles rimes et dépenser son or si gratuitement. La quantité des ceintures m'a indignée; il n'y a que la quantité qui puisse vous faire pardonner, elles sont toutes charmantes. Le bon ange et le démon vous tiennent ils encore compagnie, je crois que vous les avez renvoyés depuis longtems. A propos vous avez si souvent changé d'objet que je ne sais plus qui est l'autre. Mon mari m'assure que j'espère que c'est moi. Que le Ciel nous en préserve tous deux, d'abord je ne veux point voyager avec vous, je suis trop faible et trop vieille pour courir les grands chemins, dans toute la force du terme, je serai devenu votre mauvais Ange, mais je prétends à de l'amitié de votre part, il parait que vous avez secoué ce joug, au quel il vous faut absolument être soumis pour entendre quelques vérités sans vous révolter. Ainsi adieu donc mon grave ami, faites nous part de vos projets.

Притиска князя П. А. Вяземскаго.

Какъ доѣхалъ? Что няня? Что любовь? когда возвратишься? пишешь-ли? Вдался-ли въ запой стиховъ, или не можешь еще справиться съ Московскаго похмеля? Здѣсь все по старому; одинъ только Завальевскій не пишетъ и не поетъ, а растянувшись лежитъ больной. Кривцовъ проѣздомъ въ свой новый пашалыгъ живетъ съ нами, жалѣетъ что тебя уже не засталъ и дружески обнимаетъ. А. Тургеневъ и Жуковскій просятъ изъ Дрездена посылать имъ съ каждою почтою по нѣсколько стиховъ изъ Годунова. Пишу имъ что твой Борисъ не Французскій рагу, что можно подавать въ разбивную, а добрая штука мяса Англійская, которую должно подать за столъ цѣликомъ.

Прощай батюшка. Не заживайся, а приѣзжай, или въ Питеръ, или въ Бѣлокаменную.

19-го ноября.

285.

Н. М. Языкову.

21-го ноября [1826 г. Москва].

Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новагорода — Вамъ достойному пѣвцу того и друга — Пишу однакожъ изъ Москвы — куда вчера привезъ я Ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ что я участвую въ Моск. вѣстникѣ, слѣдственно и вы также — Адресуйте-же ваши стихи въ Москву на Молчановку въ домъ Ренкевичевой, оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія — Непремѣнно будьте-же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется —

Я усталъ и боленъ — потому Вамъ и не пишу болѣе — Вульфъ кланяюсь, обѣщая мое высокое покровительство. —

21 ноября.

Тригорское ваше съ вашего позволенія напечатано будетъ во 2 № Моск. Вѣстн. — Рады-ли вы журналу? Пора задушить Альманахи. — Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземской остался твердъ и вѣренъ Телеграфу — жаль но чтожъ дѣлать. —

286.

А. Х. Бенкендорфъ — Пушкину.

22-го ноября 1826 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь,
Александръ Сергѣевичъ!

При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы Вы въ случаѣ какихъ-либо новыхъ Литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ посредство мое, или даже и прямо, Его Императорскому Величеству.

Не имѣя отъ Васъ извѣщенія о полученіи сего моего отъѣва, я долженъ однако же заключить, что оный къ Вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ.

Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь Трагедію.

Сіе меня побуждаетъ Васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня, справедливо ли таковое извѣстіе или нѣтъ. Я увѣренъ, впрочемъ, что Вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ Монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ покорный слуга А. Бенкендорфъ.

№ 111.

22-го Ноября 1826.

Его высокоблагородію А. С. Пушкину.

287.

М. П. Погодину.

29-го ноября [1826 г.]. Псковъ.

Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ Моск. цензурѣ все что носить мое имя: такова воля высшаго начальства; покаместъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ — но все переимѣнится, и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданія скорого. Жалѣю, что договоръ нашъ несостоялся. Александръ Пушкинъ.

Ноября 29. Псковъ.

На оборотѣ: Въ Москву. Въ Университетскую лавку Г-ну Ширяеву для доставленія какъ можно скорѣе господину Погодину.

288.

А. Х. Бённендорфу.

29-го ноября 1826 г. Псковъ.

Милостивый Государь**Александръ Христофоровичъ,**

Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я незналъ должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ Вашего Превосходительства, и которымъ былъ я тронуть до глубины сердца. Конечно никто живѣ меня не чувствуетъ милость и великодушіе Государя Императора, также какъ снисходительную благосклонность Вашего Превосходительства.

Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ (конечно не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ Высочайшую Волю Государя) то поставляю

за долгъ препроводить ее Вашему Превосходительству, въ томъ самомъ видѣ какъ она была мною читана, дабы Вы сами изволили видѣть духъ въ которомъ она сочинена; я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ Императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другаго списка у меня не находится, то приемлю смѣлость просить Ваше Превосходительство, оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно беспокоить ничтожными литературными занятіями моими, человѣка Государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мѣлкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и Альманахи, по просьбѣ издателей; прошу отъ Вашего Превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.

Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности, честь имѣю быть,

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

Псковъ.
1826 г. Ноября 29.

289.

Н. С. Алексъеву.

1-го декабря [1826 г. Псковъ].

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй!

Не могу изъяснить тебѣ моего чувства при полученіи твоего письма. Твой почеркъ опрятный и чопорный, Кишиневскіе звуки, берегъ Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. . . Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я — опять въ своихъ развалинахъ,

въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ, смазанной изъ молдавскаго <...>. Опять рейнвейнъ, опять шампагне, и Пущинъ, и Вареоломей, и все... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хоть и часто о тебѣ вспоминаю и жалѣю, что не могу бѣсить тебя, ни наблюдать твои маневры вокругъ острога. Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось Богъ милостивъ! — увижу гдѣ-нибудь чинно сидящаго моего чернаго друга — или въ креслахъ театральныхъ, или въ рестораціи за бутылкой. Нѣтъ! Такъ и уѣхалъ во Псковъ. Такъ и теперь ѣду въ бѣлокаменную. Надежды нѣтъ, иль очень мало. По крайней мѣрѣ, пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя подчивать новостями московскими. Буду тебѣ сводничать старыхъ твоихъ любовницъ — я чай, дьявольски состарѣлись. Напиши — кто. Я готовъ донинѣ идти по твоимъ слѣдамъ, утѣшаясь мыслию, что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески; жалѣю, что въ разные времена съѣздили мы на счетъ казенной и не столкнулись гдѣ-нибудь.

Прощай, отшельникъ бессарабской,
Лукавый другъ души моей!
Порадуй же меня не сказачкой арабской,
Но русской правдою своей.

А. П.

1 декабря.

290.

Князю П. А. Вяземскому.

1-го декабря [1826 г.]. Псковъ.

Ангель мой Вяземской, или пряникъ мой Вяземской, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку, обоихъ Васъ благодарю и ѣду къ Вамъ и не доѣду. Какой! меня доѣзжаютъ!...

Изясно послѣ. — Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ вмѣсто того чтобъ писать 7-ую главу Онѣгина, я проигрываю въ штось четвертую: не забавно. Отовсюду получилъ письма и всюду отвѣчаю. — Adieu, couple si étourdi en arrageuse, Adieu Князь Вертопрахинъ и Княгиня Вертопрахина. Ты видишь что у меня недостаетъ ужъ и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псковъ.

При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) отдай для дост. Киселеву — вой — вымъ, какъ хѣшь.

На оборотъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. (Затѣмъ рисунокъ перомъ, изображающій летящаго голубя, фіалку и пылающее сердце). Въ Москву, въ Чернышевскомъ переулкѣ. Въ собственномъ домѣ.

291.

В. П. Зубкову.

[1-го декабря 1826 г. Псковъ].

Cher Zoubkof, vous n'avez pas reçu de lettre de moi et en voici la raison: je voulois vous arriver comme une bombe le 1 dec. c. à. d. aujourd'hui, il y a donc 5 a 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная — vu les chemins détestables. — Les ямщикъ de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, j'ai le côté foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, de rage je joue et je perds. — En voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes; mon arrivée eût été la meilleure réponse aux reflexions, objections etc. Mais puisque me

voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, jasons c. à. d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami — Il est tems de vivre, c. à. d. de connaître le bonheur — Vous me dites qu'il ne peut être éternel : belle nouvelle ! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète, pourrois-je n'être pas le plus heureux des hommes auprès d'elle — je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend — je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois — voilà ce qui me donne des moments de reflexions pénibles — Dois-je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau ? — mon Dieu, qu'elle est jolie ! et que ma conduite avec elle a été ridicule. — Cher ami, tâchez d'effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner — dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine et la preuve — что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкой этотъ Панинъ, два года влюбленъ а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ — а я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ а въ третій сватаюсь ! Si elle trouve que Панинъ a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas ? — expliquez-lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue, il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'on l'aime il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le tems, car il est impossible d'être plus belle. — Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настрашай ее Панинымъ сквернымъ и жени меня.

A. П.

A Moscou, je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma Turquoise toute infâme qu'elle est. Je félicite le C-te Samoilof.

292.

С. А. Соболевскому.

[1-го декабря 1826 г. Псковъ].

Вотъ въ чемъ дѣло: Освобожденный отъ Цензуры я долженъ однакожъ, прежде чѣмъ что нибудь напечатать, представить оное Выше; хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымали голову. Конечно я въ точности исполню высшую волю и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ Альманашиковъ Журнальщиковъ, и прочихъ щепетильныхъ Литературщиковъ. — Съ Погодинымъ уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову безъ задержанія малѣйшаго. Твоя догадка — гадки; виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ, покаместъ сижу или лежу во Псковѣ. — Мнѣ пишутъ что ты боленъ: чѣмъ ты обълся? Остановлюсь у тебя.

293.

А. Х. Бенкендорфъ — Пушкину.

9-го декабря 1826 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь,
Александръ Сергѣевичъ!

Получивъ письмо ваше, вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піекою, я поспѣшаю васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представлю Его Императорскому Величеству и дамъ вамъ знать о воспослѣдовать имѣющемъ Высочайшемъ отзывѣ.

Между тѣмъ прошу васъ сообщать мнѣ на сей же предметъ всѣ и мѣлкіе труды блистательнаго вашего пера.

Примите увѣренія отличнаго моего уваженія и совершенной преданности А. Бенкендорфъ.

№ 135.

9-го Декабря 1826.

294.

А. Х. Бенкендорфъ — Пушкину.

14-го декабря 1826 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь,
Александръ Сергѣевичъ!

Я имѣлъ счастье представить Государю Императору Комедію Вашу о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Его Величество изволилъ прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной мною по сему предмету Запискѣ собственно ручно написалъ слѣдующее: „Я щитаю, что цѣль Г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Валтера Скота“.

Увѣдомля Васъ о семъ высочайшемъ отзывѣ и возвращая при семъ сочиненіе Ваше, долгомъ считаю присовокупить, что мѣста обратившія на себя вниманіе Его Величества и требующія нѣкотораго очищенія, отмѣченны въ самой рукописи и заключаются также въ прилагаемой у сего выпискѣ. — Мнѣ крайне лестно и пріятно служить отголоскомъ всемилостивѣйшаго вниманія Его Величества къ отличнымъ дарованіямъ вашимъ.

Въ ожиданіи вашего отвѣта, имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ Вашимъ покорнымъ слугою А. Бенкендорфъ.

№ 151.

14-го Декабря 1826.

Его Высокоблагородію А. С. Пушкину.

295.

А. Х. Бенкендорфъ — Пушкину.

23-го декабря 1826 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь,
Александръ Сергѣевичъ!

Государь Императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденіе Ваше о Народномъ воспитаніи и поручилъ мнѣ изъяснить Вамъ Высочайшую Свою признательность.

Его Величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое Вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее Васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Правственность, прилѣжное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія Ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ.

Съ отличнымъ уваженіемъ честь имѣю быть Вашимъ покорнымъ слугою А. Бенкендорфъ.

№ 163.

23-го Декабря 1826.

Его Высокоблагородію А. С. Пушкину.

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO \$1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.

APR 4 1933

APR 5 1933 IN STACKS

SEP 30 1963

APR 13 1933

REC'D LD

APR 14 1936

OCT 18 '63 -4 PM

11 Jul 49 GH

24 Mar '59 TB

REC'D LD

APR 13 1959

14 Oct '63 DW

LD 21-50m-1, '38

YE 11966

U. C. BERKELEY LIBRARIES

0047734048

Pushkin

178439

11

